

Томмазо
Кампанелла
+
О чувствѣ,
заключённомъ въ вещахъ,
и о магии

Томмазо Кампанелла
О чувстве, заключённом в вещах, и о магии

Издательство книжного
магазина «Циолковский»

Титульный лист первого, франкфуртского издания 1620 г.:
[Пера] брата[монаха] Томмазо Кампанеллы четыре книги о чувстве в вещах и о магии. Дивная часть тайной философии, в которой показывается, что мир – это хорошо познающее живое божье изваяние, а все части его и частички этих частей обладают чувством, одни – более ясным, другие – более смутным, в той мере, в какой необходимо, чтобы поддерживалась жизнь их и всего света, в коем они живут согласным чувством. И почти все основания тайн природы [в коей книге] открываются.

Тобиас Адами составил книгу и вот впервые публице представил.

F. THOMÆ CAMPANELLÆ

DE SENSURE
RVM ET MAGIA,

Libri Quatuor,

PARS MIRABILIS OCCVLTÆ PHI-
lophiæ, Vbi demonstratur, Mundum esse DEI vi-
vam statuam, beneque cognoscentem; Omnesque
illius partes, partiumque particulas sensu donatas esse,
alias clariori, alias obcuriori, quantus sufficit ipsarum
conseruationi ac totius, in quo consentiunt, & ferè o-
mniaum Naturæ arcanorum rationes aperiantur.

TOBIAS ADAMI RECENSUIT, ET
nunc primum evulgauit.

FRANCOFVRTI,

Apud EGENOLPHVM EMMELIVM, Impensis
Godefridi Tampachij.

ANNO M. DC. XX.

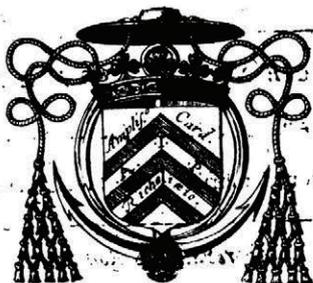
Титульный лист второго, парижского издания 1637 г.:

Томмазо Кампанелла, доминиканец.

Четыре книги о чувстве в вещах и о магии, в которых доказывается, что мир – это живое божье изваяние, а все части его и частички этих частей обладают чувством, одни – более ясным, другие – более смутным, столь, сколь нужно, чтобы поддерживалась жизнь их и всего света, в котором они живут согласным чувством.

Исправленные и защищённые от клеветы глупых обитателей мира с помощью доводов и свидетельств божественных книг, природы и Писания, а также толкователей Писания, богословов и философов, всех, кроме безбожников.

Отдаёт книгу [автор] на суд всевышний.

THOMAS
CAMPANELLA
ORD. PRÆD.
DE SENSU RERVM,
ET
MAGIA.

LIBROS QVATVOR,

[IN QVIBVS MVNDVM ESSE VIVAM DEI STATVAM, omnesque illius partes, partiumque particulas SENSU donatas esse, alias clariori, alias obscuriori, quantus ipsarum sufficit conseruationi, ac Totius in quo consentiunt, probatur. Ac Arcanorum naturarum rationes aperiuntur.]

CORRECTOS ET DEFENSOS à stupidorum incularum Mundi calumniis per Argumenta & Testimonia Diuinorum Codicum, Naturæ, sc. ac Scripturæ, eorumdemque Interpretum, scilicet, Theologorum & Philosophorum, exceptis Atheis.]

Iure potissimo DEDICAT CONSECRATQUE.

Comerby Monaca h. 1723. Campanella, Sicula.

PARISIIS,
Apud DIONYSIVM BECHET, viâ Iacobzâ,
sub Scuto Solari.

M. DC. XXXVII.

CVM PRIVILEGIO REGIS.

Надпись под портретом: «Почтенный отец, Томмазо Кампанелла, доминиканец, великолепно обращавший в бегство банду приверженцев Аристотеля, славен был в Риме и Париже: Кампанеллу изволят пусть нынче услышать люди, уразуметь, Кем воистину был он, что значил – расскажут его сочиненья».

В левом верхнем углу под звездой с колокольчиком цитата из книги пророка Исаяи (Ис. 62:1): *Propter Sion non tacebo* («Не умолкну ради Сиона»). Надпись в рамке: *Jesus est mea doctrina* («Иисус – моё учение»).

Офорт выполнен в 1658 г. французским гравёром Бальтазаром Монкорне (1600-1668) по портретному наброску, написанному при участии астролога Жана дю Фура (?-?), более известного под псевдонимом Митанур (буквальный перевод на иврит французской фамилии *du Four*, «Печной», «из печи»: תנור, к аккадскому обозначению глиняной печи, *tinūru*, восходит среди прочего и тюркский тандыр/тандир). Митанур, который в то время служил личным астрологом у Армана де Бурбона, первого принца де Конти (1629-1666), знал Кампанеллу в лицо в последний, парижский период его жизни (1634-1637).

R. P. THOMAS CAMPANELLA Ordinis Predicatorum.
 Turbe Peripateticae Eversor. Eximius Claruit Romae et Lutetiae.
 CAMPANELLAM nunc audire, et cernere mallent:
 quis recte, et quantum fuerit, sua scripta lequantur.
 Parentauerunt Chamahistae, I. Attamneur meminit. B. M. incornot. exc.

Томмазо Кампанелла

О ЧУВСТВЕ,
ЗАКЛЮЧЁННОМ
В ВЕЩАХ,
И О МАГИИ

перевод
Матвея Фиалко

Москва
2020

Людина – це найвеличніша з усіх істот.
Людина – найнещасніша з усіх істот. Людина –
найтідлиша з усіх істот. Як тяжко з цих трьох
рубрик вибрати першу для доведення прикладом.
Та найдивнішим є, що ці всі три рубрики
сходяться в одній тій самій людині!"

Іван Багряный.
Сад Гефсиманский

Натурфилософию Кампанеллы, сохраняющую определённую оригинальность, всё же совершенно верно рассматривают на фоне трудов, созданных двумя его важнейшими предшественниками: жившим на век раньше флорентийцем Марсилио Фичино (1433-1499) и современником и земляком Кампанеллы, уроженцем города Козэнца в Калабрии (там же, в 150 км. от Козенцы, в городе Стило в 1568 г. родился он сам) Бернардино Телезио (1509-1588). Телезио был создателем эмпирического (как считалось в советской историографии, прямо материалистического) учения, нашедшего выражение в труде «О природе вещей в четком соответствии её собственным началам» (*De rerum natura iuxta propria principia*)², третье, наиболее полное издание которого вышло в 1586 году. Плохую репутацию среди католических ортодоксов книга получила благодаря тому, что почти вся была посвящена критике воззрений Аристотеля, авторитет которого даже во второй половине XVI в. был значителен. Ссылки на труды Аристотеля играли важную роль в томизме, католической фило-

¹ «Человек – самое великое из существ, самое несчастное из существ, самое подлое из существ. Как сложно выбрать первой одну из этих трёх категорий, чтобы доказать на примере! И удивительнее всего то, что все три сходятся в одном и том же человеке» (здесь и далее примечания М. Филалко).

² Учитывая значение лат. *iuxta* (подле, при, возле), допустим и перевод: «О природе, не отходя ни на шаг от её собственных начал».

софии Фомы Аквинского (1225-1274), пользовавшейся признанием в монашеском ордене доминиканцев, к которому принадлежал и сам Кампанелла.

По мнению Телезио, в мире есть всего два *бестелесных* (*incorporea*) начала, тепло и холод (*calor et frigor*), которые, в постоянном порождении и развитии «повсеместно изливаясь друг навстречу другу» (*sese quaque versus effundiendi*), пребывают в извечном взаимном противостоянии во вселенской громаде (*molem universam*), космическом теле как арене их взаимодействия, начале третьем [Telesio 1910: 17, 24]. Тепло и холод и есть, согласно Телезио, источник настоящей основы познания, ощущения (*sensus*). Душа же, сотворённая и вложенная в людей Богом, ответственная за способность разумно постигать сущее (*facultatem ratiocinandi intelligendique*), в деле исследования и изыскания в природе непознанного играет несравненно меньше роли, чем ощущению обязанное умение верно оценить ситуацию на основе полученного в прошлом чувственного опыта (*existimandi vel commemorandi*) [Telesio 1910: 24]. Тем не менее, называть систему Телезио атеистической, по крайней мере, опираясь на материал самой книги, нельзя. В начале своего труда автор подчёркивает, что следует чувственному опыту (*sensus*), рассуждая о природе:

«Однако если какое-то из положений, выдвигаемых нами, не будет согласовываться со Священным писанием и католической церковью, мы ни в коем случае не утверждаем, что надо его придерживаться, а не отвергнуть всей душой (*penitus*). Ведь выше Писания и церкви не должно быть не только никакого человеческого рассуждение, но даже само ощущение (*sensus*). Если не согласуется оно с Писанием и церковью, то отвергнуть надо и его самого» [Telesio 1910: 6].

Попытки самооправдания или искренний католицизм Телезио не уберегли его работу от внимания церкви, однако

в Индексе запрещённых книг она попала только после смерти автора, жизнь которого была куда более спокойной, чем Кампанеллы. В защиту Телезио и его критики Аристотеля молодой монах-доминиканец Кампанелла публикует в 1591 г. труд «Философия, доказанная ощущениями» [Campanella 1591]. Незадолго до смерти Телезио в Козенцу приехал Кампанелла, который надеялся на личную встречу, но присутствовал только на похоронах Телезио [Blanchet 1920: 21]. Первый опубликованный философский труд Кампанеллы стал основой трактата «О чувстве в вещах», вышедшего в свет почти тридцатью годами позже. При всём своеобразии метафизики Кампанеллы, во многом не совпадающей с телезиевой, ключевое для трактата понятие *sensus* было развито именно на основе труда его старшего современника, если не в полемике с ним.

Уже первая книга доминиканского монаха *Фра* Кампанеллы привлекла внимание Инквизиции благодаря поддержке учения Телезио, осложнив автору жизнь на годы вперёд. Тем не менее, арест осенью 1599 г. и следствие, ставшее началом почти тридцатилетнего тюремного заключения (до освобождения в 1628 г.), обязано было мессианским амбициям Кампанеллы, фактически ставшего харизматическим лидером собственной религиозно-политической в прямом смысле слова «секты», претендовавшей на насильственный захват власти. Телезио не прожил такую трудную, изломанную жизнь, как его «ученик», в силу более мягкого характера и совершенного отсутствия фанатического, звериного упрямства. Восторженное отношение к поведению Кампанеллы, под жесточайшей пыткой много часов подряд продолжавшего симулировать сумасшествие и обхитрившего католическую Инквизицию, которая не решилась приговорить к смертной казни безумца [Горфункель 1969: 24-30], едва ли оправдано. Показания других участников калабрийского заговора свидетельствуют, что в руках следствия оказался революционер, претендовавший среди

последователей на роль «Мессии» и «Монарха мира»³ [Панченко 2018: 118-122]. Когда из заключения годы спустя вышел критиковавший макиавеллизм автор афоризма «Религия с оружием в руках непобедима» [Campanella 1854: 70], и лидер анти-испанского восстания, выражавший надежду, что именно испанская корона сыграет решающую роль в грядущем, часом им всемирном перевороте, многие интеллектуалы тогдашней Европы чувствовали, с кем имеют дело [Баткин 1995: 395-398]. То, что до сих пор «Город Солнца» остаётся самым известным произведением Кампанеллы, до некоторой степени даже справедливо. Метафизика Кампанеллы является если и не приложением к его утопии, то основанием пирамиды всей его философии, на вершине которой была жажда социального действия. На наш взгляд, ставить Бруно, лишённого амбиций в прямом смысле революционных, на одну доску с Кампанеллой неправомерно.

В заключении будут написаны многие работы Кампанеллы, которые его настоящие и мнимые друзья тайком забирали, обещая опубликовать и нередко продавая будущим издателям. Такая судьба ждала и трактат «О чувстве», первая латинская версия которого, конфискованная Инквизицией в 1592 г., считается утерянной. Написанный в конце 1604 г. в подземелье неаполитанского замка Сант-Эльмо итальянский текст, изданный в 1925 г. [Campanella 1925], лёг в основу книги на латыни, опубликованной во Франкфурте в 1620 г. [Campanella 1620] стараниями Тобиаса Адама (1581-1643), получившего известность как издатель трудов Кампанеллы-узника. В 1613 г. Адама в компании своего воспитанника, Рудольфа фон Бюнау, посетил Неаполь и получил рукопись, когда автор трактата,

³ Так как с показаниями младших участников заговора можно ознакомиться в недавно вышедшей по-русски работе крупного специалиста по наследию Кампанеллы Д. В. Панченко, в ряде случаев для удобства читателя мы будем ссылаться не на сами документы, изданные в монографии Амабиле, а на неё.

по его собственным словам, написанным почти четверть века спустя, «содержался под суровой стражей» [Campanella 1637: XVII]. Не в пример другим «друзьям», вроде католического публициста Каспара Шоппе (1576-1649), скупавшего рукописи, чтобы присвоить себе полученные материалы, Адами выполнил обещание, издав книгу [Campanella 1637: XVII] и предварив её своим «Посланием с посвящением» братьям Бюнау, Генриху и Рудольфу, в котором выражает восхищение автором трактата как «воскресителем» древней философии [Campanella 1620: 3-7]. Член Тюбингенского кружка, в недрах которого с начала XVI-го века вызревали розенкрейцерские произведения, выпущенные в свет за несколько лет до франкфуртского издания, Адами был близким другом «отца розенкрейцерства» Иоганна-Валентина Андреэ (1586-1654) [Йейтс 2000: 364, 492]. Если вспомнить, что немецкое издание «Испанской монархии» Кампанеллы подготовил ещё один член кружка, правовед Христоф Безольд (1577-1638), то связь Кампанеллы с «классическим» розенкрейцерством, огромную роль отводившим идеям всемирной монархии и «нового божьего града», станет ещё более очевидной [Йейтс 1999: 252-253]. Впрочем, нельзя забывать, что тюбингенское розенкрейцерство было явно протестантским, тогда как Кампанелла позиционировал себя истовым католиком, а критикующий лютеранство «Разгромленный атеизм»⁴

⁴ Слово греческого происхождения «атеизм», заимствованное из французского языка, имеет прямой аналог в русском – слово «безбожие», которое неслучайно до сих пор сохраняет отрицательный коннотат и оскорбительное звучание. Причина, по которой его сейчас уже не имеет в европейских языках «атеизм» – продолжавшаяся не один век секуляризация, медленное «вымывание» религиозных смыслов из культуры, ознаменованное, но не завершённое Великой французской революцией. Для текстов, написанных на европейских языках вплоть до конца XVIII в. лучшим переводом, сохраняющим оскорбительный оттенок оригинального *atheismus*, является грубо звучащее «безбожие». *Triumphatus* – причастие от лат. *triumphare*, «праздновать триумф (победу над врагом), совершать праздничный “парад” в столице с трофеями

Кампанеллы по-немецки Тобиас Адами так и не опубликовал [Горфункель 1969: 49, 64]. Необходимо также иметь в виду, что являвшаяся частью идеологии классического розенкрейцера эзотерическая метафизика больше обязана алхимии и герметизму [Фиалко 2018: 143-146], чем неоплатонической традиции, которой, с рядом оговорок, принадлежал и Кампанелла.

После освобождения Кампанеллы благодаря папе Урбану VIII [Горфункель 1969: 35-37], надежды философа на спокойную жизнь в Италии не сбылись. Опасаясь нового ареста, с согласия Урбана, осенью 1634 г. он уезжает в ссылку во Францию, гостя первое время у известного гуманиста Николя де Пейреска (1580-1637). Во Франции Кампанелла проводит последние пять лет, пользуясь заслуженной нелёгкой жизнью славой. За два года до смерти он сам подготовил второе, исправленное и дополненное издание своего трактата, вышедшее в Париже в 1637 г. [Campanella 1637], предварённое полным пышного славословия посвящением его последнему покровителю, кардиналу Ришельё (1585-1642) [Headley 1991: 127-130]:

«И да будет Город Солнца, намеченный мною, а тобой возводимый, с вечным неугасимым сиянием всегда сверкать отражённым светом твоего величия» [Campanella 1637: VI].

Кампанелла хранит память об обстоятельствах первого издания и трогательную благодарность Адами, о судьбе которого в охваченной Тридцатилетней войной Германии он, наслаждающийся покоем во Франции, даже не знает. Теперь они с Адами в некотором роде поменялись местами. Чтобы Ришельё не надо было делить славу с Адами, Кампанелла просит поместить слова признания Адами в отдельном обращении печатника к читателю.

врага». Громоздким, но самым точным переводом *Atheismus triumphatus* было бы: «Разгромленное безбожие, над которым была отпразднована торжественная победа», «Безбожие, разбитое в пух и прах с парадом».

«Дабы порядочность, познания, учёность и верность Тобиаса, раз печатаются книги [трактата] без его “Послания с посвящением”, не покрылись мраком забвения, автору пришлось по сердцу о нём, быть может, и сгнувшем на войне немецкой, через печатника сохранить признательную память» [Campanella 1637: XVII].

Второе, парижское издание 1637 г., кроме содержательных дополнений во многих главах, снабжено Кампанеллой значительным по объёму (больше четвёртой части книги) предварительным разделом под названием «Апология своей книги» [Campanella 1637: 1-92]. Она представляет собой массу выдержек из трудов западных и восточных богословов, а также античных философов, использованных автором для доказательства того, что его доктрина всеобщей одушевлённости мироздания не является еретической.

Одним из «преимуществ» труда Телезио перед первым опубликованным трактатом Кампанеллы в глазах Инквизиции было отсутствие у Телезио упоминания о мировой душе, учение о которой, развитое вторым предтечей Кампанеллы, Марсилио Фичино [Фиалко 2018: 88-95], стало одним из красугольных камней новоевропейского эзотеризма. Опасное с богословской точки зрения представление о мировой душе как посреднике между Богом и творением занимало видное место в метафизике Кампанеллы, и, по его признанию в 32-й главе третьей книги трактата, было одним из пунктов обвинений в ереси. Метафизически представление о мировой душе как божественной силе творения мироздания было так же оправдано, как его восточно-христианский аналог, софиология, неслучайно встречающееся в ортодоксальной среде настороженное отношение. Любопытно, что Кампанелла даже упрекал своего учителя Телезио в том, что тот игнорировал, «упустил» мировую душу:

«Так как мироздание в целом пребывает единым благодаря душе (unitur anima), если одушевлены части его, то не будет неоду-

шевлённым и оно само, о чём мы выпустили отдельный трактат (вероятно, речь о раннем латинском трактате, изъятном Инквизицией, который стал основой работы «О чувстве в вещах» – М. Ф.). <...> Горячий дух, охваченный сильным жаром, находит убежище в холоде, истончённом мировой душой, которую Телезио выпускает (*praetermissit*)» [Campanella 1591: 26-27].

Чтобы понять степень влияния Фицино на метафизику Кампанеллы, достаточно сравнить с отрывком из «Философии, доказанной ощущениями» цитируемый им близко к тексту комментарий Фицино к трактату Плотина «О небе» из «Эннеад» (II, 1).

«Небесное начало, душа, не объединяется с небом, будто бы уже к тому времени созданным. Нет, скорее сама она небо и порождает повсеместно благодаря плодородию своему, выше небес стоящая, но к ним, которые вот-вот появятся, плотно примыкающая. Наделённая жизнью в высшей степени, она небеса выдыхает (*spirat*). Но что же выдыхает? Выдыхает живое, доступное чувствам (*sensualem*) дуновение (*flatum*), но не такое, какое непременно почувствуют другие вещи, а такое, которое само почувствует (*sentiat*) их, им даруя жизнь. Исходя из души, подобное дуновение уподобляется пронизывающей её силе (*virtutem*), так что, само принимая вселенную, оно влито во все вещи» [Ficino 1641: 550].

«Мировая душа не соединяется с небом, а выдыхает и порождает его. Наделённая жизнью в высшей степени, она выдыхает живое, доступное чувствам дуновение, но не то, что непременно почувствуют другие вещи, а то, что само почувствует их, им даруя жизнь. Дуновение это, уподобляющееся пронизывающей душе, принимающее вселенную, влито во все вещи» [Campanella 1591: 225]

Именно учение о мировой душе Фичино, и этот отрывок в особенности, является основой, истинным наполнением метафизики Кампанеллы, внешне близкой сенсуализму Телезио, но наделяющей понятие *sensus* особым, панпсихическим [Nejshleba 2016] содержанием. Для Кампанеллы чувство, ощущение есть не только *пассивная* способность наблюдателя воспринимать каждую вещь, сколько её *активная* принадлежность. Каждая без исключения вещь, согласно Кампанелле, не только ощущается, но и сама «чувствует вовне». Более того, хотя Кампанелла пострадал от Инквизиции больше, чем Телезио, его собственная система была подчеркнута ближе к религиозному наполнению и осмыслению [Letner 2007]. Если Телезио был фактически деистом, полагая, что мироздание пребывает в равновесной внутренней борьбе двух противоположных начал, то Кампанелла настаивал на постоянном вмешательстве Бога через мировую душу в каждую вещь. Более того, с теологических оснований Кампанелла поправляет даже Фичино, введившего понятие философских «приманок» (*illices*), с помощью которых возможным становится низведение небесных (астрологических) даров мировой души в земной мир на благо возможного адепта своего учения. Для Кампанеллы ни о каком принуждении небесных, злых или же добрых духов с помощью телесных материалов речи быть не может, и первостепенную роль играет не космологическое, а этическое наполнение ритуалов, которому Фичино, как и его учителя-неоплатоники, не уделяет должного внимания (*Metaphysica Pars III, Lib. 15, Cap. VIII, Art. 3*):

«Они не говорят о нравственном душевном стремлении (*non de morali loquantur affectione et influxu*), необходимом, чтобы “словить” со звёзд ангелов и демонов с помощью символов, принадлежащих дольнему миру».

О более отчётливой, чем у его предшественников-неоплатоников, «апологетической нотке (*a more pronounced apologetic stance*)»

в учении Кампанеллы, желавшего отграничить христианские таинства и молитвы высшим силам от колдовских обрядов, с полным основанием говорит Гвидо Джильони [Gigliani 2013: 46]. Слово «магия» в заглавии трактата не должно смущать. Оно, как и в любом серьёзном натурфилософском эзотерическом труде того времени, начисто лишено пикантно-романтического ореола тайной вседозволенности. Магией Кампанелла считает умение философа оперировать с космосом на основе знания его панпсихической природы, то есть всеобщего одушевления вещей, много раз подчёркивая недопустимость обращения к сущностям демоническим для творения «чудес». Ренессансная традиция естественной, натуральной магии находит своё дальнейшее развитие у Кампанеллы, который уделяет особое внимание магии как искусству *техническому* и *евгеническому*. Как и в «Городе Солнца», он уверен в будущем воздухоплавания и важности астрологического «ведения» будущих родителей для рождения у них «правильного» потомства. Наивные соображения о «магических» закономерностях природы, высказанные в четвёртой книге его трактата, могут показаться современному читателю не лишёнными некоторой занимательности.

Именно религиозности Кампанеллы посвящена была дискуссия, развернувшаяся среди специалистов по его наследию. Итальянский врач-патологоанатом, а впоследствии депутат в национальном парламенте Италии в 1861-1870 и 1880-1882 гг., на склоне лет занявшийся историей, Луиджи Амабиле (1828-1892) опубликовал в 1882 г. трёхтомную монографию с приложением множества документов, до сих пор остающуюся базой для кампанелловедения. Амабиле стал автором так называемой теории притворного сокрытия, симуляции (*simulazione*) своих истинных убеждений Кампанеллой. Согласно Амабиле, на его личность и труды многолетнее тюремное заключение оказало решающее воздействие:

«Вынужденный вплоть до самой смерти любым способом и любым путём снимать с себя уголовные обвинения, он во многом

запутал (l'ingarbugliò) следствие, так что стал не только скрывать свои собственные взгляды, но и горячо поддерживать те, которые бы своими никогда не назвал. Так что всерьёз исследовать мысль и настоящие внутренние убеждения Кампанеллы крайне сложно, если не брать в расчёт, как, где и когда он написал то, что написал» [Amabile 1882 I: VI]

Основания для соображений, которые высказал Амабиле, имелись. В заключении Кампанелла, автор синтезировавшего телезианство и неоплатонизм трактата «Философия, доказанная ощущениями», пишет «Разгромленный атеизм», разоблачавший «безбожие» с ортодоксально-католических позиций. Творец социалистической утопии «Город Солнца» и организатор калабрийского антииспанского восстания создаёт «верноподданническую» «Испанскую монархию», где главная роль в построении грядущей всемирной монархии отдана испанской короне. Итак, если верить Амабиле, «настоящие, потаённые (*intime*) убеждения Кампанеллой демонстративно отвергались и по всей вероятности скрывались им на протяжении всей его жизни» [Amabile 1882 I: L]. Сторонником теории притворного сокрытия в советской исторической науке был автор читающейся как приключенческий роман художественной биографии Кампанеллы, вышедшей в серии ЖЗЛ, и монографии о «Городе Солнца» (1978) Альфред Энгельбертович Штекли (1924-2010):

«Кампанелла нашёл путь, как, сидя в тюрьме, увеличивать число вольнодумцев. Нет, не сатирическими сонетами о Христе! Надо было действовать и осторожней и хитрей. Прикрываясь фразами об ортодоксии, он напишет богословское сочинение и назовёт “Побеждённым атеизмом”. <...> Кампанелла ревностно опровергал атеистов. А в душе был убеждён, что атеизм, который он назвал побеждённым, в борьбе с христианством окажется победителем» [Штекли 1966: 204-205].

Сторонником такого же взгляда на «Разгромленный атеизм» выступил в своей биографии Кампанеллы видный советский медиевист Виктор Иванович Рутенбург (1911-1988), обращавший даже внимание на более крупный издательский шрифт для аргументов «атеиста», чем их опровержений [Рутенбург 1956: 70]. После выхода наиболее полного из имеющихся обзоров учения Кампанеллы, книги Александра Хаимовича Горфункеля (1928-2020), критически разобравшего тезисы Амабиле и его последователей [Горфункель 1969: 43-70], теорию симуляции, по выражению Л. М. Баткина, «можно считать похороненной» [Баткин 1995: 385]. Горфункель справедливо замечает, что если «в душе» Кампанелла оставался атеистом, то такие взгляды должны были бы найти место хотя бы в какой-то работе, написанной до или после заключения, чего не наблюдается (даже жители «Города Солнца» веруют в бессмертие души, а аверроизм с доктриной вечности несотворённого мира и растворения души был всегдашним объектом критики Кампанеллы). Наличие явно апологетических работ, согласно Горфункелю, нельзя считать доказательством того, что существовало два Кампанеллы, «настоящий» и «притворный» [Горфункель 1969: 52, 54]:

«Парадокс Кампанеллы не в раздвоении личности, а в сложности и противоречивости его мировоззрения <...> Системе этой свойственны глубокие противоречия, но это именно внутренние противоречия, а не внешние несовпадения отдельных книг».

Что касается историографии зарубежной, то гипотезу Амабиле полностью не принимал, пожалуй, ни один исследователь, даже не отвергая эту «противоречивость» мировоззрения Кампанеллы. Католический теолог и мыслитель Романо Америо (1905-1997), выделяя два периода в философии Кампанеллы, ранний, связанный с откровенно сенсуалистической натурфилософией, и зрелый, метафизический, считает

«утопизм» философии калабрийца ведущим мотивом его учения, соединяющим воедино оба этих этапа и свидетельствующим против тезиса о притворном сокрытии [Ameglio 1972: 334]. Автор одной из основополагающих монографий об учении Кампанеллы Джермана Эрнст (1943-2016), полагает, что хотя работы откровенно прокатолические, написанные им в заключении, «и использовались для самооправдания в столь переломной ситуации в ходе следствия, это не значит, что они были плодом расчёта и сознательного постоянного сокрытия Кампанеллой своих взглядов» [Ernst 2010: 29]. Примечательно, что во всём наследии Кампанеллы сложно найти хотя бы какие-то слова (за исключением аргументов «безбожника», приведённых в «Разгромленном безбожии», автором книги старательно опровергаемых), отдалённо приближающиеся к ёмкому изречению Бруно, на закате жизни в порыве откровенности признавшемся благочестивому католику Джованни Мочениго: ему «не нравится вообще никакая религия»⁵ [Горфункель 1965: 139-140]. Правда, кое-что «желаемое» атеистическое можно найти не в произведениях Кампанеллы, а в показаниях его подельников, но с чудовищным довеском, который придаёт этой проблеме измерение уже патологическое. Вербуя участников будущего восстания, Кампанелла образца 1599 г. называл чудеса, совершённые Христом, ложными, но утверждал, что сам он как «Мессия по истине» сотворит настоящие [Панченко 2018: 125-126]. Согласовать человекобожный бред, если он имел место, с подчёркнутой католической ортодоксальностью написанного в тюрьме «Разгромленного атеизма» возможным не представляется. Вообще, сблизать Кампанеллу с Бруно про-

⁵ Эпитет «хуже лютеранина», которым Мочениго наградил своего «частного репетитора» Бруно в доносе, надо понимать именно как обвинение в непризнании никакой церкви. По смыслу (с точки зрения католика Мочениго): если лютеране признают хоть какую-то церковь (ненастоящую, поскольку рвущую с католическим «преданием»), то этот (Бруно) не признаёт вообще никакую.

сто на основе их общего монашеского (доминиканского) раннего прошлого и инквизиционного «страстотерпия» неверно. В том, что именно неприемлемо «вольный» для своего времени мыслитель Бруно, а не внешне остававшийся до самой смерти верным католицизму «безумец» Кампанелла, стал жупелом в истории борьбы за свободомыслие, есть немалая доля исторической справедливости.

В последних строчках сонета, опубликованного в собрании сочинений Кампанеллы под редакцией Луиджи Фирпо (1915-1989), которые приведены в переводе в книге А. Х. Горфункеля, можно увидеть отрицание божественности Христа [Горфункель 1969: 80]. Тем не менее, на наш взгляд, будучи прочитан полностью, сонет покажется не лишённым религиозного пафоса, и скорее может быть назван не атеистическим, а «еретическим»:

*Смотри ж, неблагодарный! Вот Он, на кресте.
Крест весь в шипах, стоит высоко над землёю!
Сошёл с небес, чтоб жизнью поделиться и с тобою.
Он не презрел покровы, что привычны на Земле!
Был в жизни Его знак, и срок настал!
Народом тёмным связан и пленён.
Избит прилюдно, высечен, унижен.
А мёртвый он в аидовы владенья пал!
Но Он воскрес, когда был предусмотрен срок.
Чтоб нас освободить, чтоб не боялись смерти!
Он, мёртвый, указывает... Рана! Рваный бок!
Взор свой ты подними к нему, хотя б один!
Он может дать тебе и жизнь и утешенье,
Пусть вечному Отцу он вовсе и не Сын.*

- 1 *Deh! mira, ingrato, su quell'alto legno,*
- 2 *coronato di spine, in alto asceso,*
- 3 *chi per dar vita a te, dal Ciel disceso,*

4 *vestir manto terren non ebbe a sdegno.*
5 *Giunto poi di sua vita a certo segno,*
6 *fu da gente plebea legato e preso,*
7 *battuto, strascinato e vilipeso:*
8 *e, morto, di Pluton discese al regno.*
9 *Indi, al prefisso termine risorto,*
10 *per liberarci da mortal periglio,*
11 *mostra il fianco squarciato e lui sol morto.*
12 *Volgi dunque ver lui devoto il ciglio*
13 *ché vita ti può dar nonché conforto,*
14 *benché non sia del Padre Eterno il figlio*
[Campanella 1954: 238].

Примечательно, что мессианство Кампанеллы имело, возможно, не более милые советским авторам светские или хотя бы античные, а библейские истоки. Доподлинно до сих пор не известно, откуда, лишённый в тюрьме «всех книг, даже Библии» [Campanella 1854: 228], Кампанелла взял название для своего заветного города? Наряду с двумя часто упоминаемыми в историографии вероятными источниками, книгой «Известия со всего света» (1591-1596) Джованни Ботеро (ок. 1540-1617) и «Островами Солнца» Ямбула (III в. н.э.) [Панченко 1982], нельзя упускать аллюзию к ветхозаветной книге Исайи: «В тот день пять городов в земле Египетской будут говорить языком Ханаанским и клясться Господом Саваофом; один назовется городом солнца» (Ис. 19:12). Итальянский политик-социалист и специалист по политической истории Паоло Тревес (1908-1958), насколько нам известно, первым ввёвдший в научный оборот эту библейскую параллель, справедливо замечая, что «Город Солнца» был не отвлечённо-философским, а *политическим* проектом Кампанеллы, вспоминал, что отношения с книгой Исайи у Кампанеллы были особые. Своим девизом неистовый калабриец избрал: «Не умолкну ради Сиона», отсылавшее к стиху из неё (Ис. 62:1), а проходя через самые страшные испытания в жизни,

никогда не забывал строчку из Исайи: «Кто ты, что боишься человека, который умирает, и сына человеческого, который то же, что трава?» (Ис. 51:12) [Treves 1940: 251]. Титул правителя города Солнца, которым в случае успеха калабрийского восстания должен был стать сам Кампанелла, Гог (НОН) [Кампанелла 1954: 190-191] был, вероятно, огласовкой ветхозаветного тетраграмматона, 4-х буквенного имени Бога (JHWH) [Lemitz 2013]. Заманчивая мысль о том, что показания участников заговора о «мессианстве» его вдохновителя были самооговором, вырванным во время следствия «противоправными методами», противоречит множеству параллелей между их словами и пассажами из «Города Солнца», на что справедливо указывал Амабиле, заметив, что сходство это «и немалое и немаловажное» [Amabile 1882 III: 612]. Никто из кампанелловедов, кроме Джованни Ди Наполи (1910-1980), католического теолога по образованию, пытавшегося защитить калабрийца от обвинений в «ереси», «мессианство» сомнению не подвергал [Панченко 2018: 117].

Учитывая жуткие условия содержания Кампанеллы и его поделщиков во время следствия, красноречиво описанные в русскоязычных биографиях Кампанеллы, ничего невозможного в гипотезе симуляции нет. Удивительно скорее то, что государственный преступник и глава заговора вообще остался в живых, в отличие от других его участников, едва ли не все из которых после ареста были запытаны в ходе следствия или четвертованы на плахе. Поверить в то, что перенесённое Кампанеллой не повлияло на его физическое и душевное здоровье, непросто. Известный итальянский психиатр Чезаре Ломброзо (1835-1909) считал революционный утопизм Кампанеллы, свято верящего, что из калабрийской «искры» возгорится всемирное «пламя», доказательством его невменяемости [Панченко 2018: 123] до всякой «симуляции». Надеюсь, что следующие слова не будут восприняты как глумление над памятью калабрийца, но, вероятно, инквизитор отнёсся бы к вопросу о «настоящем» Кампанелле с юмором. С июля 1600 г.

и до смерти тот юридически считался умалишённым, а значит, ответственности за содеянное и написанное нести не мог...

Более важной, чем вопрос о различии Бруно и Кампанеллы как личностей, является проблема общих черт их эзотерической метафизики. Панпсихическая картина мироздания, развитая в трактате «О чувстве в вещах», имеет немало общего с метафизикой Бруно, нашедшей выражение в его философских диалогах и итоговой работе «О связях в целом». Бланше, называя доктрину всеобщего одушевления у Кампанеллы более «отчётливой и разработанной», чем телезиева [Blanchet 1920: 159], справедливо замечает, что, несмотря на кажущиеся различия (более откровенный, чем у Кампанеллы, «пантеизм»), доктрины Бруно и Кампанеллы близки до неразличения [Blanchet 1920: 160-163]. И тот и другой в центр своей метафизики помещают изотропное пространство космоса, способное вывести адепта напрямую к божеству, и на материале этого перехода развивают «эзотерическое» богословие. Понятия *sensus* у Кампанеллы и *vinculum* у Бруно в определённой степени даже взаимодополнительны. Если чувство понимается у Кампанеллы как *содержательное* наполнение космоса, будучи распределено среди неисчислимого множества одарённых им душ, восходящих через душу мировую к Богу, то лестница вселенских связей у Бруно предстаёт *формальным* законом мироздания, сеткой его иерархических взаимодействий с потенциальным содержанием. Развивавшие метафизику всеединства, западноевропейскую «софиологию» запоздалого Возрождения, насыщавшуюся герметико-неоплатоническими аллюзиями, учения Бруно и Кампанеллы заключены в общее пространство эзотерических в философском смысле доктрин. Идея внутрикосмической лестницы «чувственных» (в том смысле «*деятельного* восприятия», каким наделяет слово *sensus* Кампанелла) связей необратимо вела любую метафизику, развитую на её основе, к «пантеизму». Показательно, что в «Апологии», предвещающей второе издание трактата, Кампанелла сочувственно вспоминает афоризмы антич-

ных поэтов и мыслителей: «Божество и есть сама природа вещей»⁶ Плиния, «Природа – это бог, и божественный разум, во всё мироздание и части его влитый»⁷ Сенеки и «Всё что ни видишь ты, это Юпитер, всё что ни движется – тоже»⁸ Лукана. Для него приемлемо даже отождествление Бога с мировой душой⁹ у Варрона – подобные мысли понятны как выражение того, насколько «едино божество с вещами» (*unita est divinitas rebus*) [Campanella 1637: 35]. Бланше с полным основанием замечает, что в натурфилософии Бруно и Кампанеллы стоическая «пантеистическая» метафизика зачастую одерживала верх над эманационной неоплатонической [Blanchet 1920: 162-163].

В трактате не могли не найти отражение и оригинальные, отличающие философию Кампанеллы от бруновской темы, следы которых можно заметить и в «Городе Солнца». В «Метафизике» Кампанелла систематически излагает своё учение о прималитетах или первенствах (*primalitates*), трёх фундаментальных атрибутах божества – Мощи, Мудрости и Любви (*Met.* VI, 11, 1), соответствующую

⁶ Показательно, что у Плиния (*Hist. Nat.* II, 1) даже мягче: «Космос <...> и есть сама природа вещей» (*Mundus est rerum ipsa natura*).

⁷ У Сенеки (*De beneficiis* IV, 7) в оригинале: «Что же иное есть природа, как не бог и божественный разум, внесённый во всё мироздание и части его?» (*Quid enim aliud est natura quam deus et divina ratio toti mundo partibusque eius inserta?*).

⁸ У Лукана в «Фарсалии» (IX, 580) *moveris* вместо *movet*: «Всё что ни видишь, куда ни идёшь – это Юпитер» (*Juppiter est quodcunque vides, quocunqve moveris*).

⁹ По словам Августина (*De civ. dei* VII, 13), Варрон отождествлял божество с «духом мироздания» (*mundi animus*): «Он говорит, что таковой дух мироздания является богом» (*[dicit] talem autem mundi animum deum esse*). Мировая душа – оформившееся в ренессансной натурфилософии понятие со схоластическими истоками и эзотерическим, естественно-магическим, наполнением [Фиалко 2018: 94]. Отождествление её с «мировым духом» из эклектичной натурфилософии Варрона, близким стоическому пневматическому логосу, является частью пансенсуалистической доктрины Кампанеллы, стремящегося в парижском издании трактата к согласованию взглядов всех мыслителей и богословов как предшественников его гилозоизма.

щих трём ипостасям Бога, нашедшее выражение в более ранних работах. Только благодаря ему можно понять, почему тремя соправителями при Верховном правителе Города Солнца являются Пин, Син и Мор [Кампанелла 1954: 39, 191], чьи имена восходят к латинским названиям прималитетов – *Potestas, Sapientia, Amor*. В трактате нашла также выражение полемическая направленность учения Кампанеллы. Неизменными объектами его критики являлись четыре темы и персоналии [Горфункель 1969: 63]. *Аристотель* служил для Кампанеллы символом схоластики и оторванного от природы «мудрствования», создатель философии политического прагматизма *Никколо Макиавелли* (1469–1527) – образчиком равнодушного к религии лицемерия, *эпикуреизм* – олицетворением материализма и гедонизма, а *Реформация* – «ложного» некатолического христианства. Последняя задача была для Кампанеллы не менее важной, чем остальные, вопреки «еретической» его репутации, и отделять её как мнимую, по крайней мере, опираясь на наследие самого Кампанеллы, неприемлемо. «У [католической] церкви нет большего защитника, чем я», напишет он незадолго до смерти [Горфункель 1969: 84].

Нельзя оставить в стороне перевод заглавия трактата Кампанеллы. Первостепенное значение имеет верная передача многозначного латинского существительного *sensus*, от *sentire* «чувствовать, понимать, узнавать, полагать», восходящего к индоевропейскому корню *sent-* [Рокорну 1959 III: 908]. В этом корне выделяют прямое значение «идти» (ср. англосакс. *sendan* «посылать», арм. ընթացը [ынтацк'] «ход, течение», ընթանալ [ынтанал] «идти») и переносное «находить, обнаружить» (ср. нем. *Sinn* «разум», церк.слав. *сѣць* «умный», связь которого с «сетовать» подвергается сомнению [Фасмер 1986 III: 614]). Учитывая, что именно от лат. *sensus* происходит название направления новоевропейской философии, провозглашавшего первичность ощущения в познании (Локк, Юм), то есть «сенсуализма», абсолютно оправданным был «прямой» перевод

«Об ощущении вещей и магии» у Алексея Михайловича Водена (1870-1932) [Горфункель 1969: 204], который даже (намеренно ли?) сохраняет игру двух родительных падежей в оригинале («ощущение вещей [тем, кто их воспринимает]» или же «ощущение в самих вещах»?)). Учитывая постоянно раскрываемый Кампанеллой посыл трактата, представление о том, что все вещи *наделены* ощущением (*sensu praeditae*), они способны чувствовать, стоит сделать однозначный выбор в пользу *второго* варианта, то есть *genitivus subjectivus*'а. Таким образом, появляется ещё один, не менее верный, но чуть более вольный вариант перевода заглавия: «О способности вещей к ощущению и магии» [Горфункель 1969: 78], где «способности» добавлены для раскрытия смысла оригинала и уточнения, что вещи у Кампанеллы обладают, так сказать, *facultas sentiendi*. Одним из возможных переводов латинского *sensus* является и «смысл» (ср. англ. *common sense*, от лат. *sensus communis*), что на основе *первой*, а не *второй* интерпретации падежей в заглавии трактата позволило появиться варианту «О смысле вещей» [Штекли 1966: 24]. Принципиальных возражений против такого понимания быть не может, однако оно делает из книги Кампанеллы подобие натурфилософского труда «О природе», лишая её главной и по-своему оригинальной мысли, столь дорогой самому автору, постулата всеобщей чувствительности (*sensibilitas universale*) [Gatti 2010: 41-44, 79-81]. Целью труда Кампанеллы было метафизическое «одушевление» и «очувствление» сущего, скорее чем «осмысление», одарение всего мира жизнью в рамках «теории всеобщей способности вещей к ощущению» [Горфункель 1969: 102-105]. То, что переводчики, если оставить в стороне тех, кто интерпретировал *sensus* как «смысл», сделали выбор в пользу строгого философского «ощущения», а не «сентиментального» «чувства», было по-своему верно, но любопытно вспомнить в этой связи пояснение Морехода из перевода «Города Солнца» касательно первоначальной нелюбви тамошних жителей к мясу:

«Рассудив затем, что одинаково жестоко убивать и растения, также одаренные чувством, и что тогда пришлось бы им умирать с голоду, они уразумели, что низшие твари созданы для высших, и поэтому теперь употребляют всякую пищу»
[Кампанелла 1954: 90].

На наш взгляд, основополагающее для понимания посыла трактата представление о мироздании как живом, а не «бездушном» и мёртвом теле более отвечает именно переводу «чувство», поэтому был избран вариант «О чувстве, [заклѳочѳнном, живущем] в вещах, и о магии», где причастный оборот подчеркивает второе возможное значение латинского генитива. Допустим даже верный по смыслу вариант без родительных падежей: «О том, что вещи чувствуют [способны чувствовать, ощущать], и о магии».

Особого внимания заслуживает титульный лист первого, ффранкфуртского издания трактата Кампанеллы, который мы приводим. Гравюру на нѳм с изображением Солнца вверху, колокола, на котором помещена звезда с семью лучами, внизу, и двух пальм по бокам, исследователи интерпретировали по-разному [Lerner 2000].

Одно, не утратившее значения, лежащее на поверхности толкование этой гравюры, принадлежит Антонио Бруерсу (1887-1954), публицисту и философу католического толка, в послевоенное время известному своими музыковедческими трудами. Опубликовавший в 1925 г. первое критическое издание трактата на итальянском языке, Бруерс обратил внимание на то, что колокол внизу – вероятная аллюзия на фамилию Кампанеллы (по-итальянски *Campanella* значит «колокольчик»), а Солнце – на его знаменитый «Город Солнца», причѳм семь лучей звезды на колоколе отсылают к семи кругам мифического города [Кампанелла 1954: 34]¹⁰. Что касается виноградных лоз, увивающих пальмы,

¹⁰ Та же печѳчка аллюзий заключена в псевдониме, под которым был в 1622 г. издан поэтический сборник Кампанеллы: «Семигор Бубенец» (Settimontano Squilla).

то Бруерс ограничивается отсылкой к свхаристической их символике («хлеб и вино»), учитывая явный католицизм Кампанеллы и столь важную для него полемику с атеизмом.

Британский историк искусства и специалист по наследию французского художника Николя Пуссена (1594-1665), Энтони Блант (1907-1983) пытался соотносить эту гравюру с эскизами к картине Пуссена «Рождение Вакха» (1657), на которой изображено готовое выглянуть из-за грота водных богинь Наяд солнце. Деревья на гроте Наяд, по Бланту, отсылают к пальмам на гравюре как символы земного мира, одушевляемого Солнцем как мировой душой. Вольная параллель Бланта, интерпретирующего гравюру франкфуртского издания с помощью эстетики позднего Пуссена, фактически лишённая оснований (нет доказательств того, что Пуссен вдохновлялся книгой 1620 г.), вызвала массу нареканий.

Мишель-Пьер Лернер вспоминает, что в главе 14-й III-й книги трактата растения наделяются чувством и «взаимным притяжением»: «на пальмах разнополые соцветия друг к другу склоняются и целуются». Образ влекущихся друг к другу разнополых пальм, встречающийся ещё в «Истории растений» Теофраста и «Естественной истории» Плиния, ставший вставным сюжетом в эллинистическом романе «Левкиппа и Клитофонт» Ахилла Татия, играл большую роль в европейской космологии и философии. Лернер вспоминает, что его можно найти, среди прочего, в одном из писем псевдо-Феофилакта Симокатты, помещённых в латинском издании его работ 1509 г., переведённых Николаем Коперником с греческого, и в любовной поэме «Эридан» главы Неаполитанской академии, гуманиста Джованни Понтано (1429-1503), а также в «Тайнописи» Пьеро Валериано (1477-1558) и «Разгадывании растений» Джамбатисты делла Порты (1535-1615), не раз упоминаемого Кампанеллой. Сюжет для символической картины, художник и гравёр которой, насколько нам известно, до сих пор не установлен, задумывалась именно Тобиасом Адами, который:

«Изображая две пальмы, взаимно переплетающие свои ветви под светом лучистого Солнца, вселенского источника тепла и жизни, отсылал к традиционному символу любви и плодородия, идеально созвучному развитой в трактате философии, наделяющей все вещи чувством» [Lerner 2000: 110].

Пытаясь понять смысл, вложенный в образ обвитых виноградными лозами пальм, Лернер, не отвергая старую точку зрения Бруерса, обращается к берущей начало ещё в античности собственно земледельческой и винодельческой практике совместной посадки виноградников и деревьев, особенно вязов, служащих лозам для закрепления. Сравним слова самого Кампанеллы из той же главы трактата:

«Диву даёшься, как искусно гнут друг к другу растения ветви и отросточки, с помощью которых с другом самым закадычным они связаны взаимной подпоркой. Плющ к дубу крепится прямо гвоздями, вонзается ему в кору, да и к другим остовам покрепче».

К этому же символу «дружбы» лозы и дерева восходит и логотип знаменитого издательского дома Эльзевиров (1617-1712, и с 1880 г. по настоящее время), созданный Исааком Эльзевиром (1596-1651) как раз в 1620 г., когда во Франкфурте был опубликован впервые трактат Кампанеллы.

При подготовке перевода итоговое парижское издание сверялось с франкфуртским и с итальянским текстом [Campanella 2007]. На русском языке ранее были доступны лишь отрывки из главы 4-й I-й книги и из глав 2-й и 11-й IV-й книги трактата в переводе А. М. Водена, касающиеся *sensus*'а как гносеологической категории. Они помещены в первом томе «Книги для чтения по истории философии» (1924), составленной А. М. Дебориным.

Эту книгу мы посвящаем памяти Александра Хаимовича Горфункеля (1928-2020).

Литература

Баткин Л. М. Парадокс Кампанеллы // Итальянское Возрождение. Проблемы и люди. М.: РГГУ, 1995. С. 385-400.

Толковая Библия / под ред. А. В. Лопухина. Т. 1-7. Т. 3. М.: ДАР, 2009.

Боннар А. Греческая цивилизация. Т. 1-3. Т. 2. От Антигоны до Сократа. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. / Пер. и прим. М. Л. Гаспарова. Общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Loseва. М., Мысль, 1979.

Публий Вергилий Марон. Буколики. Георгики. Энеида / Пер. С. А. Ошерова, С. В. Шервинского. М.: Художественная литература, 1971.

Горфункель А. Х. Джордано Бруно. М.: Мысль. 1965.

Горфункель А. Х. Томмазо Кампанелла. М.: Мысль. 1969.

Горфункель А. Х. Гуманизм и натурфилософия итальянского Возрождения. М.: Мысль, 1977.

Данте. Божественная комедия / Пер. М. Лозинского. М.: Наука, 1967.

Йейтс Ф. Джордано Бруно и герметическая традиция / Пер. Г. Дашевского. М.: НЛЮ, 2000.

Йейтс Ф. Розенкрейцерское просвещение / Пер. А. Кавтаскина под ред. Т. А. Баскаковой. М.: Алетейа, 1999.

Кампанелла Т. Город Солнца / Пер. с лат. и комм. Ф. А. Петровского, перевод Приложений М. Л. Абрамсон, С. В. Шервинского, В. А. Ещина, вступ. ст. В. П. Волгина. М., Л.: АН СССР, 1954.

Панченко Д. В. Кампанелла и Ямбул (опыт текстологического анализа) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XIII. Л.: Наука, 1982. С. 314-324.

Панченко Д. В. Безумие или революция?

Томмазо Кампанелла в последний год шестнадцатого столетия // *Неприкосновенный запас*. 2018. №1. С. 115-132.

Платон. Тимей // Филеб, Государство, Тимей, Критий / *Общ.* ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1999.

Рутенбург В. И. Кампанелла. Л.: Общество «Знание», 1956.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / *Пер.* с нем. О. Н. Трубачева, ред. Б. А. Ларина. 2-е изд. Т. 1-4. М.: Прогресс, 1986-1987.

Физиолог / *Пер.* О. А. Белобровой // Библиотека литературы древней Руси. Т. 5. XIII век / Д. С. Лихачёв. СПб: Наука, 1997. С. 402-413.

Фиалко М. М. Метафизика европейского эзотеризма: опыт исследования троичных структур. СПб: РХГА, 2018.

Шеллер-Михайлов А. К. Царства двух монахов. // Полн. собр. соч. Т. I-XVI. Т. XVI. СПб: Изд. А. Ф. Маркса, 1905. С.5-206.

Штекли А. Э. Кампанелла. М.: Молодая гвардия, 1966 [1959].

Юренева Т. Ю. Музей в мировой культуре. М.: Русское слово, 2003.

Albertus Magnus. De secretis mulierum. Item De virtutibus herbarum lapidum et animalium. Amstelodami: Apud Iodocum Ianssonium, 1643.

Amabile L. Fra Tommaso Campanella, la sua congiura, i suoi processi e la sua pazzia: Narrazione con molti documenti inediti politici e giudiziarii. Vol. I-III. Napoli: Antonio Morano, 1882.

Amerio R. Il sistema teologico di Tommaso Campanella: studio di editi ed inediti con appendici e indici. Milano, Napoli: Ricciardi, 1972.

Avicenna. Liber primus de universalibus medicae scientiae praeceptis / *Andrea Gratiolo* interprete. Adjectis utilissimis ejusdem interpretis scholiis Hippocratis et Galenis praecipue loca commonstrantibus. Venetiis: apud Franciscum Zilettum, 1580.

Avicenna Latinus. Liber De Anima Seu Sextus De Naturalibus

IV-V / S. van Riet, G. Verbeke. Louvain: Éditions orientalistes; Leiden: Brill, 1968.

Blanchet L. Campanella. Paris: Félix Alcan, 1920.

Bolzoni L. Tommaso Campanella e le donne: fascino e negazione della differenza // *Annali d'Italianistica*. Vol. 7 [Women's Voices in Italian Literature]. 1989. P. 193-216.

Caetan T. Summula Caietani. Lugduni: Sumptibus Petri Landry, 1595.

Campanella Th. Philosophia, sensibus demonstrata, in octo disputationes distincta adversus eos, qui proprio arbitrato, non autem sensata duce natura, philosophati sunt. Napoli: Apud Hotatium Saluianum, 1591.

Campanella Th. De sensu rerum et magia / Tobias Adami recensuit. Francofurti: Apud Egenolphum Emmelium, Impensis Godefridi Tampachii, 1620.

[*Campanella T.*] Scelta d'alcune poesie filosofiche di Settimontano Squilla cavate da' suo' libri detti La Cantica. S.l.: S.n., 1622.

Campanella Th. Realis philosophiae epilogisticae partes quatuor: hoc est de rerum natura, nominum, moribus, politica, (cui Civitas solis iuncta est) et oeconomica / A Thobia Adami nunc primum editae. Francoforti: Impensis Godefridi Tampachii, 1623.

Campanella Th. De sensu rerum et magia. Parisiis: Apud Dionysium Bechet, 1637.

Campanella Th. Universalis philosophiae seu metaphysicarum rerum iuxta propria dogmata, partes tres libri 18. Parisiis: [Apud Ph. Burelly], 1638.

Campanella T. Opere / Scelte, ordinate ed annotate da Alessandro D'Ancona. Vol. I. Torino: Cugini Pomba & C., 1854.

Campanella T. Del senso delle cose e della magia. Testo inedito italiano con le varianti dei codici e delle due edizioni latine / A cura di A. Bruers. Bari: Laterza, 1925.

Campanella T. Tutte le opere / A cura di L. Firpo. Vol. I.

Milano: Mondadori, 1954.

Campanella T. Del senso delle cose e della magia / A cura di G. Ernst. Bari-Roma: Laterza, 2007.

Campanella T. Selected Philosophical Poems of Tommaso Campanella. A Bilingual Edition / Edited, translated and annotated by Sherry Roush. Chicago, London: University of Chicago Press, 2011.

Duni M. Lawyers versus inquisitors: Ponzinibio's *De lamiis* and Spina's *De strigibus* // The Science of Demons: Early Modern Authors Facing Witchcraft and the Devil / Edited by Jan Machielsen. New York: Routledge, 2020. P. 68-82.

Ernst G. Tommaso Campanella: The Book and the Body of Nature / Translated by David L. Marshall. Dordrecht, New York: Springer, 2010.

Ficino M. In Plotinum // Opera. T. II. Parisiis: Apud Guillelmum Pele, 1641. P. 493-754.

Gatti P. Il gran libro del mondo nella filosofia di Tommaso Campanella. Roma: Gregorian & Biblical Press, 2010.

Gighioni G. Heavenly Negotiations in Ficino's *De vita coelitus comparanda* and Their Place in Campanella's *Metaphysica* // Bruniana & Campanelliana. Vol. 19. No. 1. 2013. P. 33-46.

Headley J. M. Tommaso Campanella and the Transformation of the World. Princeton: Princeton University Press, 1997.

Hieronymus. Commentaria in Isaiam Prophetam // Hieronymi opera omnia. T. IV / D. Vallarsi, S. Maffei [Patrologiae cursus completus / J. P. Migne. T. 24]. Paris: J. P. Migne, 1863. P. 17-704.

Kobyláková I. Fenomén tarantismu a tradiční hudební a taneční styl pizzica v jihoitalském kraji Apulie. Diplomová práce. Praha: Universita Karlova v Praze, 2010.

Lemitz B. Campanellas *HOH*. Ein Versuch aus dem Hebräischen // Bruniana & Campanelliana. Vol. 19. No. 2. 2013. P. 509-520.

Lerner M.-P. Telesio et Campanella: de la nature "iuxta propria principia" à la nature "instrumentum Dei" // Bruniana & Campanelliana. Vol. 13, No. 1. 2007. P. 79-97.

Lerner M.-P. Sur la page de titre du “De sensu rerum et magia” (Francfort 1620) // *Bruniana & Campanelliana*. Vol. 6. No. 1. 2000. P. 105-114.

Mund-Dopchie M. Ultima Thulé. Histoire d'un lieu et genèse d'un mythe. Geneve: Droz, 2009.

Nejeschleba T. Formy panpsychismu v renesanční filosofii // *Studia Comeniana et historica*. Vol. 46. No. 95-96. 2016. P. 70-85.

Nero S. The Enigma of the Magician Lotapes (Pliny, *Naturalis Historia* XXX, 11) // *Journal for the Study of Judaism in the Persian, Hellenistic, and Roman Period*. 1996. Vol. 27. No. 3. P. 304-323.

Niola M. Sui palchi delle stelle: Napoli, il sacro, la scena. Roma: Meltemi, 1995.

Paracelsus. Opus paramirum // *Paracelsi opera omnia: medico-chemico-chirurgica, tribus voluminibus comprehensa*. Vol. I-III. Vol. I. Geneva: I. Antonij and Samuelis De Tourneis, 1658. P. 31-147.

Pautrier M. I Santi delle Chiese medievali di Roma (IV-XIV secolo). Roma: Lulu.com, 2013.

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I-III. Francke: Bern-München, 1959.

Della Porta G. B. *Magiae Naturalis, sive de miraculis rerum naturalium libri IIII*. Neapoli: Apud Matthiam Cancer, 1558.

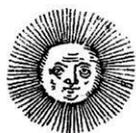
Russell J. F. Tarantism // *Medical History*. Vol. 23. N. 4. 1979. P. 404-425.

Schneider M. La danza de espadas y la tarantela. Ensayo musicológico, etnográfico y arqueológico sobre los ritos medicinales. Zaragoza: Institución Fernando el Católico, 2016 [1948].

Telesio B. *De rerum natura / A cura di Vincenzo Spampanato*. Modena: A. F. Formiggini, 1910.

Treves P. The Title of Campanella's “City of the Sun” // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. Vol. 3. No. 3/4. 1940. P. 248-251.

Vecellio C. *Habiti antichi e moderni di tutto il mondo*. Venetia: I Seffa, 1598.

О ЧУВСТВЕ,
ЗАКЛЮЧЁННОМ В ВЕЩАХ,
И О МАГИИ

АПОЛОГИЯ
СВОЕЙ КНИГИ¹*Заключение*

Итак, тот, кто отказывает всем природным вещам во всяком чувстве и ощущении, войдёт в противоречие с установлениями природы, учениями философов, разъясняющими естество её, суждениями Священного Писания, утверждающими, что у вещей есть разные чувства, и самыми возвышенными богословами, мудро объясняющими две книги божьи, то есть природу и Писание. Безбожникам же, не допускающим никакой божественности, он благоволит. Те, кто допускают существование чувства, согласны с первыми, со всеми ними, и богочитание взращивают, поскольку благоволеют перед божьими указаниями на чувство в вещах (*sensu rerum*) и живую одушевлённость мира (*mundi animatione et vita*), [защищая их и выступая] против врагов божества, безбожников, всё это отрицающих.

¹ Об «Апологии», включённой во второе, парижское издание см. вводную статью. Мы ограничились переводом её завершающих положений.

*Завершающее
общее заключение*

Итак, мироздание – это живое и бессмертное изваяние Бога, которое управляется и словно бы одушевляется иерархией разумных существ (*intelligentiarum administratione*), восходящих к *первой*, к Богу восходящей². Все вещи, будучи причастны первичностям³, обладают собственным стремлением, возможностью действовать и чувством (разумным, животным или природным). Всякого, кто будет это утверждать (пусть и не *открыто*) или же, логически рассуждая, отрицать, *опираясь на Священное Писание*, отвергать *нельзя*, если докажет он свой взгляд верными доводами – согласно основоположению Августина⁴. Надо думать, что суждение это заложено в самом Святом Писании, ведь не может истина *истине* противоречить⁵. Если идёт человек смело в объятия того, что и многие философы оспаривают, и Святому Писанию противоречит,

² Понятия мировой души, восходящей к перворазуму, автор коснётся ниже, в гл. 32-й III-й книги. Зачин «Апологии» напоминает начало эпилога к трактату.

³ О «первенствах» (*primalitatibus* – иногда используется калькированный термин «прималитеты») Кампанеллы см.: [Горфункель 1969: 108-110].

⁴ Августин в конце 12-й книги своей «Исповеди» утверждает, что заложенную в библейских текстах истину нельзя монополизировать, и в *следовании* им заложено богатство интерпретаций (*Conf.* XII, 30-32).

⁵ То есть, опора на библейский текст, по мысли Кампанеллы, является мерилем истины.

то заблуждающимся признать его надо. Но если единогласны [в этом вопросе] авторитетные взгляды отцов церкви, слова Писания и его толкователей, то *еретик* в прямом смысле слова тот, кто будет против! Мы же пошли таким путём: докажем, что это представление о чувстве в вещах не только не противоречит Священному Писанию, но и очевидными рассуждениями всех философов одобряется, за исключением безбожников. Это представление настолько согласуется с духом (*sensibus*) Священного Писания, что его даже не выразить без помощи такого воззрения. Более того, в самом Писании явно заключён этот взгляд, и он одобряется почти всеми отцами церкви греческими и латинскими, открыто одобряется, или следует это из их рассуждений, так что... и т. д.

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава 1

*Всё, имеющееся в следствиях, есть также
в причинах, потому стихии
и мироздание обладают чувством*

Никакое бытие не может дать другим того, чего в себе не имеет, как показано нами в другой работе⁶. Почти все мудрецы это признают. Тому же учит нас наглядно и опыт. Никогда не видим мы, как тьма порождает свет, тепло порождается холодом, как колочка [сама] выпрямляется, а тяжёлое становится лёгким. Говорит Мессия, «не собирают с репейника смоквы»⁷. Проявляется это во всех вещах. Ведь может масса горячая остыть, но холод образоваться благодаря теплу, или тепло холодом обратиться – нет. Тёплое, меж вещей холодных заключённое и ими теснимое, всё же крепнет и растёт, но не холод ему жар придаёт, а само по себе оно развивается, ибо склонна к умножению и росту природа его. В вещах же к развитию не способных такого не наблюдается.

Раз живые существа обладают чувством (таково всеобщее мнение⁸), а оно из ничего не возникает, значит, [можно и] нужно утверждать наверняка, что и стихии, живых существ основания, обладают чувством, да и всё вообще им наделено. Ведь как покажем мы, что в одной из стихий есть, то и всем остальным присуще. Итак, чувствует и небо и земля и всё мироздание, внутри кото-

⁶ *Met. VI, 6, 2.* Здесь и далее ссылка на «Метафизику» даётся по первому изданию [Campanella 1638].

⁷ Мф. 7:16.

⁸ Что Кампанелла будет предметно доказывать в «Апологии».

рого живые существа пребывают подобно кишечным паразитам, обитающим в брюшной полости в теле людском, которые не воспринимают ни разум, ни волю, ни чувство человека, ибо несоизмеримо его чувство с их собственным⁹.

⁹ Излюбленный образ Кампанеллы, который не раз будет использован в трактате.

Глава 9

*Все виды бытия избегают пустоты,
а значит, обладают чувством
и находят удовольствие во взаимодействии,
а мироздание является живым существом*

Всякий должен увериться, что различные виды природы, как и сама она, одарены чувством, если обратит внимание на то, что и каждый вид в отдельности и все они так страшатся пустоты, что даже вопреки своему естественной личной склонности стремятся к взаимному оплодотворению, чем и пользуется всё их родовое единство. Ведь продолжают своё существование в целом, получая удовольствие от взаимного общения в стихии общей жизни. По этой причине можно заметить, с какой яростной силой дует ветер в открытом море и полостях на Земле, идя ради предупреждения пустоты на то, что его природе противно, учитывая, как ненавистна ему и земля и вода – для пользы общего дела. Вода поднимается вверх по трубам, в которых нет воздуха, как в клепсидре, где внизу есть несколько отверстий, а наверху одно, куда воздух, не поступает, достигая которого, вода не падает через нижние. Множество опытов о том свидетельствуют. Так и возникло дивное пневматическое искусство¹⁰. Итак, можно утверждать, что мироздание – живое существо, целиком и полностью обладающее чувством (*totum sentiens*), и все части его наслаждаются жизнью общей, подобно тому как у нас рука не желает отделения от плеча, а плечо – от лопаток, голова – от шеи,

¹⁰ На этом физическом принципе действовали не только тогдашние водяные часы, но и фонтаны (см. также прим. к главе 6-й IV-й книги).

а голени – от бёдер. Нет, все они взаимно собираются вместе, избегая разделения, так и всё мироздание его избегает. Оно в мире происходит, когда между разных тел вклинивается пустота, и если бы не был охвачен воздух страхом или болью, когда никакое иное тело его не касается, не стал бы так быстро и яростно устремляться к столкновению с другим телом.

Глава 13
Вселенная есть смертное живое существо,
как и то, что может быть
за её пределами

Мы совершенно не верим, что божье всемогущество исчерпывается этой малой [небесной] областью, пусть коперникова и кажется гораздо больше иных. Нет, те или иные виды бытия видимым существованием обладать могут, но сам Бог творить может бесконечные миры *самого различного* вида. Кто знает, существуют ли они, если не открывает их сам Бог? Тот, кто, как веруют, и внутри и вовне, и не в одном каком-то месте есть, а как бытие бесконечное и первоначало, на которое всякое бытие опирается. <...>

Глупо утверждать, что мироздание лишено ощущения, потому что не имеет глаз, ушей, ног и рук. Орудия эти нужны обладающим духом живым существам, которые заключены в пределы грубой материи и потому нуждаются в отверстиях для получения ощущений от внешнего мира, а также средствах передвижения и снабжения пищей всей махины тела, которое они на себе носят. Всему мирозданию же для движения хватает [вращающегося] круглого обличья, руки его – лучи, а сила (*virtus*) способна расширяться и разливаться, воздействуя на вещи, даже не будучи заключённой в пределы рук его, ограничивающих его мощь. Глаза его – звёзды и светила, которые и сами видят и зрение даруют нам, заключённым в узилища грубой плотской махины и ущербно глядящим через окошки чувств, тогда как кожаные узкие одежды, покрывающие наши [тела-]темницы, мешают лицезреть то, что явлено

в бескрайнем небесном просторе¹¹, без всяких окон и зеркал¹², ибо, как будет объяснено в следующей книге, зрение и восприятие есть осязание¹³. Так же глупо отрицать наличие в вещах ощущения, потому как лишены они глаз, ушей и уст, как неразумно утверждать, что не движется ветер, потому как нет у него ступней и голеней, а огонь не может поглотить вещь, так как не имеет зубов. Тот, кто стоит во двореике, тогда не видит, потому что окон там нет, как и орёл, зрения лишённый, так как «зеркал», [чтобы видеть далеко] не имеет. Иных безумство доводит до утверждения, что есть у Бога и тело, и глаза, и руки. Молю Бога живого и [единственно] истинного, чтобы не только показал он, как щедро пожаловал и силу и любовь к бытию вещам, им сотворённым, но и чтобы даровал им ощущение того, что приятно им быть на свете. И будут они дальше жить во славу Его. Теперь нам следует посмотреть, каково же ощущение во всех предметах сущего.

¹¹ В издании 1620 г., *impedientibus ea quae in toto aere ac coelo absque fenestris et specillis patent vidente*: «мешающие тому, что явлено в бескрайнем небесном просторе, который *видит* без всяких окон и зеркал» (мешает видеть то, что явлено взору небесному, а не человеческому), что чуть отягощает образный ряд пассажа.

¹² Вероятно, намёк на телескопы.

¹³ Речь об этом пойдёт в 12-й главе II-й книги трактата. Для Кампанеллы всякое восприятие, в том числе зрительное, есть чувственное, «тактильное» соприкосновение с предметом. См. схожие образы в главе 15-й IV-й книги ниже.

КНИГА ВТОРАЯ

Глава 23

О том, что животные бессловесные и чувством и памятью обладают, умея воспитывать себя и рассуждать, а также разумением всеобщим, хотя и не вещей божественных, как человек, каковой во всех делах своих стоит выше животных, и о том, почему это так

В том, что во всех животных есть способность к ощущению, не сомневается никто. Никто не отрицает и того, что у многих из них есть память. Ведь они научаются. Кони обучаются прыгать, обезьяны – играм, пчёлы – умению найти дорогу домой [в улёй]. Так как души, кроме ощущающей, у животных нет, то ей, чувством обладающей, и должно приписать память и способность её пускать в ход. Ослы, если где-то случилось с ними что-то неприятное, избегают этого места, и сородичи их тоже. Раз пробуждается в них мысль «из подобного подобное», то способности рассуждать они не лишены. Конь, по одному ячменному зёрнышку взятому в рот, узнаёт качества целой их кучи, а собаки предмет по запаху определяют, по шороху листвы угадывают, где зверь спрятался. Зайца преследуя, они находят хитроумное решение, выбирая кратчайший путь и избегая более длинного, подстерегают его заранее, бросаясь в направлении, куда зверёк метнулся. Также действует и ястреб. Клешни раков, охотящихся на моллюсков, часто повреждаются, когда раковины тех захлопываются, но ведь если не захлопнутся, то рак сам раковины о камешек ударит и спокойно моллюсков съест. Полип водный хитроумно прикрепляется к камням такого же цвета, как он сам, чтобы рыбам, которыми он питается, казаться камнем. Скрываясь в безопасное место от другой рыбы или от рыбака, извергает

чернила каракатица. Можно видеть, как пёс, жадно своим собратом обнюханный, собирается с другими в свору и ведёт их туда, где упрятал много шматов мяса. Тогда становятся собаки подобием солдат, к чужим псам враждебным и несущим смерть. По свидетельству Аристотеля, один конь так уважал свою мать, что никогда не восхотел её домогаться¹⁴. В конце концов, будучи введён в заблуждение коневодом, мать его укрывшим под покрывалом, жеребец с ней совокупился, но когда обман вскрылся, он насмерть затоптал коневода. Жеребец по имени Монтедор у [рыцаря] Марио из Туфо¹⁵ всегда по отношению к своей матери был так же почителен. Крысы, переплывая через водный поток, хвостом управляют своим ходом. Лисы собираются вместе, а крысы ради того же хвостами слипаются¹⁶. Ошеломляюще хитроумие паука, когда ловит он мух. Паутина сплетается так, что окружая себя нитями, тянущимися в разных направлениях, сам он прячется в скрытом центре её, в который нити уходят. Попав в паутину, муха дрожит, колебание нити несётся к пауку, и каскадом точно выверенных и ловких скачков (*multis cum syllogismis*)¹⁷ бросается он с места на её поимку!

Лишённые разума животные для защиты от зверств [врагов своих в природе] живут в общественном организме (*republica*). У пчёл есть свой царь¹⁸, они подчиняются друг другу, [по очереди] стоят на карауле, есть у них рабочие особи и рабы, начальни-

¹⁴ Аристотель в 47-й главе IX-й книги «Истории животных» повествует историю, излагаемую Кампанеллой, которая заканчивается не гибелью коневода, а самоубийством жеребца.

¹⁵ Туфо – деревня на родине Кампанеллы в Кампании, существующая до сих пор. Вероятно, имя жеребца было итальянским: Монтедору (ит. *Monte d'oro* – золотая гора).

¹⁶ Намёк на «крысиного короля» (редко наблюдаемое переплетение хвостами множества крыс).

¹⁷ Метафора Кампанеллы играет с понятием «силлогизма» как «ловкого» логического хода мысли (перехода от посылок к следствиям), подобного ловким прыжкам паука к задевшей паутину добыче.

¹⁸ Пчелиная матка.

ки над работами и жрецы, трутни, и так искусно свои жилища отделявают, что они превосходят наши убранством¹⁹. Соломон восхищается предусмотрительностью муравьёв, приглашая нас, [людей], у них поучиться²⁰. Есть своё государство у сельдей. Они коронуют у себя царя²¹, передвигаются небольшими группами, в круг берут слабых, [собой закрывая]. Расположение лагеря своего летом и зимой меняют. Прямо как эфиопы, арабы, жители Азии и некогда наши вейсентийцы²². У журавлей есть в стае главный, и летит она особым порядком, а сам вожак держит в клюве камень, чтобы не уснуть. Львы щадят тех, кто им покорился, а гордецов принуждают к подчинению и помнят о добре, им совершённом. Один лев в Риме не хотел съесть человека, который за несколько лет до того, в какой-то пещере находясь, по случаю вытащил из лапы этого самого льва колючку, застрявшую там²³. Такой душевной щедростью отличаются слоны, а вдобавок и глубоким умом. Они виртуозно борются друг с другом [в брачный период] и научаются человеческому языку. С людьми мирно уживаются и помнят, чем, кто перед ними виноват²⁴. После полового сношения слоны совершают омовение и поклоняются Луне, прямо как древние греки, благодаря благодеяниям,

¹⁹ Сведения Кампанеллы о пчёлах основаны на материале «Истории животных» Аристотеля (IX, 40).

²⁰ Отсылка к библейской книге притчей Соломоновых: «Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым» (Притчи 6:6).

²¹ Рыбу внушительных размеров (до 11 м. в длину), ремнетела (*Regalecus glesne*), встречавшегося рыбакам в косяках сельди и имевшего на голове подобие короны (основание спинного плавника), считали сельдяным «королём».

²² Этрусски (от имени города Вейи, расположенного неподалёку от Рима, крупного центра Этрурии).

²³ История о рабе Андрокле, вытащившем колючку из львиной лапы, а затем пощажённом этим львом на гладиаторской арене, содержится в «Аттических ночах» Авла Геллия (*Noctes atticae*. V, 14).

²⁴ В оригинале не уточнено, чью вину (*culpam*) помнят, вероятно, чужую, а не свою.

которые она им предоставляет²⁵. Когда на виду у Помпея в слонов кидали дроты, встав на колени, те молили сохранить им жизнь²⁶. Когда Антиох переправлялся с войском через Нил, то слон-вожак не захотел идти первым, а когда его за это лишили первенства среди сородичей, то, не выдержав позора, он покончил с собой²⁷. Многие животные стремятся к почестям и знают цену презрения. То, что обезьяны друг с другом горячо спорят, это совершенно ясно. Похвалы и унижения чувствами внешними не воспринимаются, но мыслятся в душе. Значит, обезьяны мыслят! И вопрошает Иов, «кто дал разум петуху?»²⁸. Иисус²⁹ мудрую осмотрительность вложил в змей. Аристотель сию наделяет всех животных, способных к обучению. Говорят даже, что умеют животные опытным путём научиться. Так и мы искусствам научаемся, с ними постепенно свыкаясь! Разве может кто-то научиться по опыту, если не было у него ранее цели научиться? Разве опыт просто так хранился в душе у того льва, проявившего благодарность, или у муравья, родившегося летом и запаасающего пищу на зиму? Разве же, когда муравьи, наблюдая за тем, как меняется воздух, знают, что будет дождь или ветер, они

²⁵ В описании слоновьей «мудрости» и «религиозности» Кампанелла следует Плинию (*Nat. Hist.* VIII, 1).

²⁶ Эпизод, датированный вторым консульством Гнея Помпея Великого (55 г. до н.э.), излагается Плинием, сообщающим, что слоны, «потеряв надежду спастись бегством, неопикуемым образом моля о снисхождении у народа, казалось, рыдали жалостливо и слёзно. Вызвало это такое горе у людей, что они, забыв о щедром даре, который получили в награду от правителя [Гнея, о «бесплатном зрелище»], все как один, плача, встали с мест, заклиная и проклиная Гнея. Он немедля просимое исполнил, [слонов пощадив]» (*Nat. Hist.* VIII, 7).

²⁷ Антиох III Великий (III-II в. до н.э.) – царь эллинистического сиро-малоазийского государства Селевкии, успешно воевавший с Египтом, Парфией и Бактрией. История излагается Плинием (*Nat. Hist.* VIII, 5), сообщающим даже имя слона «без страха и упрёка» – Аякс.

²⁸ Иов 38:36. Синодальный перевод: «Кто дал смысл разуму?». О разных переводах ветхозаветного стиха см.: [Толковая Библия 2009: 175-176].

²⁹ Будучи ипостасью Бога-Отца.

не рассуждают, заключая по причинам о следствиях, [подобно нам]? Говорят, «в силу врождённого инстинкта». Но ведь инстинкт – это стимул, рождаемый разумным предвидением дела – раз муравьи под открытым небом страдают, то и обстановку чувят и знают, что нужно предпринять. Один муравей от другого учится, как мы. Вот так они и совещаются друг с другом касательно предстоящих дел. Значит, необходимо, чтобы пользовались они языком и обладали им и птицы и наш домашний скот. Выходит, ведут животные речь о чём-то, а мы их язык и не понимаем, как речь поляков или индийцев, каждый ведь говорит по-своему. Ведь даже собаки, с нами живя, и обезьяны научаются нашему языку, а будучи отвезены в иные края, язык местных жителей уже не понимают. Видел я в Неаполе собаку из Польши, которая неаполитанского наречия не понимала – только людей, кто по-польски говорил. Правда, сказать, чего они хотят, животные не могут, так как органов [речи], подобных нашим, не имеют, но мы же тоже не можем звучать, как труба или лира, или из рога издать звон колокольный. Но вот попугаи, обладающие, как и мы, [людьми], нёбом вогнутым³⁰, хорошо обучаются многим словам человеческого языка. Кроме того, в море находят много рыб, внешне очень похожих на людей³¹. В Голландии и Португалии были свидетельства, что [в не-

³⁰ Попугаи способны воспроизводить человеческую речь благодаря «выпуклой», двойной гортани.

³¹ На одной из стен Города Солнца, покрытой росписями с сюжетами из мира живой природы, была изображена наряду с другими рыбами, к удивлению Морехода, «рыба-епископ» [Кампанелла 1954: 41]. Ф. А. Петровский в комментариях к эпизоду вспоминает труд французского натуралиста Пьера Белона (1517-1564) о разных видах рыб, в котором среди прочего рассказывается про якобы пойманную в Брананте в 1531 г. рыбу, похожую на епископа, «имевшую митру и епископские атрибуты» [Кампанелла 1954: 191-192]. Самая известная легенда о португальском «ихтиандре», человеке-рыбе из Льерганеса (Франсиско де ла Вега Касаре) была создана на основе событий второй половины XVII в., уже после смерти Кампанеллы.

воле] они привыкали делать те же дела, что и люди, но вот языку, так что бы они речью владели, не научались, потому как вне морской стихии много прожить не смогли. Существуют также дикие люди сатиры и сильваны, как правдиво сообщает божественный Иероним³², которых мы считаем такими же, как [дикари] азиаты и эфиопы. Произносят непонятные речи, жизнь у них тяжелее, чем у лошадей, а нравы и занятия у них совсем другие, чем у нас³³. Какое-то животные нам кажутся и речи лишёнными и разумения, но все они разумом не обделены – одни больше, а другие меньше. То же и среди нас – многие ведь люди кажутся [ведущими жизнь только такую же, как] животные. И Аристотель говорит, что не все мы разумны. Потому нужно внимательно рассмотреть вопрос, смертен ли человек так же, как и эти дикие создания, рождается ли подобно им, или же имеет в себе душу божественную, а также то, откуда обладаем мы о ней знанием.

Я ведь не утверждаю, что душа мудрейшая – это та, у которой органы чувств самые совершенные. У многих диких зверей они лучше наших, а слух и зрение отменные у множества людей невежественных. Нет, наилучшая – та душа, какой обладают философы. [Да, душой обладают они лучше], но не настолько укоренёнными органами чувств и чутко чующим духом, судящим на основании чувственного опыта, [как у животных]! Всякое чутьё, ощущение непосредственно познаёт то, что находится вне

³² Христианский богослов, экзегет и создатель латинского перевода Библии (Вульгаты) Иероним Стридонский (IV-V вв.) в комментарии на книгу Исайи (13:21): «Но будут обитать в нём звери пустыни, и дѣмы наполнятся филинами; и страусы поселятся, и косматые будут скакать там», замечает, что речь идёт о «лесных людях» (*silvestres homines*), которые «некоторые считают родом бесов» [Hieronymus 1863: 163].

³³ Попытку систематизации множества сообщений о «диких людях» осуществил в книге «Загадка снежного человека. Современное состояние вопроса о реликтовых гоминоидах» (1963) Б. Ф. Поршнев, убеждённый, что они были не «сказками», а отражением наблюдений за единичными экземплярами чудом сохранившихся животных предков человека.

его, а остальное – путём рассуждения, и животные, воспринимая внешний мир, путём этим познают остальное, [то что пока скрыто от них]. Так ночью слышат они человека только по [производимому им] шороху, а среди бела дня видят во весь рост, с головы до ног. Животных надо называть рассуждающими (*discursiva*), то есть рассудительными (*rationalia*). Но умозаключений *сверх* доступного им на данный момент чувственного материала они почти не производят. Человек же, рассуждая о чём-либо, мыслью устремляется и к разным существам себе подобным, действиям их и образам, добродетелям и порокам, и разнообразным текущим обстоятельствам, так как обладает и скрытыми в глубинах души органами восприятия лучшими и духом более чистым, ясным и благородным. Дух его совершенство получает от бессмертного разума, которым человек наделён (о чём мы сейчас скажем³⁴). Вот оттого и зовётся человек разумным, а животные – нет, но *не потому*, что животные не мыслят, просто мыслят они... *немного*. Ведь растения, пусть слабо, но *чувствующие*, не зовутся оттого животными... Хотя мы бы так и сказали!³⁵ При всём при этом человека, раз мыслит он, считаем мы разумным (*mentalem*), тогда как животных наделяем разумом испытующим (*sensitivam*), доктором Фомой названным оценочным (*aestimativam*)³⁶.

³⁴ В главе 25-й II-й книги.

³⁵ То есть назвали растений живыми существами (животными).

³⁶ Отсылка к «Сумме теологии» Фомы Аквинского (*Summa Theol. I, Quaest. 78, Art. 4*).

Глава 25
О бессмертии и божественности человека
и о высшем для человека благе

Сын отца своего превосходит, только если сообщается ему некая сила (*virtus*), сверх отцом переданной – от звёзд или Бога. <...> Мы же видим, что человек не находит себе успокоения в пределах природных стихий Солнца и Земли, нет, и выше и глубже их его разумение, желания и его любовь. Успешно изменяет человек и стихии природные и то, что от них производно, опытами самого высокого порядка, а значит, происходит не от них, и не от них зависит, а от причины несравненно более возвышенной, носящей благородное имя Бога. И вот, помышляя о чём-то, намерения свои человек простирает выше Солнца и ещё выше, странствует он в далях сверхнебесных, представляя в высях мира бесконечные – о них размышляли даже эпикурейцы, и это их положение было верным³⁷. Итак, человек является потомком некоего начала беспредельного, и не только над Солнцем или Землёй, беспредельно широкими, он возвышается, их оставляя позади себя. Скажет мне на это Аристотель, что размышлять о вещах столь значительных, паря в вышине, это их себе бесплодно во-

³⁷ Для «материалистов» эпикурейцев существует более возвышенные, чем земной, чувственные миры, где обитают боги, которые предаются блаженству, а вот делами людей не интересуются (из-за этого положения эпикурейцев обвиняли в атеизме).

ображать³⁸. Я же вместе с Гермесом Трисмегистом скажу, что душу унижать и заставлять склоняться к вещам низким и малозначительным – скотство³⁹. И как же на мой вопрос ответить Аристотелю – откуда в душе эти бесконечности и безбрежности? Может сказать, что по подобию одного мира измыслить можно множество их, точно так же, как одного человека видя перед собой, мысленно видим и другого, и неограниченное их количество. Я же на это скажу, что беспредельное восхождение [разума] по подобию – это действие силы, причастной началу бесконечному. Животные также по подобию способны рассуждать – так именно потому и могут, что все мысли и способы познания восходят к первомудрости [божественной], и наши, [людские], и других, бессловесных животных. Схожи друг с другом все способы разумения, но одни возвышеннее, другие низменнее. Одинаково бытие солнца и земли и воздуха (неужто и Бога?), как учит богослов Скот⁴⁰, потому солнце бесконечно землю и не превосходит.

Разве то, что мудры и Бог и человек, делает ясным, почему Бог людей несравненно и бесконечно мудрее человека? Как же

³⁸ Для Аристотеля, настаивающего на том, что существуют границы между различными областями знания, общие понятия необратимо заключены в «единичных» сущих, а воображение является способностью видеть ложные образы.

³⁹ Представление о божественном происхождении человека было свойственно всему высокому герметизму.

⁴⁰ Речь идёт о теории унивокальности или однозвучности бытия (*univocitas entis*), развитой шотландским богословом Дунсом Скотом (XIII-XIV вв.), согласно которой связка «есть, является (чем-то, каким-то)» в любом утверждении выступает общим атрибутом как для сотворённых вещей, так и для Бога, однако для первых – в конечной, а для Бога – в бесконечной степени. Для Кампанеллы, выступающего здесь почти «реакционером», подобный ход мысли, ставящий на одну доску творца и творение, неприемлем, отсюда и злая ирония по отношению к Дунсу Скоту. К этой теории Скота не имеет отношения имевшее неоплатонические истоки учение о Боге как совершенно цельном и одновременно бесконечно ветвящемся в вещах единстве, развитое в труде «О разделении природ» крупным ирландским богословом IX в. Иоанном Скотом Эриугеной.

могло Солнце милостиво наделить человека разумением бесконечно более высоким, чем собственное, если бы была вся душа его была лишь дуновением, рождённым Солнцем?.. У животных мыслей самого возвышенного характера совсем мало – это явственно видно – потому что именно из этих размышлений и возникает знание о бесконечном Боге, кому посвящаются и жертвоприношения, и храмы, и священные учения, которых у животных бессловесных и в помине нет. И пусть одни звери Луне поклоняются, другие – Солнцу, а третьи – чему-то ещё, о чём напоминают нам слоны и петухи⁴¹, но религию свою они не простирают до бесконечного Бога. И тем не менее, *немыслимо это* – чтобы в душе у пчёл и животных общественных (*gregalibus*)⁴² пребывало смутное знание о божестве (*cognitionem divinitatis confusam*). Ведь все существа стремятся к благу, смутно же все к первоблагу стремятся, высшее благо глубоко в душе чувствуют (*persentiunt*). В людях же эта наука о бесконечном столь явлена и делами их и чудесами [божественными], что открыта всякому взору. <...>

Для всех людей без исключения естественно присущей является религия, ведь когда попадают в неблагоприятные или благоприятные обстоятельства, сразу же глаза они поднимают вверх, в небеса, чтобы или помощи испросить или хвалу воздать. Оттого и введены в оборот жертвоприношения и молитвы, но у разных народов по-разному – таково различие стран и воззрений людей на предметы божественные. Заблуждения же присущи различным способам [богопочитания], но не самому предмету, ведь все [народы] думают, что именно они Богу верно поклоняются. Это знак того, что общается человек с сущностями высшего порядка. Отрицая истории о делах священных, че-

⁴¹ О «религиозности» слонов см. главу 23-ю во II-й книге выше. Петухи, поющие на рассвете, для Кампанеллы были поклоняющимися Солнцу.

⁴² Хотя *grega* обозначает стадо, речь идёт об общественных животных, а не о домашнем скоте.

ловек отрицанию подвергает самого себя. Если не видит перед собой Рима и его правителя, и иных чудес, наблюдаемых в Новом Свете, то тоже их отрицать дерзновенно будет?!

Кроме того, нет вещи, природа которой устремлена была бы на предметы, ей не присущие, все они предпринимают усилия, чтобы оставаться в пределах жизни наличной. Человек же жизнью, которая *сейчас* есть, не удовлетворяется, помышляя о другой и все силы отдавая её поискам, претерпевая страдания, дабы её познать⁴³. Любопытство самое напрасное и бесполезное, должна была, получается, природа человеку подарить, раз жизнь [бестелесная], которой он с таким трудом добивается – жизнь эта ему после смерти не надлежит! Но природа не делает ничего зря, а остальные живые существа не наделяет милостиво желаниями такими *предельными*. Получается, что существа, стоящие ниже, находятся в лучших условиях...

Конца нет желаниям человека – мало ему одной добычи, одной компании, одного царства, одного мира. Горевал Александр Македонский, что может перенестись в другие миры, демокритовы, чтобы и их завоевать⁴⁴. Ненасытности такой нет ни у кого, и знаменует она, что предметом её и является сама беспредельность. Да, *всё* сжигает огонь, и *всякое* бытие бесконечно желает жизни – видно, что пламенем и рождена в нас эта ненасытность – но это всего лишь явственный след в живых вещах бесконечного Бога, а в человеке перст указующий на то, что есть в нём образ и сила высшей божественной пробы (*divinissimam*). [Если бы не это начало], разве стал бы человек силы тратить на желания неутолимые, тогда как животным хватает одного корма, чтобы насытиться и одной самки для продолжения рода? Им

⁴³ Речь о потустороннем мире (см. следующее предложение главы).

⁴⁴ По сообщению Плутарха (*De tranquillitate animi*, IV), Александр Македонский заплакал, узнав, что могут существовать бесчисленные миры, так как у него пока не получилось покорить даже один земной.

не нужно больше, хотя жар их больше людского, как у страуса или льва⁴⁵. Если жар [Солнца] является причиной «недуга» [ненасытности], то должны бы эти звери с усердием больше человеческого искать вечности и божественности!

Немало мудрецов, понимая, что и Землёй всей и всем сущим человек насытиться не сможет, изыскали, как с помощью богопочитания подняться к первопричине, и все блага мирские, даже самые малые и ничтожные вожделением [души] презрели. Как же в разум людской мог попасть предмет бессмертный – разве только, если изведал его человек в том, что от познания сокрыто (*re abdita cognitione*)⁴⁶, или же научил его Бог. Презрение к телу и вера в душу и лучшую жизнь подтверждает это, и пусть поруганная честь или утрата жизненных благ, без которых не веришь, что можно жить, и толкает животных и многих людей к добровольному уходу из жизни, оттого не делается наш ход мысли неверным. Не веря, подобно Клеомену, что смогут жить жизнью привилегированного сословия, или, как Марк Антоний, жизнью обеспеченной, или как Сарданапал⁴⁷, сладострастной, участью для себя эти люди определили самоубийство, ища иной жизни в памяти людской, или же бытие своё в *самом этом устремлении* утверждая – они не превращаются в ничто, а изменяют своё бытие. Философы же и люди, в поклонении Богу выдающиеся, презрели жизнь наличную, удовольствия и удобства её, и славу, не потому что запрещали себе ими наслаждаться. Презрели их мудрецы как вещи низкие и не-

⁴⁵ Для Кампанеллы это обладатели «жара», так как являются зверями африканскими.

⁴⁶ То есть, познал не «естественным», кумулятивным путём, а путём прозрения.

⁴⁷ Спартанский царь Клеомен, по рассказу Геродота (VI, 75), впал в безумие и изрезал себя после тяжелой борьбы за власть. Марк Антоний, проигравший Октавиану Августу, покончил с собой вместе с Клеопатрой, лишившись надежды на римский престол. Сарданапал – ассирийский царь, известный своим сладострастием, сжёгший себя во дворце вместе с приближёнными во время осады, чтобы не отказываться от прежней жизни.

достойные познаний своих душ и своих благородных помыслов, будучи завлечёнными, как и следует, красотой предметов божественных, каковы, учили и философия и Откровение, этим людям и подобают.

Со слезами появляется человек на свет голым и беспомощным, ничего не умеет, ни грудь в рот брать, ни кусать зубками, ни ходить, своими движениями он не управляет и о себе заботиться не в состоянии. Другие же животные покрыты чешуёй, перьями или шерстью, вооружены зубами, рогами, шипами, когтями, клювом, с рождения умеют самостоятельно ходить, питаться и о себе заботиться. И, тем не менее, когда проходит немного времени, человек их превосходит, одеваясь в их кожи, питаясь их мясом, животных укрощает и на них ездит верхом⁴⁸, их оружием вооружаясь и их силами пользуясь как собственными и для того чтобы землю вспахать и для перевозок. Сам же облачается в золото, серебро и железо, даруя себе металлы и камни. Вместе с рыбами плавает человек в море, вместе с птицами летает в небесах Дедал⁴⁹, и своими ногами ходит по земле и животных⁵⁰, пересекая мир по водным гладям, верх одерживает над самыми непокорными течениями, свирепыми ветрами как господин морской стихии. Все металлы человек укрощает, чтобы ими самому пользоваться, придаёт им форму, отделяет, и [драгоценные] камни – не исключение. Применяет деревья он для кораблестроения, делает из них кресла, погребца и крыши и отопливает помещения. Плоды растений употребляет в пищу, использует листья и цветы для улады и в лекарственных целях. Горы, леса и камни к себе приспособливает, чтобы ему было удобно, стадами скотами и плантациями растений управляя также для себя. Я спраши-

⁴⁸ Намёк на коней, ослов и слонов.

⁴⁹ Согласно античному мифу, изобретатель Дедал, изготовив «крылья», вместе с сыном Икаром улетел с острова Крит, где они находились в плену у царя Миноса.

⁵⁰ В кожаной обуви.

ваю, кто же из животных и сильнее и хитрее человека способен то, что он беспомощный, лишённый чешуи и покровов, слабый и пугливый делать – хотя бы самую малую часть? Может, скажешь: у пчёл есть государство, как у людей, у слонов – религия, утончённейше отделаны ткани паучьи – так человек не сможет – другие животные вьют гнёзда, иные с военными делами в ладах. Я же скажу, что всё, что другие звери ни делают, и человеком производится на свет, и даже более значительное. Человек применяет законы, учреждает государство, устраивает гражданские общины, строит храмы и вводит обряды для богопочитания, и лечится он на более высоком уровне, чем собаки, бегемоты и ибисы. Какой бы род животных не был выше другого в чём-то одном, человек животных во всём превосходит. Сети он изготавливает подобные паучьим для ловли птиц и зайцев, комнаты отделяет, как пчёлы, построение войск его как у журавлиной стаи или рыбьего косяка, берёт человек со всех животных пример, и всякое искусство их и умение делает лучше. Будучи хилым сам, он одерживает верх над огромными силами слона, измысливает, как на спине его установить деревянную башню с людьми внутри⁵¹, слонов укрощает и ими управляет, он умеет убивать как кроважнейший лев и как громадный кит жадно ест.

Что же ещё мне сказать? Ни одно животное, даже если у него есть руки, как у обезьяны или медведя, не умеет пользоваться огнём, обращаться с ним, получать его от жара Солнца, высекать из камней или возжигать, размягчая им металлы, разрушая горы, готова на нём пищу. Сверкающие молнии и гром, подобно Богу в выси воздушной, человек производит в артиллерийском искусстве, и – диво дивное! – с помощью масляных светильников, питающих возжигаемый огонь, ночь он превращает в день чудесным искусством, легко пользуясь огнём как вещью по сравнению с собой ничтожной. Если бы в душе у человека всё

⁵¹ Боевые слоны активно применялись в армиях античности.

было бы лишь огнём рождено, неужто мог бы он так презирать родственную себе, благороднейшую и могущественнейшую его природу? Огонь звери не отваживаются трогать, даже смотреть на него, а многие народы его почитают⁵². Искусство обращения с огнём только человеку исконно присуще и подобает, а наделение изваяний речью и чувством, представление о календаре и обращение с магнитом, на север обращённым, это изобретения души богоподобной.

Астрономия делает очевидным, что человек – это существо, в первую очередь, небесное. Он смотрит вверх, измеряя величину звёзд, исчисляя пути их, а что взору его почти не доступно, то домысливает с помощью эпициклических и эксцентриситеты, и основательно решает эти задачи исчисления прямо как не *познающий*, а *сделавший* небеса своими руками (*faber coeli*)! И хотя мнений людей на счёт явлений небесных много разных и неопределённых, оттого не менее очевидной обнаруживает себя божественная природа человека, столькими путями приходящего к познанию творца своего. Удивительно, что узнаёт он, когда случаются затмения светил и за много лет предсказывает, и соединения их, и взаимное расположение, их природу изучая и давая им имена. Человек открывает кометы, звёздные знамения и влияния, что предвещают они на Земле, воде и в небе. Он знает, когда происходят солнцестояния и равноденствия, и как они друг друга сменяют, даже если время непродолжительное и незаметное, апогеи и эксцентриситеты небесных светил, которые измеряет квадрантом. Когда Бог что-либо изменяет в небесах, человек обращает на это внимание, замечая отклонения от обычного хода и странности, и всегда создаёт новые наглядные схемы для предметов столь удалённых [от Земли]. Исходя из положения дел [на небе] сейчас⁵³, он предсказывает смерти⁵⁴ и жизни не только людей и животных, государств и правителей, но и космоса, обречённого

⁵² Намёк на зороастрийцев.

⁵³ Намёк на предсказательную астрологию.

⁵⁴ В первом издании опечатка: *montes* (горы) вместо *mortes* (смерти).

погибнуть в огне. Животные обитают вместе с человеком в утробе космической, подобно паразитам в утробе человеческой, ни жизни, ни души, ни природы хозяина не знающим. Только люди замечают, что это за громадное живое существо – космос – ищут, где его исток, куда идёт, как живёт и когда погибнет, и узнают. Итак, только человек в утробе вселенской восхищённо взирает на обильно источающую все вещи первопричину, сам заняв её место (*admirator et vicarius primae causae*). Кроме того, человек общается с ангелами, демонами и Богом. Неразумно это отрицать. То же самое, как если бы кто-то говорил, что Рима не существует, поскольку он его не видит, или не было никогда на свете Цезаря и Александра Великого, потому что не жил в их время. Веру все народы создают столькими чудесами и кровью своей, не говоря уже о том, что такие дивные дела имеют характер сверхъестественный (*vim naturae excedentia*). Глуп довод Аристотеля в книге о мире, где он говорит, что Бог способен действовать в одиночку, а потому в помощи ангелов и демонов не нуждается⁵⁵, подобно царю персидскому – когда помощников много, очевидным становится, что сам он недалёк. Нет, это не так, а если бы этот ход мысли был в силе, то не должны были бы существовать ни Солнце, ни звёзды, ни море, потому что может Бог и сам вместо них и освещать и роль воды играть. Да и сам себе Аристотель противоречит, когда выдвигает бессмысленный тезис, что ангелы движут небесные тела, тогда как их может двигать сам Бог⁵⁶. Иные из добрых духов представляют опасность, мне же, случилось, угрожали только злые, которые пытались убедить меня, что существует переселение душ, а у человека нет свободной воли, да и во многих иных вещах. Ещё они предсказали мне разные события – какие-то случились, а какие-то нет. Злых духов я не видел

⁵⁵ Тезис о том, что Бог, будучи беспредельно могущественен, не нуждается в «помощниках», развит в 6-й главе «Книги о мире» псевдо-Аристотеля (вероятно, написанной в начале новой эры, столетия спустя после кончины Аристотеля).

⁵⁶ В первом издании это предложение отсутствовало, что делало малопонятным начало следующего («иные (?) представляют опасность»).

заключёнными в людские тела, но они мне всё же явственно мне показывались, чего до сих пор я объяснить не могу, а особенно того, что тела им были не нужны. Я молил Бога, чтобы он мне и добрых духов показал, но до сих пор не вымолил. А Дьявол сказал, что все духи добрые – одни меньше, а другие больше. Я понял, что он меня обманывает, и спас себя, от наваждения избавился, а веры во мне после этого стало только больше⁵⁷. То, о чём рассказываю сейчас, занятие не для человека неопытного, пугливого или неискреннего. И хотя таких опытов я всегда истово чурался как чумы проклятой, в моём распоряжении есть опыты других. Люди *до этого* неверующие, когда явились им видения, и общались они с духами, изменились в лучшую сторону⁵⁸. На основании этого опыта можно сделать вывод, что если демоны с людьми вступают в общение, то и ангелы тоже. Великий знак, [свидетельствующий], что покидая пределы тела, души принимаются в общество злых или добрых духов, смотря к каким ближе себя сделали в течение жизни на свете! А иначе какой толк духам о нас так пещься и с нами в отношении вступать? Народов бесчисленное множество [подобное общение] подтверждает, даже если какие-то отрицают бессмертие души. Да и довод Иисуса Христа против саддукеев о бессмертии души всякого убедил⁵⁹. Если Бог себя явил многим людям и прямо называл себя отцом их, Богом Авраама, Исаака и Иакова, делается очевидным, что после смерти мы отойдём к Нему. Не стали бы духи о нас радеть, если бы обречены мы были на истребление

⁵⁷ Лат. *sanctus*, от которого образована сравнительная степень *sanctior* [*evasi*], можно понять и как «целостный, неприкосновенный» и как «добродетельный, целомудренный».

⁵⁸ В первом издании это предложение и окончание предыдущего отсутствовало.

⁵⁹ «В тот день приступили к Нему саддукеи, которые говорят, что нет воскресения. <...> Иисус сказал им в ответ: заблуждаетесь, не зная Писаний, ни силы Божией, ибо в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах. А о воскресении мертвых не читали ли вы речённого вам Богом: Я Бог Авраама, и Бог Исаака, и Бог Иакова? Бог не есть Бог мертвых, но живых» (Мф. 22: 23, 29-32).

гибелью вечной. И в псалме Давид Богу возглашает: «Господи! <...> То что́ есть человек, что Ты помнишь его?»⁶⁰. А в другом месте, в 143-м псалме: «Господи! Что есть человек, что ты знаешь о нём <...>? Человек подобен дуновению, дни его как уклоняющаяся тень»⁶¹. А о земной жизни [человека говорит Давид]: «Поставил его владыкою над делами рук Твоих»⁶². Христос против саддукеев изрёк, что Бог есть Бог живых, а не мёртвых. Возвестил Бог Моисею (в сущности, сказал), что он Бог Авраама, Исаака и Иакова⁶³. Значит, Авраам, Исаак и Иаков после смерти живут в Боге. Такая близость Бога с людьми была бы лишней и даже неразумной, будь обречены они, прожив краткую жизнь, умереть навсегда. Тот же, кто отрицает подобные видения и свидетельства людей святых и мудрейших, тот всегда будет обретаться в печали сугубой (*dolore ancipiti*) [– и жизнь с её опасностями ему будет угрожать и смерть]. Пусть тогда все рассказы, его зрению не доступные, о разных делах отвергает! В этой же книге я исхожу из того, что существует Бог и отвлечённые разумные сущности (*intelligentias*), что имеется знание и чувство, даже у животных, так что я мог бы доказать его наличие и в других сущностях. Я хорошо знал скептиков, отрицавших, что существует знание, и эпикурейцев, отрицавших бытие божье, которые с этими доводами не особенно соглашались. В своей «Метафизике» и труде против Макиавелли⁶⁴ я основоположения эти обосновал против всех, кто с ними не соглашался. А Аристотель, говоривший, что у Бога с человеком дружбы не бывает, как нету дружбы у конечного с бесконечным, к величеству божественному, а не его доброте мыслью устремлялся.

⁶⁰ Пс. 8: 2,5.

⁶¹ Пс. 143: 3-4.

⁶² Пс. 8: 7.

⁶³ «Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова» (Исх. 3:6).

⁶⁴ Полемике со скептицизмом посвящён первый том «Метафизики» Кампанеллы и вводные главы направленного против макиавеллизма трактата «Побеждённый атеизм».

Глава 27
*Подражая творцу природы, познаёт
человек себя с ним связанным*

Утверждаю, что есть в человеке душа, ниспосланная в него Богом и отличная от духа. Сколько же деяний самых выдающихся творит дух, сю доведённый до совершенства и ставший более пригодным для [восприятия] божественных излияний! К этому он сам бы никогда не пришёл, совершая дела, которые разные презренные виды [живого], только природою и наученные производят, ежели бы только с ней поддерживал связь наш дух. Природа эта является внесённым Богом во все вещи искусным способом (*ars*) привести их к стоящим перед ними целям. Глубоко вкоренены во всякой вещи её мощь, мудрость и любовь, метафизические первенства⁶⁵, на основе которых [высшее] бытие всё сущее и формирует в той или иной степени. Это врождённое искусство все живые существа проявляют вовне в делах своих, и тот, кто его может лучше воссоздать, тот и познаётся благодаря этому причастным и природе и разуму более божественным [и возвышенным]. Вот почему непревзойдённо божественна природа человека, природу животных, как и всего сущего, в искусно изготовленных им вещах воспроизводящего, тогда как животные не умеют ни воссоздавать, ни осознать того, что им присуще. И пусть вполне не понимает этого даже сам человек, разумеет он довольно для того, чтобы явило сие его божественность.

⁶⁵ О первенствах (прималитетах) Кампанеллы см. выше.

Город и жилище изготавливает подобным телу своему. Голова соотносится с замком или величественным дворцом, дворики дворца делает человек подобными желудочкам головного мозга, спальню – подобной черепному своду, столовую – мозжечку, стены и одежду похожей на свою кожу, улицы же и места для прогулок аналогичной нервам. Водопровод – схожим с артериями и венами, колодцы – с печенью, печи и меха мастерит он подобными сердцу и лёгким. Отхожие места и ночные горшки человек устраивает по образцу мочевого пузыря, селезёнки, жёлчного пузыря и заднего прохода, расположенных далеко от носа и главных зданий [тела]. Узкие улочки строит он схожие с кишками, кухни с желудком, кладовые – с печенью, окна с глазами и ушами, мельницы – со ртом, пережёвывающим пищу, горшки – с брюхом. С позвоночным столбом сходны насыпи, с ягодицами – сиденья, с [мягким] мозгом – кушетки. С шеей – подушки, с перепонками сходны ковры и скатерти. Воины – подобие рук, а [холодное] оружие – ногтей, рогов и острых зубов [животных]. С рыбной чешуёй сходна боевая кольчуга. На раковины похожи нагрудные панцири, на голени человека – кони и ослы, [его несущие вперёд], а на грудь и бока – упряжи [квадратных] колесниц. Корабли, которые строят люди, напоминают птичьи грудины, вёсла – их крылья, кормило – хвост, корабельные снасти и подзорные трубы – ушам и глазам их. Светильник подобен солнцу, пушки – грому и молнии, а календарь людьми создан в соответствии с орбитами небесных тел. Человек свои зелёные насаждения растит и прививает на новом месте, согласуясь с [законами] растений диких. В согласии с матерью-природой выращивает он животных и растения, как и рыбы, плавает, как и птицы, летает он, как и звери, стремительно нападает. Нету в мире ничего, что бы ни повторял человек – ни в нём, ни за его пределами. Ведь кроме этого изобрёл человек способ себя увековечивать (*modum aeternandi*) при помощи письменности для будущих поколений, [доступный даже] тем, кто речи лишён. Человек повторяет птичий щелк и гром небесный, а на земной полюс взирает

как на магнит. Подобно хору ангелов благословениями во храме возносит человек Богу хвалу.

Наконец, возжелали люди добиться даже божественного статуса и жить уже в положении богов. Пусть это и преступление тяжчайшее, но тем не менее доказывает, что присутствует в человеке начало божественное то, что они даром сим злоупотребляя, впадают в неведение, забывая о Боге, людей им и наделившем. Бога же прославляя в делах своих, в силах они и правда обоготвориться – доказывают это те, кто мёртвых воскрешают, лечат больных, плавают по воздуху, предсказывают будущее, диких зверей и людей жуткого вида простым словом усмиряют, на Бога полагаясь, и в небо взмывают. Отвергать эти факты – свойство души не только зверской и нечестивой, но и недалёкой. Какое же из животных способно повторять? Разве что совсем немного и бессознательно. Совершает ли оно сии чудесные дела? Итак, если человек сие совершает, пусть и как орудие в руках божественных, из этого следует, что он гораздо благороднее животных бессловесных. Художник-творец для дел более возвышенных берёт в руки инструмент соответствующий. Раз Бог человеком пользуется для дел более высоких, чем природе принадлежащие (*supernaturalia*), этим и являет он то, что вложено в человека начало божественное.

Глава 32
Существует ли
мировая душа

Мы уже сказали в предыдущих рассуждениях, что всё, что ни имеет в себе человек, во внешнем мире выражается с помощью подражания, и ныне стоит на материале того, что люди делают вовне, попробовать поразмыслить над тем, что осуществляется внутри них. Совершенно очевидно, что и жилище и общество человеческое оформляется подобно телу, а мы вовне производим дела подобные тем, что внутри, значит, нужно посмотреть, не заимствует ли душа где-то замысел своих дел внешних и внутренних. Мы ведём войны с врагами, как дух наш с заражением внутри тела. Во внутренних двориках [своих домов задумчиво] прогуливаемся мы, прямо как он в глубинах головы⁶⁶. Когда весело нам, то на улицу выходим, чтобы видно было, какие мы счастливые, так и дух наш достигает очей, где светит всему свету ясно. Когда печалимся, то удаляемся в самые дальние покои, так и дух наш уходит глубоко, оставляя лик наш смятённый без света своего. Умирает друг, и вот мы облачаемся в чёрное и ни есть не хотим, ни жизнь свою поддерживать, как обычно. Так и дух наш, сумрачным оставаясь, чёрную копоть с себя не отряхивает и в биение сердца вторгается, ненадолго его задерживая, а когда вынужденно отпускает, то тоскливо вздыхает. Вздох ведь одновременно

⁶⁶ В первом издании трактата, «[как дух] во двориках затылка» (*occipitis aulis*), в издании 1637 г., «во внутричерепных двориках» (*syncipitis aulis*).

повторяет и возвращает прерванные движения души. А потом дух лишается сил, копоть эту отряхивая, и следы горячки остаются на нём, прямо как на нас после болезни. Радуетесь мы, и душа раскрывается, смеётся, ей раздолье. Где дому нашему что угрожает, мы туда бежим сразу, а дух наш – туда, где болит тело. Мы обеспечиваем свою семью едой, готовим её, делаем мягкой и очищаем, и он тоже чистит, готовит и очищает, соки жизненные распределяя по телу, а отходы из него удаляя. Мы чемерицу⁶⁷ и ревеня используем как слабительное, а он для этих целей употребляет желчь, едкую же чёрную желчь, наоборот, в качестве возбудителя аппетита, как мы маринады с уксусом. Мы собираемся с мыслями, и он уходит в глубины головы, снова размышляя над прошедшими событиями, внимательно смотрит, что ему хорошо известно, а что нет, что следует делать, а чего избегать. Прямо как мы, когда обращаемся к историям из древних времён, беря оттуда примеры, как действовали предки. Мы совета просим у мудрецов, а дух наш (или вложенный в него ум) к чьему же совету прибегает? Я лично считаю, что когда опыта как действовать в подобных случаях на будущее у духа нету, то за советом он обращается к некоему божественному разуму. Если эта разумная сущность – не разумение божественное, то имя ей будет мировая душа. Мало для поддержания жизни человека плотского дыхания⁶⁸, и обнаруживаем мы в нём также вышестоящий бессмертный разум. Значит, очень разумно и к месту будет, чтобы и мироздание, благороднейшее из существ, дитя высшего блага, самое лучшее и прекрасное, заключало в себе не только чувствующие природы своих собственных частей, но и самую превосходную душу, стоящую впереди и ангельской, ту, на которой лежит забота обо всём сущем. Святой Августин в своём труде о книге Бытия и святой Василий

⁶⁷ Чемерица, вернее, Морозник или Зимовник (*Helleborus orientalis*, Willd.), применялся как средство против душевных болезней, рвотное или слабительное.

⁶⁸ Латинское *spiritus*, привычно переводимое как дух, прямым значением имеет просто дыхание, дуновение (ср. лат. *spirare* – ‘дышать’, и евр. *ruach* с тем же обманчиво «духовным» значением).

в «Беседах на Шестоднев», сочувственно признают, что существует в мироздании такой разум⁶⁹.

Признают его также Платон, Гермес Трисмегист, Авиценна, в чём-то Александр⁷⁰, стоики, Вергилий, Лукан и мудрейшие философы⁷¹. А некоторые, как Плиний, говорят, что довольно общей [всему сущему] природы⁷². Я же утверждаю, что эта [мировая] душа и является общей всему природой и всему причастным искусством, сотворённым Богом и влитым во все вещи (*totique infusam*). Скрытые дела [мировой души] иные приписывают прямо Богу⁷³. А я скажу, что Бог бесконечен, и никакая сотворённая природа, а низшего порядка тем более, не способна воспринять

⁶⁹ Кампанелла в ссылке приводит полное название труда блаженного Августина (354-420): «Незаконченная книга о книге Бытия слово в слово». И Августин и Василий Великий (330-379), опираясь на ветхозаветные пассажи из книги Премудрости Соломона («Всё соделал Ты премудро», Пс. 103:24), большой ролью наделяли образ Премудрости Божьей, которую Кампанелла отождествляет с мировой душой.

⁷⁰ Александр Афродисийский (II-III в. н.э.) – философ-перипатетик, комментатор Аристотеля.

⁷¹ То, что эти философы и поэты признавали существование «мировой души», Кампанелла будет на материале их произведений доказывать в «Апологии своей книги», предвещающей основной текст трактата во втором издании (см. вводную статью). Вероятно, под Луканом имеется в виду римский поэт Марк Анней Лукан (I в. н.э.), автор поэмы «Фарсалия», а не Окелл Луканский (см. прим. 212 к главе 19-й IV-й книги).

⁷² Отсылка к пассажам из второй книги «Естественной истории» Плиния Старшего. Мироздание, по Плинию, «подобает мыслить как сущность божественную (*numen*)». Оно «священно, вечно, безгранично, едино в целом и частях, цельно, и бесконечно и конечно подобно. Мироздание, будучи определённою всего сущего, подобно неопределённому, заключает в свои объятия всё, что внутри и вне его, является и плодом действия всех вещей и самой природой» (*Nat. Hist.* II, 1). Ср. позднее, в той же книге, замечание о дельфийских пророчествах: «[Размышлением обретаюсь] в этих феноменах, что же за разумное объяснение может дать им кто-либо из смертных, кроме того, что это некая божественная сущность (*numen*), разлитая по всей природе, которая вновь и вновь прорывается вовне?» (*Nat. Hist.* II, 92).

⁷³ О «скрытых делах» (*occultos actus*) природы как категории, имевшей схоластические истоки см.: [Фялалко 2018: 12-13].

божье бесконечное проистечение, кроме как её изменив по своему собственному конечному образу. Не пригодна она для восприятия бесконечного, как говорит Бернард, потому вначале и затемнился в матери Иисуса Святой Дух⁷⁴. Раз так, то насколько же больше *сами вещи*, произошедшие *естественным* путём, нуждаются, пребывая в этом [сверхъестественном] свете, в том, чтобы он затемнился и изменился [по их образу]? Посему эта блаженнейшая [мировая] душа всматривается в [божественный] перворазум, чтобы знать, что должна совершать, и в различных веществах и частных формах [сущего] она действует, держась идей перворазума⁷⁵. Душа есть главное орудие [божественной] премудрости. Мироздание обладает дыханием, то есть небом, твёрдым телом, то есть землёй, кровью, то есть морской стихией, и разумом, то есть этой душой. Человек же является заключительным творением мироздания, сжато заключающим его в себе (*compendium epilogusque mundi*), так человека и некоторые богословы именуют. А греки – «малым миром»⁷⁶. А если бы не было у космоса столь пр частного Богу разума, [как мировая душа], то он *целиком* стоял бы ниже своей *части*, человека! Обвинение, против меня выдвинутое Святой Инквизицией, по её словам, мною под пыткой признанное, следующее: тогда получается, что и червям и мошкаре и прочим отбросам на свете, раз и *они* его часть, придаёт законченный вид эта блаженная [мировая] душа, а значит, *им* как и человеку, надлежит блаженство! А я отвечаю – совершенно этого не следует. Ведь если мы видим, что

⁷⁴ Учение о неизбежном «затемнении» (*obumbratio*) бессмертного Святого Духа при вхождении в смертную мать Иисуса Марию было развито в работе «Против Ария» философом-неоплатоником, а позднее христианским богословом, Марием Викторином (III-IV вв.). Кампанелла упоминает цистерианского богослова Бернарда Клервосского (1090–1153), так как в работе «О созерцании» Бернард заимствует теорию Викторина.

⁷⁵ Кампанелла воспроизводит неоплатоническое представление о творении мировой душой всего сущего на основе идей божественного разума, восходящее к Плотину и оформленное Марсилио Фичино в магико-натурфилософском ключе, см.: [Фиалко 2018: 88-95].

⁷⁶ То есть микрокосмом.

в голове у человека заводятся вши и гниды и много других червей в утробе и кишках, оттого же ведь не следует, что эти крошечные твари создаются пронизательным умом человека и причастны его благоразумию и блаженству! И всё же они, как и все остальные живые существа, обладают собственным невзрачным *чувством*! Вот так и рождаются на свете твари, пусть и не одарённые такой блаженной душой, но и не лишённые определённого собственного ощущения. Люди, которые были со мной не согласны, такого моего ответа с очевидным примером оспорить не смогли. Доступны взору всякого тысяча поразительных и неожиданных деяний этой [мировой] души, которая добрым духам хорошо известна, их близкой *подруги*. Лучше об этом сказал я в своей «Метафизике», а из того, что есть в предыдущей книге [трактата], совершенно ясно, что уйма жизней и смертей, то есть видоизменений в пределах мироздания, создают цельность его жизни (*mundi vitam integrare*). Так и заполняет всю нашу жизнь круговерть происходящих [в организме] изменений: образуется и исчезает кровь, приходит и уходит пища, жизненные соки и истечения. Ведь высочайший разум всем существам милостиво дарует законченную форму (*perfectio*).

КНИГА ТРЕТЬЯ

Глава 14

О чувстве, имеющемся у растений,
их взаимном притяжении и отторжении,
а также к другим вещам

Ни у кого не должно возникнуть сомнений в том, что растения чувствуют, раз питаются, набираются сил, растут, производят семена и дают потомство, совсем не отличаясь в этом от животных. Потому Платон называет растения неподвижными животными, животными наоборот⁷⁷, а Пифагору они кажутся одарёнными чувством⁷⁸. А Аристотелю во второй главе [трактата] «О душе» они представляются наделёнными только растительной, но не чувствующей душой⁷⁹, потому как, говорит он, процессы и органы чувств в растениях не обнаруживаются.

⁷⁷ Отсылка к отрывку из платоновского «Тимея» (77 а-с), где описывается, как «устроители» человека, чтобы обеспечить его в земном мире питанием, создают «некую природу, родственную человеческой», «деревья, травы и вообще растения». Она свойственна всякому растению, которое «живёт и являет собой не что иное, как живое существо, однако прикреплено к своему месту и укоренено в нём» [Платон 1999: 483]. Во втором издании трактата фраза изменена и содержит отсылку к «Строматам» Климента Александрийского (вероятно, II, 110), рассуждающего о платоновском понимании растения.

⁷⁸ По свидетельству Диогена Лаэртского (VIII, 28), для Пифагора «живёт всё, что причастно теплу, поэтому живыми являются и растения» [Диоген 1979: 339].

⁷⁹ В трактате «О душе» развивается представление о трёх типах душ, как последовательных «уровнях» одушевлённости: душе *растительной* (вегетативной), способной к росту, *животной*, способной к осязанию, и душе *разумной* (которой наделены люди и Бог). Согласно Аристотелю, следующие ступени включают предыдущие, но в качестве низшей душа растительная чувством (ощущением) не обладает.

Тем не менее, Аристотель в другом месте, во второй книге «Физики», не только чувства, но и мыслительные процессы в них находит, демонстрируя, что растения действуют целенаправленно, когда плодоносят, чтобы продлить себя на неопределённый срок, покрываются шипами, себя защищая, и отпускают листья, защищаясь от Солнца⁸⁰. Душой Аристотель растения наделяет, но как может быть душа лишена *чувства*? Лишена потому что нет у растения глаз и ушей? Ну так мы показываем, что это не сами чувства, а окошки, через которые можно пройти к чувствующему, ощущающему духу, как учили и святой Христомом и святой Августин⁸¹. Аристотель должен был бы и осязанием растения наделить, раз погруженные в землю для всасывания пищи корни, подобные рту человека, он в растениях признавал. Тогда и во вкусовом чувстве не должен был растениям отказать.

Очевидно, что не всякое растение живёт и питается где угодно. Перец возвращает Индия, а не Италия. Апельсины – Италия, а не Германия. Так что растение питается подземным течением, ему подобным и присущим по природе, вбирая его в себя. Будучи переселено в другое место и не поглощая такого сока, так как его не находит, растение погибает. Мы вскапываем землю вокруг растения, чтобы туда проник солнечный свет и сделал её более влажной, так чтобы стала для ростка питательной. Для этого мы кладем к корням тёплый и жирный навоз, а растение отделяет тот сок, который ему нужен, от ненужного. Значит, оно чувствует, что ему надо оставить при себе, а что нет. Бывает, что летом растения от жары сохнут и едва не погибают, склонив свои пушистые кудри, как повесившие голову, опечаленные звери. Когда же сверху начинает лить дождь, внезапно они возвращаются к жизни и поднимают головы, оживают и обретают прежнюю красоту, выказывая всему миру чувство нескрываемой радости и свежего бы-

⁸⁰ Отсылка к главе восьмой аристотелевской «Физики».

⁸¹ Во втором издании добавление в конце этого предложения: «и у морского ежа (*echinus*) их нет».

тия, как люди после голода и трудов, напавшие на пищу. От взора Вергилия эти [картины] не скрылись⁸².

К тому же, как могло бы питание так чётко распределяться по всему телу растения, когда более плотные части уходят к костям, нежные – к плоти, более плотные – к сердцевине, более липкие – к нервам и покровам растения, гладкие – к листьям, жирные – к семенам, а воздушные, легко усвояемые части – к цветам? Только если бы у каждой части растения было чувство, как к себе притянуть ту часть питания, что ей подобна, и если бы пребывал в различных частях растения дух, который бы это питание обрабатывал и распределял. Очевидно, что есть в растениях и нервы и прилегающие к костям кровеносные сосуды, в которых и должна обитать душа, раз погибают деревья, когда с них сдёрнули кору. А вот если подрубить на добрую половину, но кора на другой стороне останется, то не умирают они, потому как дух растений плотный и сочный, не так легко испаряется через мелкие отверстия на другой части. Он влечёт к этой части по прямым сосудам те соки, которые даёт поглощаемая растением земля, и восстанавливается.

Есть в растениях кости, сердцевина, нервы, сосуды, ткани, грубая кожа, уста, покровы-одежды и орудия [самозащиты]. Они размножаются, а [будучи поранены], в глубине своей сохраняют жизнь. Значит, нужно признать, что растения являются живыми существами и преисполнены чувства. Этот довод убедить может и людей неопытных и глупых, которые только посредством *орга-*

⁸² Вероятно, отсылка к «Георгикам» Вергилия (vv. 85-94): «Пользу приносит земле опалить истощённую ниву, / Пусть затрещавший огонь жнивье легковесное выжжет. / То ли закрытую мощь и питанье обильное зёмли / Так извлекают, иль в них бывает пламенем всякий / Выжжен порок и, как пот, выходит ненужная влага, / Или же множество пор открывает и продухов тайных / Жар, которыми сок восходит к растениям юным, / То ль, укрепляясь, земля сжимает раскрытые жилы, / Чтобы ни частый дождь, ни сила палящего солнца / Не погубили семян, ни Борея пронзительный холод» [Вергилий 1971: 67].

нов чувств о нём знают. Те же, кто поумнее, уверенно признают, что есть чувство в небесах, в воздушных просторах и предметах духовных, таких органов лишённых. Так ведь люди крайне недалёкие (*idiotae*) воображают Бога, имеющим облик телесный, схожий с человеческим, и думают, что чувствует он, познаёт и радуется, только имея лицо и тело наподобие как есть у людей. По этой причине осудили великого Оригена в Египте грубые монахи и патриарх Феофил, потому как Бога сделал лишённым облика телесного⁸³. Мудрецы же знают, что органы чувств и телесный образ для Бога является недостатком, а не высоким преимуществом. Если же и этого [довода] недостаточно, то в растениях находим мы женский и мужской род, как у животных, и женское растение без встречи с мужским не плодоносит. Всякий может видеть это на рожковых деревьях⁸⁴ и пальмах, тычиночные и пестичные цветки которых друг к другу склоняются и целуются. Пестничный беременеет, а без тычиночного не плодоносит. Нет, сморщенный погибший пестик на тычинку глядит тоскливо, а от аромата её и пыльцы возвращается к жизни. К тому же имеются растения в северных странах, плоды которых превращаются в крылатых животных. И ведь во всех растениях заводятся маленькие насекомые, а в них ощущение же не берётся ниоткуда! Значит, это наделённая чувством теплота в растениях источает и размягчает изнутри их толщу, а вовне делает твёрже, и рождает в них жучков и червячков, даже в высушенных деревянных дощечках. Есть между растениями и дружба и взаимная вражда. Капуста – враг

⁸³ Учение греческого богослова Оригена (185-254) было осуждено на соборе 399 г. в Александрии александрийским епископом Феофилом. Одной из главных составляющих оригенизма было представление об абсолютной бестелесности Бога в отличие от его творений, тогдашним ортодоксальным богословам казавшееся сложно совместимым с догматом о воплощении Христа, тогда как сам Ориген сыграл немалую роль в развитии учения о Троице.

⁸⁴ Рожковое дерево или цареградские рожки (*Ceratonis siliqua*), вечнозелёное дерево семейства бобовых.

виноградным лозам, они друг друга истребляют, если посадить их вместе. Кто не хочет запьянеть, пусть выпьет капустного сока, одолест и заглушит пары хмельные и крепость браги. Люпин и шелковица⁸⁵ тоже друг другу смерть несут. Оливы же и мирт – друзья, хорошо друг с другом уживаются, как и виноградные лозы вязу. Диву даёшься, как искусно гнут друг к другу растения ветви и отросточки, с помощью которых с другом самым закадычным они связаны взаимной подпоркой. Плющ к дубу крепится прямо гвоздями, вонзается ему в кору, да и к другим остовам покрепче.

Есть в районе Бизиньяно⁸⁶ один вид грибов, живущих колониями, с мускусным ароматом. Если кто-нибудь справит большую нужду там, где они появляются, то они убегут из этого места и будут родиться чуть подальше. Полезные этим грибам стойкие пары, из которых они появляются на свет, сразу чувствуют, что запах не свой, и бегут прочь. Как сказано выше, у растений бывает дружба и вражда с металлами. Порта приметил немало схожести и несхожести растений с частями тел животных. Тыква похожа на голову, кислые и едкие растения – на печень, похожие по форме на яички плоды им и близки, как и похожие на зубы. Порта по образам растений выяснил немало, но не везде угадал. Огурец, например, походит на мужской орган, однако приносит ему вред⁸⁷. Я видел, что когда тыквы растут, то по земле стелятся, устремляясь к растениям влажным и вялым, туда, где чуют воду. Если под висящей тыквой поставишь полный сосуд воды, то она в длину вырастет, прямо будто бы раздаваясь в направлении воды, чудно! А вот если полость с маслом возьмёшь, то ветви раскинет другое растение, а вот тыква, от масла отвращаясь, как раз сожмётся и уменьшится в размерах. Значит, имеется у растений и обоняние, раз они допускают в себя сквозь поры испарения. Всякое чувство

⁸⁵ Люпин или волчий боб (*Lupinus albus*), шелковица или тутовник (*Morus*).

⁸⁶ Небольшой город в итальянской Калабрии.

⁸⁷ В издании 1637 г. предложение убрано. О делах Порте см. прим. 94 к главе 1-й IV-й книги.

есть осязание, обладающую которым вещь потому нельзя назвать чувства и ощущения лишённой.

Также обнаруживается чувство в сухой древесине, но умеренное, и заметно оно благодаря тому только, что заводятся в ней насекомые, пока неусыпно действующее тепло оживляет и возбуждает самую для этого пригодную её часть. На форуме Цезаря⁸⁸ оливы засыхают, и всё равно видно, что засохшие ветви пускают ростки, чему дивится Вергилий⁸⁹. Если на ствол пальмы положить весомый груз, то накренится она вершиной, будто страдающая под его неприятной тяжестью. Но ведь всякое дерево, которое насильно согнуто, оставили в покое, возвращается в первоначальное положение, а значит, чувствует, что враждебно ему такое положение, и, как и всякое *живое существо*, его избегает. Если же было бы дерево лишено чувства, то так и осталось бы согнутым. Когда дерево кладут в огонь, оно скрипит, всему миру являя плач о смерти своей и свои страдания выражая доступным ему, а не нам, путём. Листья лавра чураются огня, извиваются, ему противясь, как змеи гибельному жару. Даже с небесами [жизнь] растений сообразуется.

Вот подсолнечник всегда смотрит на Солнце, кудрявую главу вертя с востока на запад, а ночью поворачивает назад, чтобы утром снова на востоке появиться. Родов подсолнечника много⁹⁰: одни, непритязательные с виду, с высоким цветком, где полно семян, у других цветок всего один, похожий на Солнце, другой подсолнечник растёт на реке Евфрат под водой. Утром, когда восходит Солнце, кудри он поднимает над водой, за Солнцем следуя, а после полудня тихонько опускает и так до сумерек. И вот, когда уплывает в воды оно за горизонт, то и подсолнечник в неё погружается, чтобы вновь вернуться *на круги своя*. Вот открыто явлен-

⁸⁸ Форум Цезаря или Форум Юлия в Риме.

⁸⁹ Вероятно, отсылка к «Георгикам» (II, 30-31): «Даже, коль ствол обрубить, и то — непостижное дело! — Корень маслины опять из засохшего дерева лезет» [Вергилий 1971: 79].

⁹⁰ В первом издании опечатка, вместо *genera* стоит *gratia* («милостей подсолнечников много»).

ные чудные знамения того, что всё со всем в согласии пребывает.

Липы, вязы, ивы, тополя и масличные деревья, когда Солнце из экватора опускается в созвездие Рака, макушки клонят к северу, а когда уходят, то снова на юг. Они следуют широте, тогда как подсолнечник и люпин – долготе. Можно сказать, что происходит это, потому что Солнце постоянно притягивает от стройных членов этих деревьев испарение снизу вверх, и так заставляет эти растения на себя глядеть. Но ведь для этого требуется чувство, потому как прямо стоящие кустики петрушки так не вращаются. Одни по широте, а другие по долготе – потому нужно решительно утверждать, что существует чувственное согласие (*sensum consensumque*) между телесными и земными видами бытия. Не только лев и петух – животные «солнечные», но и травы и металлы с Солнцем пребывают в согласии, что и магнит доказывает, и камень, мерно отсылающий к созвездию Плеяд, и другой – к Луне обращённый, а иные – к иным звёздным телам. А в Индии водится тускловатого окраса крылатый зверёк. По мере роста Луны он темнеет и к полнолуннию почти фиолетовый становится. Местные жители за ним внимательно следят и убивают, чтобы получить крылья его, которые дают стойкий близкий к пурпурному цвет [тканям]. Есть даже трава, которая в первый лунный день один листик отпускает, во второй – второй, и так до пятнадцатого лунного дня, а потом, когда Луна расти начинает, они один за другим, по одному в день, падают, в таком же порядке, как и росли⁹¹. Тому же учат и многие иные примеры, коими подтверждается истинность астрологии и сила потаённой мудрости (*occultae sapientiae*), которую древние называли магией.

⁹¹ Предложение отсутствует в первом издании.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 1

О магии в целом и её делении

Магами звались древние восточные мудрецы, главным образом персидские⁹², которые исследовали вещи сокрытые (*res latentes*), имеющие отношение к Богу и природе, к искусству (*artis*) её. Так совершали маги чудесные дела, предметы такого рода прилагая к делам людским, как свидетельствует святой Августин⁹³. В наше же время именование «маги» столь отвергаемо и ненавистно, что наделяют им разве что сохранивших суеверия людей, состоящих в дружбе с бесами. Просто люди невежественные и самого презренного рода, душой истомившиеся в исследовании природы, простым путём идя, у злых духов попросили того, что дать те не в силах, хотя и делают вид, что могут. Астрология вот, отданная на толкование умам дремучим и недалёким, впала в вид презренный. Так что и пророки нашего времени, узколобым и порочным веком нашим зовутся то бородачами, то дураками, то богохульниками. И всё-таки астрологию дважды попытался Порты, человек очень целеустремлённый, вернуть из небытия⁹⁴. Но это всего лишь отсылка к прошлому,

⁹² Представление о связи магии с Персией развито уже у Плиния (*Nat. Hist.* XXX, 2).

⁹³ Книга 9-я «О граде божием» Августина.

⁹⁴ Перу итальянского натурфилософа Джаммбатиста делла Порты (1535-1615) принадлежит ряд работ по алхимии и природной магии. Кампанелла имеет в виду трактат «Физиогномика растений» (1589), исследующий «скрытые связи» растений с планетарными астрологическими образами.

явные и начальные основания своих рассуждений он не даёт⁹⁵. Порты ведь не поднялся до чувства в вещах и первенств⁹⁶. Всё объясняет он, отсылая к природным свойствам вещей, общеизвестной астрологии, скрытому их взаимному притяжению и тайным знакам (*signaturas*)⁹⁷. Вот «технотека», которой занимается неаполитанец Ферранте Императо, могла бы быть основанием для введения в оборот такого рода искусства⁹⁸.

Магия, по свидетельству Плиния⁹⁹, состоит из трёх наук: религии, медицины и астрологии. Первая из них служит для очищения души, чтобы стала та пригодна для [восприятия] тайных знаний (*cognitionibus occultis*) и сдружилась с первопричиной (*primae causae amicus*), и чтобы вселить в душу мага страх, уважение и веру в те души [людские], на которые он будет воздействовать. Вторая необходима, чтобы узнать силы трав, камней и металлов, притяжения и отталкивания их между собой, а также по отношению к нам, состав их и то, насколько пригодны те или иные нужные человеку материалы к тому, чтобы имел дело с ними, на них воздействуя. Третья же, чтобы знать, когда совершать магические операции, и о знаках (*symbolum*), соотносящих земные предметы

⁹⁵ Под «основаниями» имеются в виду основания науки о природе, развиваемые Кампанеллой в трактате. В первом издании в этом предложении отсутствуют эпитеты «явные начальные». В итальянском тексте 1604 г., написанном ещё при жизни Порты, и позднее в издании 1620 г. в том же предложении в скобках: «Он видит мою книгу, а до меня доходят слухи, что он дальше развивает натуральную магию».

⁹⁶ О первенствах или прималитетах см. выше, главу 26-ю II-й книги.

⁹⁷ Это и предыдущее предложение добавлено в издании 1637 г.

⁹⁸ Кампанелла имеет в виду подобие музея естественной истории, кабинет «природных диковин», открытый неаполитанским естествоиспытателем Ферранте Императо (1550-1625): [Юренева 2003: 124-129; Горфункель 1977: 292]. Название «технотека» (греч. «хранилище искусств», ср.: «картоотека», «библиотека» и т.д.) для музея Императо, видимо, придумано было самим Кампанеллой: [Niola 1995: 77].

⁹⁹ Отсылка к первой главе тридцатой книги «Естественной истории» Плиния (полный перевод на русский язык тридцатой книги, целиком посвящённой магии, насколько нам известно, отсутствует).

и звёздные тела, как неподвижные, так и блуждающие, а также светила, явственно предстающие причинами для природных трансформаций и сил всех вещей.

Потому в Евангелии от Матфея хвала возносится тем волхвам, которые благодаря комете узнали о рождении полновластного правителя вселенского¹⁰⁰. Ведь Бог тем, кто дела Его изведывают и им дивится, даёт не только то, к чему стремятся, но и сверх того, помогает к предметам сверхприродным (*supernaturales res*) прийти, ежели внутренне очистившись, они готовы будут к упорному изысканию природных добродетелей. Вот до чего радушен и мягок творец и родитель наш, о чём тебе сообщат Иоанн Златоуст и святой Августин.

Мудрость эта [магическая] и умозрительная и практическая. То, что основательно узнаёт, прилагает она к делам людским. Плиний в 27-й книге¹⁰¹ придерживается того мнения, что сия мудрость присуща всем существам, и даром её является умение творить чудеса. По этой причине полагает он, что Моисей был могущественнейшим магом, как и другие египтяне, Йанний и Йамврий, с ним состязавшиеся перед лицом фараона¹⁰². Говорит

¹⁰⁰ Отсылка к евангельскому рассказу о «поклонении волхвов» (церковнославянское именование магов-прорицателей): «Тогда Ирод, тайно призвав волхвов, выведал от них время появления звезды и, послав их в Вифлеем, сказал: пойдите, тщательно разведайте о Младенце и, когда найдёте, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться Ему. Они, выслушав царя, пошли. И се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, как наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец. Увидев же звезду, они возрадовались радостью весьма великою, и, войдя в дом, увидели Младенца с Мариною, Матерью Его, и, пав, поклонились Ему; и, открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну» (Мф. 2: 7-11). Под «полновластным правителем» имеется в виду младенец Иисус.

¹⁰¹ Пассаж, к которому отсылает Кампанелла, содержится в первой главе 30-й книги «Естественной истории» Плиния.

¹⁰² Йанний и Йамврий – упомянутые во втором послании Павла Тимофею (3:8) имена египетских магов, состязавшихся с Моисеем, когда фараон отказался отпустить евреев из египетского плена. В начале 30-й книги у Плиния упомянуты рядом с Моисеем Йанний и Лотап, члены «колдовской

Плиний, что совсем недавно бытовала магия на Кипре, потому как там перед проконсулом Сергием силою Иисуса апостол Павел сделал так, что ослеп Елима Волхв, а потом его исцелил¹⁰³. Плиний не верит, что существуют злые духи, потому что Нерон их настойчиво искал и не нашёл, и не было того, кто бы их ему показал¹⁰⁴. Он думает, что природа и есть божество, влитое во всё сущее¹⁰⁵, а в нас она действует благодаря тому, что разум наш знает, как пользоваться её плодами. А Трижды величайший¹⁰⁶ человека считает чудом мироздания, превосходящим богов или богоравным¹⁰⁷. Столь велик человек благодаря своей мудрости, что может мраморных и медных богов изготавливать, под сенью определённых созвездий в них вселяя души и получая от них требуемое¹⁰⁸. То же чуяли и Порфирий с Плотиним, добавляя, что есть духи добрые и злые, как учит нас повседневный опыт¹⁰⁹. Сам я тоже извезд

клики» (*magices factio*). Возможное знакомство Плиния с ветхозаветным апокрифом о Ианнии и Йамврие, до 30-х гг. XX в. известным только как косвенным упоминанием в раннехристианской литературе, фрагменты которого были найдены на папирусах, ставится под сомнение [Nero 1996].

¹⁰³ Рассказ о противостоянии на Кипре Варнавы и Савла с волхвом по имени Елима содержится в «Деяниях апостолов» (13: 7-11). Упоминание у Плиния о «кипрской магии», которая по времени ему «гораздо ближе» (*tanto recentior*), чем творимая Моисеем, могло быть отражением в 70-е гг. I в. н. э. «недавних» событий из ранней истории христианства. Автор английского перевода «Естественной истории» Генри Томас Райли (1816-1878) в комментариях к отрывку, считал вероятность такой связи небольшой.

¹⁰⁴ Гл. 34-я «Жизнеописания Нерона» Светония.

¹⁰⁵ См. прим. 72 к главе 32-й II-й книги.

¹⁰⁶ Гермес Трисмегист.

¹⁰⁷ Отсылка к знаменитому пассажу из герметического «Асклепия» о человеке как достойном преклонения «великом чуде» (*Asclepius, VI a*).

¹⁰⁸ Отсылка к пассажу об одушевлении статуй из герметического трактата «Асклепий», благодаря Фицино «подтверждённому» отрывком из «Эннеад» Плотина [Фиалко 2018: 87-89].

¹⁰⁹ Представление о «добрых» и «злых», в зависимости от близости материи, духовных сущностях, сопровождающих человека, развито в «Эннеадах» Плотина (III, 4). Подобием демонологии оно становится у Порфирия во второй книге трактата «О воздержании от мясной пищи» (II, 36-58).

такой недвусмысленный опыт, но не жадно стремясь его обрести и [природу] пробуя на прочность¹¹⁰, а имея в мыслях иное, потому нечего удивляться, что *пытливому* Нерону духи не явились.

Симон Волхв думал, что летать – забава самая обыкновенная, наподобие занятий канатоходцев¹¹¹, а Светоний рассказывает, что Нерон сделал так, что повторилась судьба Икара¹¹². Так что я лично утверждаю, что вначале существовала магия *божественная* (*existere magiam divinam*), которую человек без помощи божией едва ли понимает и дела с ней не имеет. Умолчал о ней Моисей, да и иные, кто Богу был мил (*Deo chari*), столько чудес совершившие без помощи какой бы то ни было науки *природной*, тогда как мир сотворённый подчинялся им *прямо*, раз были посланниками самого Бога! Кто верит, что существует Бог и о смертных вещах печётся, нелишне ему и в такие [дивные] дела верить.

Имеется магия *природная*, в качестве представления (*notitia*) о звёздах и врачебной науке, к которому добавляется знание предметов божественных, чтобы родилась *вера* (*fiducia*)¹¹³ в том, кто добивается благосклонности этой науки. Имеется и магия *дьявольская*, силой которой многие благодаря искусству демоническому осуществляют чудесные дела перед людьми не особенно умными – такие и без всякого демона в местах, где полно народа, у уличного жулья, ловко владеющего руками, получаются¹¹⁴. Но эти дела – по

¹¹⁰ См. выше, автобиографический рассказ в главе 25-й II-й книги трактата.

¹¹¹ Сведения о полётах Симона Волхва содержатся в апокрифических «Деяниях Петра», где апостол Пётр молитвой заставляет Симона рухнуть на землю.

¹¹² Икар, сын Дедала, по античной легенде, упал в море и погиб, когда его крылья растаяли на Солнце. По рассказу Светония, Нерону нравились зверские игры, наподобие сбрасывания с высоты человека, который забрызгивал бы кровью самого императора (*Suetonius. Vita Neronis. III*).

¹¹³ То есть уверенность в действенной силе магии.

¹¹⁴ Разоблачению уличных фокусов будет посвящена глава 4-я IV-й книги.

части не науки, а хитроумия. Магия же природная занимает срединное положение¹¹⁵, и тот, кто в ней упражняется с благоверным почтением к Творцу, нередко удостоивается чести подняться к *сверхприродному* и причаститься предметам божественным. А вот те, кто её употребляет во зло, расходуя на наведение порчи и изготовление ядов, бесясь ради забавы, те заслуживают, чтобы *и с ними* позабылся бес, и уволокли их на погибель – увидят вокруг себя, раз сами захотели, таких же, как и они, охотников до вещей порочных и ничтожных, [в Аду]. Такое заключение очень верно делает и святой Фома в книге о жребиях, опираясь на Августина¹¹⁶.

¹¹⁵ Между божественной, о которой сказано в предыдущем абзаце, и дьявольской.

¹¹⁶ В «Книге о жребиях» Фома Аквинский, приводя слова Августина из трактата «О христианском учении», отвергает использование жребиев ради забавы, считая его родом общения с бесами (*De sortibus*, 666-667).

Глава 6

Все науки и искусства служат природной магии,
а некоторые из них особенно

Что ни совершают мудрецы, природе подражая или же ей оказывая содействие [своим] искусством, не только людям тёмным, но и всему человечеству доселе неизвестным, зовём мы магическим творением. Потому не только науки, о которых уже сказано выше, но и все иные, дают практическую основу для магии. Творением магическим было создание Архитом голубя, который, как и другие, [обыкновенные], голуби летал¹¹⁷. При дворе Фердинанда Австрийского один немец дивным искусством изготовил орла и муху, которые самостоятельно летали. Прежде чем искусство станет достоянием простого люда (*vulgetur*), всегда зовётся оно магией, когда же станет общедоступным, то является уже обыкновенной наукой. Когда изобретался аркебузный порох¹¹⁸, книгопечатание и магнит, то были они предметами магическими или имеющими происхождение сверхъестественное (*numine praeunte*), тогда как нынче это искусства общедоступные, ибо узнали о них простые люди. Подобным же образом и звон колоколов,

¹¹⁷ О пифагорейце Архите Тарентском, «упорядочившем механику», пишет Диоген Лаэртский (VIII, 79-82). Сведения Кампанеллы восходят к «Аттическим ночам» Авла Геллия, сообщившего со ссылкой на «многих знаменитых греков и философа Фаворина», что Архит изготовил из дерева голубя, который мог летать благодаря действию сжатого воздуха (*Noctes atticae*. X, 12).

¹¹⁸ Аркебуза – использовавшееся в европейских армиях с 20-х гг. XV до второй половины XVI в. ружьё с фитильным замком, заряжавшееся порохом с дула.

отмечающий календарное время, да и другие механические искусства, легко лишаются священного благоговения (*venerationem*), ведь воплощаются в предметах, зримо явленных и взорам людей самых простых. Предметы же, имеющие касательство к натурфилософии, астрологии и религии, опошляются крайне редко, потому-то люди в старину в них одних магию и вложили.

Глава 9
В трупах можно обнаружить чувство,
а также о гниении их

Во многих разных явлениях мы явственно находим ошибочность этого обыденного представления – не все-де вещи чувствуют, ведь мёртвые тела, потому что зовутся мёртвыми, чувства лишены – тогда как мы видим, что свойства живого существа у мёртвых, пусть и в ограниченном размере, остаются. Так как для уяснения всего нашего учения это необходимо, перейду к доказательствам. Во-первых, обращаю внимание, что у животных для смерти достаточно одного ухода прочь их дыхания, духа (*spiritus*), который находится в голове, а оттуда распространяется по нервам, наделяя чувством и присущим каждому члену особым движением всё тело животного. Даже если при этом не будет тело уничтожено, а останется в целостности, то всё равно животное погибнет. Смерть же для существей простых – это переход в иное бытие, как то: дыхания – в воздух, а воды – в землю или огонь, так как взаимоподобны, так что они, и только они, оставляют бытие своё, просто меняя форму.

Животные же, будучи сложнее устроенными, претерпевают распад. Так что дыша воздухом, дух ощущает его с помощью чувства воздушной природы, *память* о теле, в которое был заключён, оставляя позади, раз его «страстотерпие» из-за великой перемены, [смерти], уносит вдаль им испытанные ранее страсти и порывы души. Ту *память*, которая и сама канет в *Лету*. [Мёртвое] же тело остаётся с собственном чувством, притуплённым, его [плотской]

природе соответствующим, даже если дух ещё пребывает в нервах и чувствует. Явственно видно это в хвостах змей и ящериц¹¹⁹, погибающих последними, как и сердце, так как «узкие сосуды» духа не дают ему так просто покинуть тело. Вот так же, когда обвальщики [мяса на скотобойне] освежéвывают быков, то кое-где плоть убитого животного дрожит, шевелится и *ощутимо* сокращается¹²⁰. Люди тоже пред лицом своего убийцы пышут кровью и горят гневом, в страхе чуя нутром, что здесь их ненавистный враг – чувство передаётся от одного к другому через воздух.

Такой приметой пользуются опытные следователи, чтобы разузнать, кто совершил убийство. Один уроженец Ночеры¹²¹ убил человека и закопал в земле, а позднее его самого по другому обвинению посадили в тюремную камеру. Двадцать дней подряд лил дождь, из-за наводнения труп всплыл, и его унесло на городскую улицу, где была тюрьма. Когда труп заметил, что только окно отделяет его от убийцы, он закипел кровью, начав источать её из ран, к немалому ужасу того, кто знал о своей вине в этом преступлении. Когда же он проплыл дальше, то больше не кипел, вернувшись на своё место. А человек этот спустя двадцать девять лет мне сам раскрыл душу.

Так что остаётся чувство не только в *духе*, тело покидающем, но и в самом [мёртвом] *теле*, ещё не окоченевшем и с кровью внутри. Мы ведь тоже, перед собой видя недруга, в гневе вскипаем или от страха дрожим. Ну а когда труп изнутри разлагается, то *один* канал чувственной [жизни] он теряет, но вот *другой* в нём становится

¹¹⁹ Даже после отделения от туловища подающих признаки «жизни».

¹²⁰ Панпсихический посыл трактата Кампанеллы позволил бы перевести в данном случае *manifesto sensu* даже как: «*ощутимо и ощущающе*» (то есть сокращения не только доступны нашему чувству, ощущению, но и и доказывают, что есть даже после гибели «чувство» в мёртвом теле животного).

¹²¹ Ночера (Нучера, на неаполитанском наречии) – город в Италии, в Кампании.

только сильнее. Да и к тому же в труп заводятся черви, а чувства в них не могут проистекать ниоткуда. Не могут из материальной «потенции», из чрева её, которое жизнь поддерживает, но не порождает, как мы показали во второй книге [трактата]¹²². Значит внутри трупа заключено чувство, и есть в нём сокрытый от нас жар, по природе деятельный, не прекращающий работу свою, ни на миг о ней не забывающий. Вот почему труп пухнет, из него выходит жидкость, он размягчается и воняет. Зловоние – это густой и сопелый пар, отягощающий чуткость нашего духа. Он выше наших сил, и духу нашему чужд, потому нам и противен, но не тем бессловесным тварям, у которых дух теплее и гуще нашего. Вот так: что одному зловоние, то другому – аромат. Таким образом, жар приходит в движение и, не выделяя фракцию *тонкую* в густой и липкой [трупной] массе, рождает дух [тёплый и сопелый]. Так появляется червь или другое одушевлённое существо, которое в этой жарко-прелой махине [разлагающегося трупа] больше себя чувствует как дома. К тому же можно видеть, что у трупов растут волосы и ногти. Влага, содержащаяся в исконно присущем телу тепле, оказывающем постоянно воздействие на его останки, согревается и выходит вовне, питая части тела самые «наружные», подобные тем, что покидают его пределы¹²³. Время идёт, испаряется и [этот прелый] дух из размягчённых [тканей] иссыхающего трупа, в костных останках которого остаётся только самое притуплённое чувство, пока он не станет землёю или перейдёт в другое тело, [питаемое землёй]. А ведь мы уже давно показали, что без ощущения невозможно питать, [тогда как в трупе есть «остаточное» питание]. <...>

Думаю, что когда Августин утверждает в работе о должной заботе о мёртвых, что в трупах нету чувства¹²⁴, то разумет

¹²² Полемика с аристотелевским понятием материи как возможности и формы как действительности.

¹²³ То есть покидающим тело продуктам жизнедеятельности.

¹²⁴ *De cura pro mortuis gerenda*. I, 5, 7.

он чувство человеческое, живой дух и душу, которые, как древние думали, даже чтобы принять пищу – в могилу возвращаются из странствий [на том свете], отчего и ставили в местах погребения столы с яствами¹²⁵. Августин не говорит здесь о *всеобщем*, приглушённом, в плоти заключённом, *чувстве*, который признаёт и сам, как уже сказано¹²⁶, хотя его природе уделил в своей философии крайне мало внимания¹²⁷.

¹²⁵ Древний языческий обычай угощения покойников.

¹²⁶ Выведено Кампанеллой из работ Августина в «Апологии своей книги» [Campanella 1637: 19].

¹²⁷ В издании 1637 г. уступительный оборот в конце предложения убран и заменён на развёрнутое пояснение, дублирующее «Апологию» (см. предыдущее примечание). Кампанелла пытается найти опору для своего представления о всеобщем, свойственным и трупным червям, чувстве в комментарии Августина на книгу Бытия (см. прим. 69 к главе 32-й II-й книги), приписывая тому им же самим введённое *ad hoc* представление о чувственном, доступном ощущению свете (*lux sensitiva*), свойственном всему живому. Осмысливая библейский рассказ о сотворении животных, Августин замечает, что абсурдно говорить о непосредственном творении Богом самых мелких живых существ, наподобие червей, заводящихся в трупах: «Разве что причина в том, что пребывала внутри всех одушевлённых тел некая природная сила (*vis quaedam naturalis*), словно бы заранее “посеянные” и неким образом загодя внесённые проростки (*quasi praeseminata et quodammodo licitata primordia*) живых существ, которые должны появиться, возникнуть благодаря разложению их тел, разного рода и вида каждое. Неизъяснимо вёл их по этому пути незыблемо подвигающий всё сущее Творец» (Super Gen. III, 14). Понятию «света» («да будет свет») и его духовной или материальной природе Августин уделил внимание в первой главе своего комментария.

Глава 10

В предметах, уже давно не существующих, остаётся чувство и давнишнее и недавнее: дивные опыты, имеющие к магии касательство

Мы обнаруживаем, что существует не только чувство приглушённое, которое, как мы рассказали, имеется в трупах, но и собственно чувственной природы особенные и примечательные [в неодушевлённых вещах] сильные страсти, благодаря которым магия получает немалую выгоду. Вот, например, если ты изготовишь для одного барабанчика кожу из волчьей шкуры, а для другого – из овечьей или другого животного, которое волка смертельно боится, то увидишь – как только ударишь в «волчий», сразу же порвётся «овечий». Вот явная примета, что страсти устоявшиеся, но чуть «усыпленные», словно бы потому что оживилась в них память, возбуждаются и обновляются, раз ударили по шкуре, и она страдает. Мы тоже, когда врага перед собой видим, сворачиваем прочь, а когда [при нас] произносят имя того, кого боимся, то испытываем страх – волосы встают дыбом, да и напрягается кожа, когда дух, в страхе ища убежища, ушёл в пятки. Скажи только: «бука!», и вот уже жутко стало пугливым малышам, и волосы взъерошены. Всё потому что страх их берёт привычный – не раз его внушали.

Да и вообще, внушает радость вещь, от которой ждут хорошего, а страх – та, от которой плохого. Вот, например, турки на галерах боятся нападения христиан, а рабам их в плену у них – отрада. Турки чувствуют, что ждёт их смерть, а рабы чуют –

свобода. Всякому из тех, кто был обречён на участь трагическую¹²⁸, то предстояло, что он *предчувствовал* – вдруг опускались у него руки, или чуял опасность, или в глубине души был страх. Могут этому человеку и судьбу такую напроорочить – по правде, а то и в шутку. Друг мой, которого ждала смерть от аркебузы, сказал, торгуя на улице, как-то проникновенно: «*А вот кто бы меня сейчас аркебузой?...*» А когда обернулся, то горящая пуля уже просвистела, пронзив его насквозь, и послышался выстрел из [ружья] солдата. Истории такие всякому известны.

Всё это происходит, потому что в воздухе растворено вот-вот должное прорваться страдание. В нём есть чувство, он нам и передаёт эмоцию. Возвращаясь к приведённому примеру, скажем, что точно также в шкуре овечьей так же остаётся то, что овцой от волка испытано, благодаря удару по барабанчику оживлённое, как тошнота у того, кто смотрит на пищу, у других вызывающую рвоту. Вот по этой причине один чешский военачальник, умирая, завещал из своей кожи сделать барабан, чтобы враги боялись так же, как на поле боя перед ним трепетали. Я так думаю, что из волчьей шкуры сделанный барабан коней – и тех! – в бегство обратит. А из драконьей шкуры – слонов. Если из лисиних потрохов смастеришь струны для лиры, то когда будешь их касаться, то куры побегут сломя голову прочь. Если из волчьих – то овцы, из змеиных жил сделаешь – женщины, которым страх перед змеями привычен, придут в ужас. А если для двух инструментов изготовишь струны из «враждебных» животных, то когда коснёшься одних, другие порвутся.

<...>

Говорят ещё, что если погибшую змею положить в тени ясеня, [дерева] по природе ей враждебного, то начнёт дёргаться, пока не покинет рывками это место. Есть и много других опытов – чувства взаимные пребывают в вещах, нам кажущихся бесчувственными. Если у кого распухла селезёнка, то пусть кто-нибудь

¹²⁸ В издании 1620 г. опечатка: *cupiam* вместо *cuipiam*.

для него повесит селезёнку другого животного над огнём в очаге. Обнаружилось, что по мере того, как высыхает подвешенная, уменьшается и воспаление у больного. Не чёртовы это проделки – не в потрохах же у нас он орудует! Страдания [селезёнки], которая терпит боль, рождают страх в собственной селезёнке больного, сокращающейся, сжимающейся и извергающей из себя тягучую влагу. Страдает первая в унисон со второй, одна принимает в себя сильные чувства другой – они дышат одним воздухом. Но особенно явно это происходит у тех, кто верит в это сильнее.

У отдельных членов тела есть своё собственное чувство, с помощью которого они сообщаются в целом организме. Потому, если погрузить в воду печень, то она со страху станет мягкой. Видел я, как острый меч держали остриём к селезёнке, сверху прикрытой [положенным на живот] листом бумаги. Когда резким движением меча так, что ни бумага не страдала, ни брюшная полость, «поражали» селезёнку, то она сокращалась и в страхе сжималась, а в брюшину сразу изливалась тёмная и мутная кровь, выходя через рот.

Утверждают многие, что рану залечивают тем же мечом, которым её нанесли какому-то человеку. Я в таком по опыту не убеждался, но быть может, что рана чувствует, что испытывает тот, кто причинил ей зло, раз теперь, наоборот, он её лечит. Дух крепнет в жилах, он надеется, что это поможет, а может, мести радуется, и так излечивается. Много других примеров это докажет. Если магнит может «чувствовать» даже полюса Земли, то что уж говорить о чувстве для других существей, витающих в воздухе!

Но потому как суеверная чернь, не понимающая, что отку-да берётся, много чего сюда примешала ложного, да и Нечистый в подобные дела суётся, чтобы мутить воду, постоянно люди духовного звания преследовали такого рода искусства – вот мы о них и знаем мало. Впрочем, те, кто познали, что чувства заключены в вещах – чувства, которые в ладу друг с другом, а также и враждебные – пусть без всякого смущения такие дела под водительством божьим внимательно исследуют и открывают.

Глава 11

*Не просто ощущение продолжает жить,
когда временно отсутствует или уже
не существует того, кто ощущает, так что нет его
больше, а даже набирает ощущение силу
и иные вещи делает себе подобными. Доказывается это
благодаря укусу апулийского паука и бешеной собаки.
Раскрывается диковинное потаённое
чудодействие, никому доселе не известное*

Все эти явления прослеживаются совершенно очевидно и достоверно в укусах апулийских пауков¹²⁹ и бешеных собак. Рождаются такие пауки, которых сами жители *Таранто*¹³⁰ обыкновенно называют по месту происхождения *тарантулами*, под паляще-знойным летним небом. Размером они где-то с плод ореха – побольше или поменьше. Как и у других пауков, есть у них лапки, ножки и брюшко¹³¹. Окраса они бурого, зеленоватого, красноватого или чёрного. Встречаются пёстрые и разноцветные. Кусают они местных крестьян со страху, или если те на них вдруг наступят. Первое время болит [место укуса] немного, а потом ранка рубцуется, но неприятные ощущения доставляют покраснение и жжение. А потом укушенные чувствуют слабость [во всём теле], цепенеют и иногда без чувств падают в обморок и лежат неподвижно. А потом вот что: как безумные делают резкие движения, если увидят одежду или какой-то предмет такого же

¹²⁹ В главе Кампанелла на основе собственных данных описывает последствия укуса человека представителем семейства пауков-волков (ликозид), апулийским тарантулом (*Lucosa Tarantula*).

¹³⁰ Таранто (Тарент, основанный греками в начале VIII в.до н.э.) – город в итальянской Апулии.

¹³¹ Букв. «руки, ноги и тело». Под паучьими «руками» Кампанелла, вероятно, подразумевает педипальпы, пару конечностей, выполняющих тактильные функции (вряд ли более мелкие, впрыскивающие яд хелицеры). Под «ногами» имеются в виду четыре пары ходильных ног.

цвета, как паук, их укусивший, и упрямо идут следом за человеком или животным такой окраски. Радость им приносят музыкальные звуки. Одним – звуки лиры, другим – кифары, третьим – барбита, а кому-то – псалтерия¹³². Всякий своим звуком тешится, и танцуют¹³³, как при исполнении трипудия¹³⁴, но яростнее, хотя никому не причиняют зла. Звуки замирают, и они падают [больные] оземь, вконец обессиленные, но всё время охота берёт их под музыку танцевать. Совсем из сил выбиваются и опять падают. Выздоровливают после череды танцевальных потуг «в поте лица». Но вот даже когда поправляются они, если увидят, что другие, кого укусили, под музыку скачут, то и сами за старую безудержную забаву берутся – и с этими в совместный пляс. В течение нескольких лет после того, как были укушены, время от времени возвращаются к страсти этой неудержимой, танцевать трипудий¹³⁵. Крестьяне говорят ещё, что пока жив паук, укушенный *каждый год снова* «танцы» повторят!

Говорят умники из местных, не больше тёмного народа разумеющие, что крестьян никто не кусает, а это они притворя-

¹³² Названия различных струнных музыкальных инструментов.

¹³³ К имени тарантула восходит название танца и музыкального произведения в быстром темпе, тарантеллы (*tarantella*). «Тарантизм» в современных академических исследованиях, как правило, считается феноменом чисто психологическим, «истерическим, в котором народные верования, предрассудки, суеверия и влияния местных культур играли большую роль» [Russell 1979: 422]. Классическим, сохраняющим своё значение до наших дней, культурологическим исследованием о тарантизме является вышедшая первым изданием в 1948 г. книга директора Испанского института музыкологии, немецкого музыковеда Мариуса Шнайдера (1903–1982): [Schneider 2016]. Упомянем также дипломную работу молодого чешского этнолога Ирэны Кобылаковой [Kobyláková 2010], посвятившей собственный сайт <http://www.irena-n-kobylakova.cz> исследованию апулийского тарантизма. К объяснению тарантизма Кампанеллой с панпсихических позиций читатель вправе относиться с иронией.

¹³⁴ Трипудий («трехножник») – танец, известный с древнеримских времён, во время которого исполнители трижды быстро били ногой о землю.

¹³⁵ *Non perperuo* в данном случае предпочтительнее понять в смысле: «периодически, время от времени». Возможно и: «не до конца дней».

ются – дурят людей, а сами работать не хотят. Другие изрекают: [причина болезни их] – это сила потаённая и никому не известная. Ну не верю я, что горят желаньем малоимущие крестьяне год от года отстёгивать наличные за просто так гусярам и кифаристам, [чтобы вылечить родных]. Ведь если даже неведома причина болезни, это не значит, что нужно сразу отметить подтверждаемое многовековым [опытом народа свойственное ей] сильное *чувство*, [страсть к танцу]. Так что я утверждаю: этот самый тарантул наделён мощнейшим пронзительно-жарким ядом, который может на нас оказывать сильнейшее отрицательное воздействие. Когда кусает паук, то *для него самого небольшое*, влажно-огненное *тепло*, оставшееся в ране, понемногу умножается, потому как оно жарче – в пределах ранки – нашего, и обращает оно наши внутренние соки *в свои*. И вот тогда силы нашего духа оказываются под мощнейшим и всеобъемлющим ударом – едва ли не все они обращаются во вражеский *жар*¹³⁶, ведь формируются из внутренних соков организма, ими питаются. Неотделимы силы нашего духа от этих внутренних соков и только усиливают их качества! По всему телу *ползуче* расходится это жаркое испарение, тарантуловой природы, и силы духа [нашего], забывая привычный свой ритм, принимают эту горячую страсть, уподобляясь духу тарантула. Мы ведь чуть выше говорили, что когда обуреваем дух тёмными испарениями, то мрачнеет и покрывается грязью, а потом находит на него страсть искать кладбища, трупы и выгребные ямы – подобное ведь стремится к подобному. Итак, привычный для духа ритм, оставленный в прошлом, обратился в совсем иной, и вот видит он *цвет*, подобный окраске тарантула, *причины* его нового состояния, и бежит к нему как к себе подобному, если порядок его бытия претерпел уже внутренний перелом, или *необратимо*

¹³⁶ Кампанелла, описывая с позиций собственной натурфилософии механизм воздействия на тело человека яда тарантула, употребляет здесь то же слово *ardor*, что и при упоминании жжения и покраснения на месте ранки. Вероятно, по его мнению, жжение вскоре после укуса было как бы репетицией грандиозного «жара» во всём теле, итогом и следствием которого и была «танцевальная страсть».

изменился в тот, что принадлежит тарантулу. А если ещё не так радикально воздействие, то тоже бежит за этим цветом, но как за *враждебным предметом*. Смутно подозревает он – глубинная страсть подсказывает – что страдания его исходят от вещи, которая окрашена вот так же. Не рассуждает тут дух, действует природная смекалка, как мы сказали во второй книге трактата¹³⁷. Вот поэтому укушенные и валяются без чувств – губительный жар тарантула уже одержал верх, а силы духа, побеждённые, теперь потеряли навык да и возможность управлять организмом как раньше. Ошарашены силы этим жаром, поглощённые столь сильной подоспевшей страстью, так что забывают себя и не ведают больше, чем были в прошлом, что и как делали. Но вот слыша звуки музыки, радуются, потому что любая вещь пылкая и стремительно-лёгкая самим ритмом их к себе зазывает, так пусть играет дальше! Получают удовольствие не все укушенные от одного и того звука, потому как тарантулов много разных, и различные страсти они вселяют, да и натура людей не одна и та же, страсти они притягивают к себе неодинаковые. А тешатся музыкой больные, то ли потому что самый яд – звуку собрат, так же стремительно-лёгок, то ли потому что резвая природа духа жадно ищет звук, с помощью которого от страсти пагубной унесётся к другой, более благостного и подходящего для духа свойства. Своими силами дух ведь не может справиться, тут на помощь идут манящие звуки музыки, и он проворно схватывает это спасительное средство.

А выздоравливают укушенные, потому как понемногу испаряется объятый вредной страстью дух. Ослабляется и уходит прочь рассеянный по организму жизненный сок, и тело и дух пагубой одинаково питающий. Он выдыхается или выходит с выпотом, и крепнувший организм очищается. Ну и к тому же принимаемая внутрь качественная пища, перевариваясь, даёт новый, лучшего качества

¹³⁷ О наследуемом Кампанеллой от натурфилософии Телезио сенсуалистическом представлении о важности в процессе познания не столько рассуждения, сколько «смекалки», приклички см. вводную статью.

жизненный сок, и под воздействием более раннего, [ядовитого] сока, не делается ему подобной. Последний же слабеет, благодаря выпоту его всё меньше, так что он не в силах пищу обратить в себя, раз испарилась уже и ушла прочь с потом львиная доля его жаркой силы. Так, пропотевая снова и снова, и освобождается [организм] понемногу от болезни и рождает силы духа и чище и мягче, менее причастные этой жуткой страсти, [растворённой в яде тарантула]. Вот такое же происходит и во время приступов лихорадки, то есть *жара* нашего духа, направленного против губительного влажного испарения, подобравшегося к «сосудам», [вместилищам дыхания], или уже проникнувшего в них. Дух наш изгоняет это испарение прочь через пот и выдыхаемый воздух, и тогда следующий приступ лихорадки уже слабее, либо же отступает она на время. А вот если во время первого «сражения» дух не «дожал», то влажное испарение набирается сил и вызывает дух на следующую битву попозже. Ещё более близкая аналогия есть между этим процессом и венерической болезнью, которая подобным же образом ослабляет силы организма. *Пропотевая*, надо её изгонять прочь *вовне*, способствуя *внутри* порождению здоровых жизненных соков, постоянно «умягчая» тело, кости и внутренние органы, и очищаясь, пока не испарится вся мерзость, с потом не выйдет и не будет выведена из организма, и обновится телесная организация. После этого мы видим человека – с виду он уже другой, сильно пополнил, потому что тело снова как у малыша стало. Можно обнаружить, что на этом самом принципе основано и искусство омоложения. А орлы и олени, наевшись ядовитых змей, ими поискусанные, набегавшись долгое время и сильно пропотев, с ходу окунаются в тёплую воду, и уходит в воду яд из испарений тела¹³⁸. «Умягчается», [избавляясь от резкости яда],

¹³⁸ Кампанелла опирается на поверье, восходящее к александрийскому «Физиологу» и позднее отражённое также в западноевропейских бестиариях: «Олень живёт пятьдесят лет. А затем уходит в долины и горные леса, и учует запах змеи, и где найдёт её, трижды сменившую кожу, обнюхивает её и отбрасывает её. И после этого идёт и пьёт воду. Если же не пьёт, то умирает. Если же выпьет,

плоть их и внутренние органы, и теперь они уже могут вернуться к пище, которую раньше принимали. Ядовитый жар ведь силу имеет всё, что *твёрдо*, крошить и измельчать. Магия такими же методами действует, изготавливая лекарства, особые очищающие организм слабительные для приёма внутрь и мази наружные.

Вернёмся к делу. Когда видят [выздоровевшие] спустя какое-то время, что кто-то из-за укуса охвачен [танцевальной] страстью, то просыпается в уснувших «ритмах» их души такая же страсть, и снова неистовствуют. Вот так же и мы, когда от морской болезни пострадали на водной глади, то как воду увидим и вспомним, так вот уже, кажется, сейчас вытошнит. Память – это ведь уснувший на время, но не ушедший навсегда ритм души, как бы заживший рубец, и душа его влияние испытывает всякий раз, когда предстаёт перед ней воочию этот ритм где-нибудь снова. Поэтому если видим, что кто-нибудь смеётся, то смеёмся, сами нередко не понимая отчего. Видим, что плачет – плачем, а погибшего друга вспоминаем сразу же, как видим чужую смерть. Всякая страсть оживляет память. Могут время и место оживить её, потому [перенёсшие укус тарантула], в одно и то же время года страдают¹³⁹. То же с нами – если что-то очень плохое или приятное случилось в какой-то день или время года, то повторное наступление этого дня или сезона оживляет страсть, приносящую удовольствие или же страдание. Один знакомый мой, умиляясь страстям христовым, привык хлестать себя по спине бечёвками и палкой с заострённым железным наконечником на Страстную седмицу¹⁴⁰, и вот уж сколько лет, каждый год не терпится снова, мало ему громких слов, так что если себя не отхлещет, то заболест. Природа тоже сохраняет эту память, потому как год от года в один и тот же сезон

то живёт другие другие пятьдесят лет» [Физиолог 1997: 405].

¹³⁹ Если зрелые тарантулы, по словам Кампанеллы, появляются в разгар лета, то приступы «танцевальной болезни», вероятно, также должны быть летом или осенью.

¹⁴⁰ Неделя перед Пасхой, основным содержанием которой являются воспоминания о страданиях и смерти Иисуса на кресте.

вновь дарует жизнь яблокам, вишне, винограду, дождям и ветрам. Природа нас и научила ежегодно повторять торжественные и траурные государственные мероприятия. Если обратил на такие явления внимание маг, то знает, когда его желание занимает (а значит, должнó занять *снова*) [чудо]действенную силу.

Может статься так, что пока жив тарантул, причина и источник пагубы, время от времени возвращается болезненная [танцевальная] страсть. Ведь раз в живых *причина*, даже если сейчас она далеко, то *следствие* – тем более! Такова уж природа, в воздухе это витает, благодаря согласию чувств в мироздании. Влияние, благоприятствующее причине, приносит пользу и последствию, а если погибнет причина, то и следствие летит в небытие или претерпевает большие беды. Если приводящее обстоятельство уничтожает причину, то и результату её оно враждебно – говорю о ситуации в общем. Знаю ведь, что в частных случаях это неверно. Когда умирает отец, не умирает же сын, потому что он здоровее отца – сил у него, [не отцовских], а своих собственных больше стало, возмужал. А я на опыте убедился, что всякий раз, когда один из друзей какое-то несчастье претерпел, то и другие друзья – тоже, даже если не рядом с ним. Я увидел, что общение между друзьями такое же и уже благодаря событиям хорошим. Дружба ведь возникает из близости [между людьми], а обстоятельства, имеющие касательство к какой-либо вещи, его имеют и к ей подобным.

Всякого убедит такой пример. Один полноправный гражданин Неаполя, у которого был ампутирован нос, отпустил на волю своего раба, даровав ему свободу в обмен на то, что он даст изготовить из своей руки нос для бывшего хозяина¹⁴¹. Магический способ изготовления его, согласно магическим приёмам, которые в ходу у тропейцев¹⁴², за сорок дней выполнил свою задачу. Новый нос

¹⁴¹ Изготовить «пластический» протез носа из отрезанных тканей руки.

¹⁴² Тропея – портовый город в Калабрии на побережье Тирренского моря.

был на месте, а раб отпущен на свободу, но три года спустя он умер от какой-то обыкновенной болезни, и протез носовой стал портиться. Сгнил он, и пришёл ему конец, тогда же и так же, как умер раб. Спросишь меня, а вот протез носа жил в чьей душе – раба или его хозяина? Если в душе хозяина, то почему не стало его, если умер *раб*? А если в душе *раба*, то как же протез продолжал жить отдельно от него, [своего хозяина]? Ведь когда любой член тела отрезают, то он погибает! Так чего же не гибнет черенок, когда погибло дерево, от которого он отломан, и не умирает сын, когда нет уже в живых его отца, семенем которого сын является? Отвечаю: протез был частью души хозяина, Богом в него вложенной, он продолжал жить в единстве [его тела], которым управляла душа. И протез этот, подобно паразитам в кишечнике, не существовал отдельно от остального тела, он был с ним нераздельно слит. Проблемы с протезом у других живых существ нет – одно животное выкармливает другое, одарённое чувством.

Итак, мы говорим, что в устройении *любой* вещи принимает участие согласованное целостное единство *всего* сущего. Всё и вся течёт своим чередом, уйти от которого нельзя. Жизнь всем вещам определена Богом¹⁴³, в согласии и слаженности со всеми частными началами и с теми предметами, которые более всего благородной силы имеют и наиболее влиятельны. Поэтому нужно утверждать, что жизнь протеза определялась его начальным устройением, когда он жил [в теле *раба*], в его целостном единстве как стяжённой части единого мироздания. Но так как от «первого единства» нос был отделён, то по «корневой среде» принадлежал жизни раба, но питался и продолжал жить у хозяина его. Вот так же фитилёк в лампе, материал «тела» имеет от хлопчатника, но питается маслом и живёт и жизнью хлопчатника и жизнью лампы. Черенок яблони, привитый груше, живёт жизнью «корневой» яблони и питающей груши. Так что, если не будет чем его питать, то погибнет, но ведь

¹⁴³ Во втором издании исправлена опечатка первого, *omne* вместо *omnes [vitas]*.

и если будет *нечего* питать, то тоже¹⁴⁴... Итак, когда небо и цельное единство всего сущего по божьему соизволению положили предел жизни раба, то также должна была погибнуть и частица, взятая от его тела, протез, потому как благоприятствующие или же враждебные судьбоносные обстоятельства были *общими* им обоим. Раз мёртв был «корневой» материал, то напрасно поступало питание [протезу от тела хозяина] – питать нечего уже было. В растениеводстве же дело происходит не сказать, чтобы очень похоже, потому что отломанный от дерева черенок может независимо от него жить и развиваться. Мы же видим, что веточки деревьев, помещённые в землю, прорастают и рожают новые деревья. Семя также становится животным, увеличиваясь в размерах благодаря тому, что получает дополнительное питание. Итак, семена не сохраняют своё «корневое» тело, но растут и, видоизменяясь во что-то иное, меняют среду вокруг. Носовой же протез не стал больше, чем был раньше, да и не предназначен был для этого от природы, мог он только получать откуда-либо питание, а значит, потеряв «корневое» тело из первого устройства, и сам должен был погибнуть. Не стал он чем-то иным, как семя или черенок, не обрёл он новую силу и новое бытие, не перешёл он в то, чего раньше не существовало и что могло продолжать жить само по себе. Носовой протез примыкал к тому, что не было им, сам он, в отличие от семени и растения, не был способен стать чем-то и во что-то развиваться. Он погиб с тем целым, которому принадлежал – сам целым [и независимым] быть не мог и не в силах был стать. Жил он вне своего целого, потому как получал пригодное питание. Ядро же [целого] всегда совершенно неизменно – так и живёт яд, пока жив сам тарантул.

Кого укусит бешеная собака или кошка, те до сорокового дня почти не чувствуют неприятных ощущений¹⁴⁵. По истечении

¹⁴⁴ То есть, по мысли Кампанеллы, погибнуть может не только от недостатка питания на новом месте, но из-за внутренних причин, пусть и не из-за ущерба «корневому» устройству (см. ниже).

¹⁴⁵ Инкубационный период для вируса бешенства (*rabies*) может

этого срока они изнемогают, а затем рычат как собаки или кошки и других людей кусают так, как и сами были укушены. Глядеться не могут в чистую воду¹⁴⁶, бегут прочь и изрыгают звуки почти собачьи или кошачьи. В бешеной ярости погибают они, а из их половых органов отделяется семя, как у молодых кобелей и котов. В конце концов, превращаются они в собак, пусть и не обликом своим, и жалкой смертью гибнут, видя себя собаками. На основании этого становится совершенно ясно, что дуновение влажного жара, которое оставляет в ране собака, неограниченно распространяясь, одерживает верх над личностью [человека], подобно умеренному количеству молочной сыворотки, обращающей в себя большой объём молока¹⁴⁷. Дух [больного] испытывает настолько сильное воздействие этого жара, что забывает о том, что человеческий он и видит себя собачьим. Берут верх в нём страсти и душевные движения собачьи, и они необратимо внушают ему мысль, что и сила его – собачья. Так вот и какой-нибудь помешанный верит, что он – Папа Римский. Подобно небольшому по размеру семени злака, обращающему в себя большое количество земли, так и дух этот собачий благодаря жару своему делает так, что *им* становится слаженная система организма и чувство [заражённого бешенством]. Больной думает, что он собака. Собака и есть внутри, а не в наружности! Подобно тому, как в теле собаки еда и кровь обращаются в сё дух, так и в теле нашем – до тех пор, пока это собачье «семя» сохраняет силу. Разум же, в нас вселённый Богом, изнывает от этой страстной непреклонной «веры». Сбился, запутался он, раз страдающий дух верит, что он и есть собака.

Если бы разум смог здесь сказать *своё* слово, то вернул бы дух на верную дорогу, и ты бы видел: не смог бы дух выдержать бессмертия разумного, не подчинившись, а эти страсти признали бы, что принадлежат лишь смертному духу. Избегает в воду боль-

составлять более одного месяца.

¹⁴⁶ Симптомом бешенства является водобоязнь (ранее – синоним для названия этого заболевания).

¹⁴⁷ В процессе изготовления кисломолочных продуктов.

ной смотреться, потому что видит там свой образ человеческий, а не собачий, как хотели бы. А может быть, и так дело обстоит: дух собачим ещё *не стал*, но думает, что видит в воде себя уже во *враждебном* обличье собаки, причине своего страдания, и бежит прочь¹⁴⁸. Определить, в какой стадии процесс, можно по тому, с любовной устремлённостью или с ненавистью [больные] преследуют собак. Если они уже собаки, то к ним влекутся, а если ещё нет – то к собакам питают отвращение. Как сказано во второй книге трактата, нужно всего лишь подобие истины, секундная неуловимая схожесть, и вот, перед взором тех, кто переживает патологические видения, предстаёт воочию то, видят они в душе. Многие, внутренне обезображенные тяжёлым расстройством, думают, что они петухи или вазы. Я видел одного юношу. Совершенно здоров, но так на него летний зной плохо подействовал, что обливаясь потом, почти в бреду произнёс: «*Вот как тыквы загнили...*». Так сильно было это видение, что одержимый страстью, был он совершенно уверен, что он сам и есть загнившая тыква, прямо так и говорил. Происходит такое потому, что ослаб очень сильно выбивающийся из сил дух. Не может он привычным путём уяснить, чего же сильно хочет, постоянно вертя в мозгу эту страсть, как вдруг приходит ему в голову нечто ей *подобное*. Он об этой вещи когда-то узнал, и видит себя ею¹⁴⁹. Чаще всего случается такое во сне, когда яички набухают и увеличиваются в размере и сообщают голове свой порыв. А дух думает – вот, на самом деле сношение. Он ведь лишён в это время чувств – зрения и слуха, чтобы видеть... И какой *женский* образ первым в духе объявится – пусть даже ответный порыв или просто проследовавшая мысль – *ту*, духу кажется, он и сношает. Нередко это мать, и дух говорит: это грех, потому в нём сразу же возникает

¹⁴⁸ Подобный же ход мысли, но касательно лечения яда тарантула музыкой, см. чуть выше в этой же главе.

¹⁴⁹ По мысли Кампанеллы, образ гниющей тыквы стал для юноши в полубреду зримой картиной того, как он страдал на жаре и обливался потом.

мысль о грешной связи с матерью. Кажется духу, что принуждён он совершить преступное деяние, потому что не в силах «выправить» жар половых органов, не понимает, как с телом сладить, как объездить, чтоб скакать [покойно]. Он же привык, что половой акт только зримо происходит, разные сходные образы в нём попеременно возникают – так ему привычно. Человек, плохо себя чувствующий, тоже видит много вещей призрачных, которые ему кажутся настоящими, потому как не может истомившийся дух, одержимый и побеждённый страстью, которая сейчас им овладела, разобраться и выяснить, правдивые ли они. Лишь только обозначился в его сознании контур – и вот, вследствие утомления ему привидится на стене дракон. А бывает и наоборот: человек, очень уверенный в своих силах, не верит тому, что по правде видит. Твёрдо настроился уже, и решимость, укоренившуюся в душе, не оставит, так что тем, что *вне его* находится, [действительным положением вещей], её не возьмёшь. Кто сильнее, тот не допускает мысли о слабости, а вот наоборот бывает, [кажется слабому, что он силён]. Такие люди меняют своё мнение, только если до них ясно доходит, что имеют дело с превосходящей силой, твёрдый настрой играет решающую роль в их восприятии реальности. Больные же бешенством, как уже сказано, одержимые неистовым душевным движеньем, отчёта себе в происходящем не дают. Иногда они порождают щенков, потому как уже стал собачим их дух, так что из семени своего он собак производит¹⁵⁰, подобно семени человеческому, в матке образующему человека, так как в духе сохраняется образ родителя. Как дух питал, оживлял, чувствовал и действовал в родителе, так же и в матке орудует он, созидавая того, кто подобен отцу. И дух собачий осуществляет именно *то и так же*, как в собаке, когда питал, порождал, лалял – всё согласно заложенному в него образу. Злак в земле, совершенно на него непохожей, её делает ему подобным злаком,

¹⁵⁰ Если приводимые выше в этой главе сведения о заболевании бешенством имели клиническую основу, то к этим утверждениям Кампанеллы всерьёз относиться сложнее.

так как, обретая энергию развития, делает то же, что и врождённая его сила, производя колос и семя. Вот так действует она в земле. Производящее начало, которое передаётся [по наследству], создаёт себе подобное. Куриное яйцо, если его поместить в навоз или под голубя, всё равно произведёт цыплёнка, чей образ там заложен. Так же и дух собачий то, что *вне его* делает собачим и порождает собак.

Женщина в положении горит желанием стать моложе и прикасается к своему лицу, и так на лице *зародыша* появляется подобие её молодости, потому как желание её обще им обоим¹⁵¹... Не отпечатывается на огрубевшей коже матери образ того, что желанно ей, но вот в нежненьком, не рождённом ещё малыше, жаждущий дух [её], пребывающий под воздействием этой страсти, так и делает. Дух воспроизводит этот образ на плоде [чрева её]!

Воспроизводить, ведь, значит распространять своё подобие. Нередко ослепительно красивые женщины рожают уродливых, жутких с виду невольников¹⁵². Здесь дело только в силе жаркого воображения. Тем паче бывает так, если в семени мужском есть изъян, или месячные идут слишком обильно, если кровь их заражена, или «строительный материал» [в её теле для будущего ребёнка] ущербный или медленно развивается. Зародыш получает вид отвратительного животного, особенно если звёзды благоприятствуют в нём вредному жару, как мы вскоре скажем¹⁵³.

Кошки и собаки, если бешенством не больны, то при укусе эти страсти не наводят, потому что равновесие человеческого [тела] сводит на нет влажную [слюну], которую они оставляют в ране.

¹⁵¹ *Recociti [nimio affectu]* – здесь, очевидно, генитив не от причастия *recoctus*, а от супина *recoctum*. Видимо, в смысле: ребёнок рождается с лицом, как у помолодевшей матери.

¹⁵² Во времена Кампанеллы в Европе ещё не изжиты «крепостные» (феодалные) средневековые стереотипы, полагавшие свободных людей и их рабов не только социально, но даже «антропологически» отличными (ср.: «со свиным рылом в калашный [калачный, где торговали пшеничными калачами] ряд», в «Вишнёвом саде» говорит о себе Лопухин, чьи предки были крепостными крестьянами).

¹⁵³ Смотрите главу девятнадцатую в этой же книге.

Влага эта не столь «горяча», чтобы победить влажность нашего тела и её обратить в себя. Семя мужское тоже ведь порождает похожих на отца мальчиков, когда оно сильнее женского начала, а вот когда сильнее женское, то дети у неё выходят на неё похожие, даже если это мальчики. Зёрнышко в земле, сила которого обращена вовнутрь, и легко её внешнему пространству победить, порождает из себя сорную траву, потому что оно, умеряясь землёй, в неё превращается. Алкоголь одерживает верх над нашим духом, опьяняет и согревает, а вот вода им побеждается и сама становится теплее. Все согласны с подобными соображениями. Готов поверить даже, что шкура больной бешенством собаки и оболочка мёртвого тарантула, если их положить на раны, [животными] причинённые, могут на себя яд «вытягивать» в силу близкой «дружбы», потому как они яду – сородичи, а вот нам яд – враг. На основании этих явлений [можно предположить, что] те, кто сумеют из золота извлечь силу его жаркого духа¹⁵⁴, которая заключена в бешеной собаке, а не ту обыкновенную, которая есть в здоровой, могли бы, примешивая её к остальным металлам, их превратить в золото¹⁵⁵. Сила такая в золоте может быть затаённой и застывшей (как это явственно зримо в магните или в кремне, где заключён огонь¹⁵⁶), а с помощью огня она активизируется, укрепляется и наделяется жаром. Ведь активизирует же солнечный жар её в летний зной в собаке, а тарантула наделяет ею от природы! Но не знаю, может ли подобное осуществлять золото, лишённое возвышенного дуновения¹⁵⁷, не испаряясь и не видоизменяясь.

¹⁵⁴ Жёлтое золото считалось солнечным, «жарким» металлом.

¹⁵⁵ Как бы поддав им «адского жара».

¹⁵⁶ По мысли Кампанеллы, просто проявляющийся вовне при его высекании.

¹⁵⁷ В обоих изданиях *spiritus nobilis* (sc. *mobilis* – легкого на подъём, подвижного [духа]?) *expers*.

Глава 15

*Из очей источается сила, которая
способна преобразжать
[существо, на которое они взирают],
и, если чувство обоюдно,
то и преобразжает*

Много волшебного являет око. Нередко, когда встречаются двое лицом к лицу, глядя пристально прямо в глаза друг другу, то свет глаз одного из них, более яркий и живой, подавляет и отводит свет очей другого, так что не может второй выдержать взгляд этот, на него направленный. Часто также страсть, которая в нём есть, передаёт один взор другому, как любовники – страсть, разгневанные люди – ярость, а взволнованные – озабоченный вид. Но длятся [такие взаимные эмоции] недолго, ведь взаимный взгляд скоро отводится и не продолжительно чувство, ничем иным не подогреваемое. Говорят, что пристальным взглядом убивает василиск, потому как вырываются из него дуновения жгучие и ядовитые, которые мы и глазами впитываем и вдыхаем. Считается, что силой взгляда высиживают яйца животные, например, черепаха, я же полагаю, что она это делает жаром своего дыхания. Те, кто очень пристально, будучи объятами сильнейшим чувством, смотрят на нежное деревце или ребёнка, их убивают. Кто взирает на какую-либо вещь, поднимая веки, чтобы [шире] открылись глаза, так чтобы вошла и сама эта вещь, может её познать и ею в угоду себе использовать. Раскрывая глаза, он отправляет вовне множество дуновений, ненасытно вожделяющих обладать этим предметом, на который он жадно глядит. Они немедленно передаются тончайшему [образу сей] вещи (*tenellulae rei*), окружающее

пространство преисполняется чувством (*affectus*), и начинают эти дуновения словно бы расти и распространяться далее, точно так же, как ядовитая слюна бешеной собаки соки нашего организма пытается обратить в свои, а дух наш – в свой. Потому побеждённый и подавленный дух деревца или ребёнка не может больше производить необходимую для его жизни работу – итак, он погибает. Обнаруживают сие особенно женщины пожилые, у которых уже нет месячных очищений, потому в устах и глазах их полным-полно грязных испарений, так что, глядя в зеркало, его затемняют и марают. Прохладное и прозрачное зеркало вбирает в себя их тяжёлый пар, его сгущая ему противящейся свежестью, как мрамор – южные ветра, либо же, будучи прозрачным, окропляется ими внутри. Нить для пряжи, на которую плюют старухи, гниёт. Спать в одном помещении с пожилыми женщинами для детей вредно, жизнь их оттого становится и короче и труднее, а вот для пожилых такое соседство, наоборот, очень полезно. Спать рядом с детьми и беседовать с ними – значит душевные силы свои увеличивать, оживлять и получать вторую молодость. Сухая земля твоя их нежной влагой питается, потому для мужчин сухощавых и поджарых крайне полезно совокупление с женщинами полными и дородными, а для мужчин в теле – с женщинами стройными и худощавыми. Так получается лучшее потомство. Видя волка, теряешь голос, потому как тяжёлые испарения его, к нам устремлённые, забивают глотку, а страх помогает её напряжению [и немоте], ведь вошло оно в нашу плоть и кровь. Мы уже говорили о страхе, который внушает петух льву, мышь и свинья – слону. Происходит это или потому что пронзает их пискливый голос этих животных (нам ужас внушает звук пробкового дерева, которое рубят), или в силу того, что остриё духа зверей *мелких* более пригодно к тому, чтобы зверей *крупных* пронзить, чем тех, кто с ними сравним размерами [и ненамного меньше их].

Глава 16

Дивные видения зримы, когда искусство
[магическое] природой пользуется

Многие пишут, что если зажечь масляную лампу с жиром угря или другой какой рыбы, а окна закрыть, так что другого света не будет, привидится, что жилище полно воды и рыб, так что легковверные женщины будут подбирать платья, [в страхе ища под ногами угрей]. Жир змеиный тоже заставит змей [доверчивым очам] показаться. А если положишь ты цветок виноградной лозы в ёмкость, наполненную маслом, и оставишь её зреть, то когда созреет масло такое, в светильнике [возжжённое], то сделает так, что привидится дом полным лоз и ветвей виноградных. Мне, правда, кто жизнь в вечных оковах ох, как тяжко провёл, не удалось проверить такие вещи, и не кажутся мне возможными. Получается, что и масло оливковое сделало бы так, что в доме оливковая роща представилась, а сало баранье или бычье – быков и баранов бы явило? Джамбаттиста делла Порта это подтверждает. Но он ведь в оливковом масле *готовит*, получая видения из итоговой субстанции – в оливковом масле готовит ослиную голову, а потом, когда таким маслом лампу зажжёт, то у всякого, кто ни предстанет в таком месте, покажется, что голова ослиная¹⁵⁸. Быть может, сильное ис-

¹⁵⁸ Колоритная инструкция даётся в 17-й главе II-й книги трактата Джамбаттисты Делла Порты «О натуральной магии или о чудесах в вещах природных» [Della Porta 1558: 78]: «Если хочешь, чтобы конскими или ослиными показались головы присутствующих, то к делу непростому приступаешь, но упорный труд одолеет препятствия. Отрежь голову у коня или осла, но не дохлого, и чтобы не хилый он

парение такого масла при слабом свете наполнит спёртый воздух и заставит вдыхать чувства и эмоции ослиного свойства, так что один человек другому и привидится ослом. Ведь кого какая вещь навязчиво преследует, в тусклом свете кажется ему, что её и видит. Не чувствуем в себе такой тяги – и на кой вдруг сдалась нам собака? Но вот если что-то нас побуждает к тому, чтобы найти именно *ту*, которая в мыслях наших, то едва ли не во всякой вещи есть с ней малейшее сходство. У больных [в бреде] такое ярко проявляется – шарахаются от маленькой ниточки, чудится им, что видят [чудище или] дракона. А если перед глазами поместить алое или зелёное стекольце, то все предметы покажутся такого же цвета. Ведь свет, когда проходит через цветное стёклышко, то «окрашивает» себя и видимые предметы, делая их цветными. Потому и может быть, что глаза затуманиваются густыми и насыщенными испарениями ослиного свойства, которые запах ослиный нам и во вдыхаемый воздух приносят, или же виноградный, или какой ещё к тому же. А душа, вдохнув такое, выведенная из равновесия, в парах туманных и лицезреет предмет этот, её смутивший или нечто, отдалённо на него похожее. В таком деле, ведь *что хочешь* видеть значит больше, чем то, каков предмет на самом деле – кто перед врагом трепещет, тому что перед глазами не поставь, врагом покажется, а пылкому влюблённому женщина, какая ни войдёт, представится

был. Подготовь чугунок, достаточно большой, чтобы поместилась голова, наполненный самым жирным маслом. Закрой его крышкой и замажь хорошенько отверстия глиной. Поставь на медленный огонь, чтобы масло три дня готовилось при слабом кипении. Мясо должно развариться и уйти в масло так, чтобы стали видны голые кости. Истолки их пестиком и смешай получившийся порошок с маслом. Смесью пусть хорошенько натрут присутствующие, и таким же образом [натёртые маслом] в лампы пусть помещены будут фитильки из пеньки, не близко и не далеко друг от друга, как будет уместно, и, [если зажечь их], покажется, что у тебя обличье животного. Много чего мог бы ты научиться изготовлять на этой основе. Мне кажется, достаточно я сказал, если чуток был слушатель. Масло из свежотрубленной человеческой головы, [наоборот, присутствующим] животным даёт обличье людское».

[вначале его] любимой. Школьные товарищи убедили кого-то, что нос у него вырос, он трогает его и нередко убеждается, и правда, вытянулся!

В этих явлениях неосознанная эмоция (*affectio ignota*) играет не меньше роли, чем осмысленная, что хорошо видно в людях огорчённых или взбешённых, сами не понимают, чем. Те, в ком избыток чёрной желчи¹⁵⁹, мрачно смотрят на вещи из-за обволакивающего их голову тёмного марева¹⁶⁰, вот точно также и эти люди, возбуждённые «ослиным» или иного свойства дымом, уверены, что видят подобное. А когда говорят, что люди таким путём невидимками становятся, так это невероятно, разве что, если себя «дымчатостью» так вооружили, что дым их всюду окружает или взор свидетелям сего затуманивает. И не думаю, что это проделки Дьявола, нет, причины тут не сверхъестественные (*naturali*)... Другие-де женщин в танце заставили раздеваться. Я в такое не верю. Ну, если только из светильника или огня источался бы зловредный дым, из-за которого женщины эти чувствовали, его вдыхая грудью, что едва не задыхаются, или румянцем нутряным покрываются (такое делает шафран), и оттого не в силах сдержаться себя, раздеваются. Тогда они даже обмочиться могут, если едкий пар из рассеянной пыли дойдёт до интимного органа и возбудит его, вот польнь и рута сразу месячные вызывают, если их поместить в ткань, обмотанную вокруг женских бёдер¹⁶¹.<...>

Не должно быть сомнений, что злые духи делают так, что вещи кажутся иными, чем они есть [на самом деле]. Святой Климент повествует, как Симон Волхв изменил наружность отца его¹⁶²,

¹⁵⁹ Меланхолики.

¹⁶⁰ Согласно идущим от Галена поверьям медицины того времени, от избытка «чёрной жёлчи».

¹⁶¹ *Tibiale* (от *tibia* – бедро) уже у Светония (I-II вв. н.э.) использовалось для обозначения грубых женских колгот из обмоток, которые могли спускаться до голеней или доходить до паха.

¹⁶² Кампанелла вспоминает сюжет знакомой ему латинской

да и о многих других случаях можно прочесть. Значит, в природе должны находиться такие тайны, и злые духи могут их использовать. Я лично не понимаю, каким же образом Дьявол, как учит богословская традиция, *бестелесный*, или же, как полагает Августин в книге о пророчествах злых духов¹⁶³ и многие отцы церкви (в таком ключе, кажется, когда-то и Эфесский собор высказывается¹⁶⁴), обладающий телом *тончайшим*, может стать зримым для глаз наших. Они ведь видят только предметы грубые и плотнее воздуха. Другие говорят, что к злым духам можно и прикоснуться, но они пластичны и мягки (*molles*), а кое-кто ещё, что с ними можно и вступать в интимные сношения, причём мы можем быть в таком случае как активной, так и пассивной стороной¹⁶⁵. В последнем ни для кого сомнений не может быть, чему порукой святой Бернард¹⁶⁶ и бесчисленные очевидцы. Нам же это непонятно, потому как не ведаем, как воздух, из которого, говорят, и черпают

версии раннехристианского апокрифа, известного под названием «[Псевдо-]Климентины (или Клементины)», который по традиции приписывали епископу Рима Клименту (Клементу) (I в. н.э.). Упомянутый в канонических Деяниях Апостолов Симон Маг или Симон Волхв, который «волхвовал и изумлял народ Самарийский, выдавая себя за кого-то великого» (Деян. 8:9), был одним из главных действующих лиц «Климентин». В десятой книге «Псевдо-Климентин» (X, 53-58) описывается, как Симон, чтобы скрыться от преследования, отдал своё обличье отцу Климента по имени Фаустиниан, к которому приехали старые друзья Аппий и Анубион, пришедшие в смятение от того, что перед ними был *Симон*, но говоривший голосом хорошо им знакомого *Фаустинина*. Колдовство Симона было раскрыто апостолом Петром, новозаветным разоблачителем Симона, желавшего за деньги приобрести силу совершать чудеса (Деян. 8: 18-24) и ставшего отцом «симонии» (покупки церковных должностей).

¹⁶³ *Augustinus. De divinatione daemonum*, 3. 7.

¹⁶⁴ Возможно, намёк на предвосхитившее монофизитство Евтихия постановление Эфесского собора 431 г. об отвержении несторианского учения о двух природах в Боге.

¹⁶⁵ Букв. «можно как быть сношаемыми, так и сношать». Злые духи, по тогдашним поверьям, могли быть как мужского, так и женского пола.

¹⁶⁶ См. прим. 74 к главе 32-й II-й книги, выше.

тело злые духи своё «плотное» тело, может так «уплотниться», чтобы не превратиться в воду! Кто знает, не заимствуют ли тело бесы у других людей, у бессловесных тварей или же у сатиров¹⁶⁷? Нам непонятно, как злые духи приводят в движение ветры, моря и дождь, если они не активной природы, вроде огня, и обладают способностью предметы изменять и делать другими. То ли руки у них есть или какие-то приспособления, чтобы предметы приводить в движение, то ли сотворённое существо им подчиняются, как Богу, что невозможно, так как злые духи исконно не присущи сотворённым вещам, которые к тому же *чувство, силу и любовь* получают только от Бога. Что хорошие духи по собственной воле тела свои приводят в движение, это определённ¹⁶⁸.

Итак, скажем, что малозначительно колдовство людское, какое в расчёт не берет бесовские искусства и узы (*vincula*), благодаря которым бесы вступают в связь с воздухом, обретают очертания, воплощаются и перемещаются. Сами злые духи, телесными заботами не обременённые, на высоком уровне постигают деятельные силы и пределы воздействия на природные вещи, их используя по своему усмотрению, насколько дозволил это Бог. Бессчётные опыты и авторитеты, облачённые непревзойдённой властью, подтверждают, что под силу бесам творить дела чудесные, да и мы, [люди], тоже чудеса совершаем в меру своих сил. Человек может вызывать дожди, если дым будет подниматься к крыше покрытой снегом залы, и гром, если к дыму примешать камфору и серу, пары которых, друг с другом приходя в тесное соприкосновение, будут вспыхивать и шумно взрываться. Радугу¹⁶⁹ тоже может, разбрызгивая воду в воздух, стоя лицом к Солнцу там, где оно появляется во тьме, и бушующие ветры, если откроет окна, дома предварительно плотно надымив¹⁷⁰, да и много чего ещё.

¹⁶⁷ В греческой мифологии лесные божества плодородия.

¹⁶⁸ Предложение добавлено в издании 1637 г.

¹⁶⁹ *Itidem* – sc. *iridem*, судя по итальянскому тексту.

¹⁷⁰ Во втором издании пропущено *fumo*.

Добавление

То, что бродят ламии¹⁷¹ в обществе бесов, будучи в обли-
че телесном, это очень сомнительно. Святой Августин
говорит, что они покрывают себя мазью, от испарений которой
впадают в ступор и заваливаются спать, а во сне грезят, будто бы
ходят, когда движет одержимость их воображением¹⁷². Может это
происходить и благодаря тому, что вдыхают ламии во сне течения
воздушные, что нередко случается. Но ведь множество опытов ясно
обнаруживает, что ламии и демоны в облике телесном передви-
гаются, не лишённые внешних органов чувств – много чего злые
духи видят! Каким же манером они в затворённые двери входят
и выходят, я не разумею – такие дела разве что по прихоти самого
Дьявола откроются. Злые духи могут ведь и правда во сне переме-
щаться; полно тех, кто во сне ходит – много чего наделает и обратно
в постель. Говорят ещё, что водимы они своим собственным духом,
который лицезрест внутренние образы (*imaginante spiritu*)¹⁷³, и к ме-

¹⁷¹ Ламия – персонаж древнегреческой мифологии, несчастная любовница Зевса, на которую его супруга Гера наслала безумие, заставив убить рождённых от Зевса детей. С раннего средневековья лат. *lamia* стала именем нарицательным для обозначения злого духа в женском облике, близкого украинской мавке (навке) и восточнославянской русалке, связь которой со стихией воды не была, видимо, исконной.

¹⁷² *De divinatione daemonum*, 5, 9.

¹⁷³ Латинский глагол *imaginare* происходит от существительного *imago* – «образ» и может быть переведён и как «видеть, представлять образы».

сту говорят. Но такое дело не может совершаться так, что не прищались бы бесы *общему* (*communis*) [природному] духу, которым они безошибочно направляются по чёткому пути. В силах ли бес вместо собственного тела [мавки] другое сделать, тут есть сомнения. Думаю, что только благодаря воображению человеку кажется, что он себя видит собакой, в её теле всецело пребывая. Если собака, предоставленная для такого дела бесом, которой себя видит во сне мавка, увечная, то бес и тело мавки калечит, чтобы правдоподобным представлялось ей в таком обличье передвигаться. В таком ключе мы объясняем свидетельства Грилландо и Спины в «Метафизике»¹⁷⁴. Много что на свете случается из-за коварного хитроумия, которым наделяются добрые и злые духи.

На форуме Цезаря брат Рокко¹⁷⁵, заметив, что один схимник иной раз ночью встаёт, чтобы помолиться высеченному из дерева образу святого Доминика¹⁷⁶, вынес скульптуру из алтаря, а сам облачился как святой Доминик и руку так же наставительно поставил. Монах пошёл на молитву. А Рокко рукой чуть шевельнул, будто б угрожая. Монахом овладел страх. Рокко двинулся те-

¹⁷⁴ Итальянский юрист Паоло Грилландо (родился ок. 1490 – умер после 1536) и доминиканский теолог Бартоломео Спино (ок. 1475-1546) были опытными обвинителями на процессах над «ведьмами» и авторами известных трудов по ведовству. Грилландо был написан «Трактат о еретиках и прорицателях» (1536), а Спиной – «Трактат о ведьмах и мавках» (1523). Грилландо имел репутацию более осторожного и сдержанного следователя, тогда как Спино, обличитель Пьетро Помпонацци, был известен инквизиторской непримиримостью к «еретикам». Он яростно напал на юриста Джанфранческо Понциниббо, который выступил против параноидального поиска колдовства [Duni 2020]. В «Метафизике» (XV, 8, 2) Кампанелла, вспоминая имена Грилландо и Спины, утверждает, что злые духи нуждаются в ритуальном поклонении и материальных подношениях со стороны людей [Campanella 1638: 184-185], выступая в данном случае настоящим «реакционером».

¹⁷⁵ Эта злоецающая история о шутнике монахе-доминиканце Рокко известна только из трактата.

¹⁷⁶ Канонизированный католической церковью основатель монашеского ордена доминиканцев Доминик де Гусман (1170-1221).

лом. Монах бросился бежать, а Рокко за ним, пока тот не рухнул оземь, потеряв сознание. Рокко, вернув статую на место, с другими монахами прибежал и поднял того схимника, который лишился речи, и все волосы у него стали седые¹⁷⁷. Бледный, обескровленный и слабый. Речь к монаху так и не вернулась, и он умер через несколько дней. Эту историю я слышал позднее от самого Рокко. То же самое в Плаканике¹⁷⁸ произошло, когда одного батрака, спозаранку на мельницу шедшего, другой, который впереди шёл, чудно одетый, напугал [до смерти]. Вот поэтому важно настоящее от поддельного отличать и понимать, сколь силы есть у *потрясения* (*affectus*), так что каждый *то* и осуществляет, что видит душевным взором, о чём и сказано уже и вскоре будет сказано снова.

¹⁷⁷ Судя по синтаксису латинского предложения, за монахом Рокко побежал, только когда вернул статую на место, вероятно, боясь, что больше накажут за то, что статуи нет, а не за то, что он сделал со своим бедным коллегой.

¹⁷⁸ Плаканика – городок на родине Кампанеллы в Калабрии.

Глава 17

Слова имеют силу, даже когда вещи находятся
вдалеке, но часто в дело вмешиваются
злые духи, чтобы ввести в заблуждение

Совсем непросто это ухватить – как же могут слова вызывать у тех, кого *нет рядом*, любовь, ненависть, болезнь или смерть, чем нахально хвастают заклинатели и колдуны. Да и не только такое, ещё и погоду и времена года изменять, звёзды и моря... Когда *рядом* находятся [живые объекты для воздействия], то как уже сказано, *воображение* не остаётся прежним¹⁷⁹, а далее по *его* указке действует видящий *образы* дух. Я в детстве излечился от болезни селезёнки с помощью молитвенных заклинаний одной женщины, которая их читала, глядя на убывающую Луну – с соизволения моего приора, учёнейшего богослова, Брата Андреа Заппавинья¹⁸⁰. Если правда то, что я сам наблюдал, когда другой человек вылечился благодаря тому, что бычью селезёнку подвесили над огнём¹⁸¹, то несомненно, нужно полагать, что молитвенные речи, за которыми следует сильное воодушевление и [магический] обряд, в большинстве случаев окажутся весьма действенны. Сами по себе обряды силы не имеют, если только в немалой степени не затронут извне дух наш, так что прежним уже не будет, так что

¹⁷⁹ Опечатка в первом издании: *minutari* вместо верного *immutari* во франкфуртском издании.

¹⁸⁰ Приор – настоятель католической монашеской обители. Этот эпизод из трактата упоминает в давнишней работе о Кампанелле известный в своё время журнальный беллетрист А. К. Шеллер-Михайлов (1838-1900) [Шеллер-Михайлов 1905: 91].

¹⁸¹ См. пассаж о лечении селезёнки в главе 10-й IV-й книги.

сразу же окажется обуюн жаркой страстью воздух, который передаст её тем лицам, на кого она обращена – в той мере, в какой расположены они к её восприятию. Смутно иногда мы сами такое ощущаем, подобно охотнику, который чувствует, поразит ли дротиком зверя – чувствует, что сейчас попадёт точным ударом, раз сложилась удачная обстановка (*ex consensu rerum*). Поэтому Авиценна удивляется, как душа в слова вкладывая сильные чувства, заставляет вещи себе подчиняться¹⁸².

Некие дамы договорились, что пойдут развлечься в парк, а одна из них не пошла. Так другие ради забавы подобрали апельсин и стали в него острыми палочками тыкать со словами: «Колем такую-то, которая с нами пойти отказалась», а потом бросили апельсин в фонтан. Позже, зайдя к этой женщине, застали её больной. Чувствовала, что её будто бы гвоздями протыкают как раз в то время, когда её подруги кололи апельсин. Мучилась до тех пор, пока подруги не извлекли палочки из апельсина, молясь о её здравии и желая ей всего хорошего. Признаюсь, что никак не возьму в толк, как же это *дьявол* причиняет страдания и посылает такие беды созданиям *божьим*. Но отрицать не буду, что *может он*, раз уж по его почину был так изведён Иов печалью и горем¹⁸³. Если не дьявол это, так и быть, в женщине орудовал, то правдоподобная причина нами высказана чуть выше, когда мы о селёзенке рассуждали.

Много подобных явлений люди наблюдали, да и повсюду их можно видеть. Из воска изготавливают изображение, похожее на того, кого хотят подвергнуть [колдовскому] воздействию, а потом к огню направляют образ со словами: «Жгу такого-то». А само это лицо сразу же поражается жгучей истомой, прямо как

¹⁸² [Avicenna Latinus 1968: 64-65].

¹⁸³ Главный герой ветхозаветной книги о Иове был подвергнут испытанию Дьяволом, решившим с согласия Бога проверить, отступится ли он от прежней благочестивой веры, если лишит его всего в жизни.

Мелеагр, угасший, когда догорела головня, у Овидия¹⁸⁴. Берут животное, на которое похож интересующий колдуна человек (кто-то на собаку смахивает, иные на обезьяну похожи, кто-то на льва, а другие на ворона, как прозорливо Порта замечает¹⁸⁵), и животное это, проводя определённые обряды, бьют или сжигают, а страдания насылают лицу, ради которого и производят эти действия, как Вергилий свидетельствует в «Эклоге»¹⁸⁶. Даже волосами [любowników] и тесёмочками пользуются, развязывают и завязывают их, любовным чувством [заклиная]. Произносят слова, заставляющие грезить страстью и даже семя испускать, что вполне вероятно. То же самое производят, пристально глядя друг другу в глаза – для людей, объятых похотью это несложно. Знал одного друга, у которого почти всегда при встрече с привлекательными женщинами капало [с конца] подобие семени. И всё же я считаю, что многие подобные вещи осуществляются стараниями Нечистого, и на более чем достойном основании они запрещаются повсюду [людскими] законами. Да и вообще, если бы были такие вещи правдой, то никто бы не был защищён он неприятеля, что [в книгах] у поэтов всякому ясно выражено, да и Бог бы не допустил так просто этот зловредный обычай. Так бы

¹⁸⁴ Герою Калидонской охоты Мелеагру в детстве было предсказано, что он умрёт, когда догорит полено в очаге. Его мать выхватила полено, а позднее, через много лет сама сожгла его до конца, убив сына (*Овидий*. Метаморфозы. VIII, 451-525).

¹⁸⁵ В «Физиогномике растений».

¹⁸⁶ Отсылка к восьмой «Эклоге» Вергилия, содержащей описание ворожбы (vv. 64-105): «Глина ссыхается, воск размягчается, тем же согреты / Жаром — от страсти моей да будет с Дафнисом то же. / Малость посыпав муки, затепли лавры сухие. / Дафнис сжигает меня, я Дафниса в лавре сжигаю. / Дафниса вы приведите домой, приведите, заклятья! / Дафнисом пусть любовная страсть овладеет, какая / Телку томит, — и она по лесам и чащобам дремучим / Ищет быка, у реки под зелёной ложится ольхою, / В муках своих позабыв от сгустившейся ночи укрыться. / Дафнис такой пусть любовью горит, — врачевать я не стану, / Дафниса вы приведите домой, приведите, заклятья!» (vv. 80-90) [*Овидий* 1971: 54].

мы турок и без оружия победили бы, [одним колдовством]¹⁸⁷.

Что касается передачи чувства в воздухе, я видел когда-то, как ребята, у которых пропал плащ, держа в руках подвешенное [за ниточки] решето, в которое были воткнуты [концами вниз] ножницы, произносили: «Именем святых [апостолов] Петра и Павла – это Флавио украл плащ?». Называли много имён, но решето не двигалось, но когда дошли до имени Флавио, то решето, которое [вес] ножниц, [воткнутых] обими концами держал в равновесии, само стало вращаться какой-то силой. Я остолбенел! Мы вместе попробовали [с молитвой] обратиться к Всевышнему, чтобы не позволил нам стать жертвами бесовской забавы. И всё равно решето двигалось только на имя Флавио! Раз за разом повторяя опыт, очищая совесть обращением к священным силам, я обнаружил, что ход дела неизменен. То же самое и Каэтан подтверждает¹⁸⁸. Благодаря этому опыту совершенно очевидно, что *сознающий* воздух, находясь под *воздействием* сильного чувства, *действует* и сам (*consciunt aerem ita affectum afficere*). Но есть здесь и великая опасность: как бы в дело не вмешался Нечистый, даром что ты святых Петра и Павла упоминаешь! Он же вводит в заблуждение подобным обманом, к вещам священным примешивая низменные! Эти дела, если в силу естественных причин происходят, надо по-

¹⁸⁷ Последние два предложения абзаца добавлены в издании 1637 г.

¹⁸⁸ Предложение добавлено во втором издании. Католический святой Каэтан (Гаэтан) Тиенский (1480-1547), один из основателей ордена театинцев, был беатифицирован через девять лет после выхода первого издания трактата, в 1629 г., однако Кампанелла здесь имеет в виду магистра доминиканского ордена Фому Каэтана (Томмазо де Вιο, 1468/1469-1534), много сделавшего для развития и пропаганды томизма (учения Фомы Аквинского). Опираясь на мнение Фомы (прим. 116 к главе 1-й IV-й книги), Каэтан замечает в своей «Краткой сумме», что само по себе гадание по жребию не является злом (*non est ex suo genere malo*), но должно быть проклято, когда основывается на общении с бесами (*daemonum societate innixa*). Судить о жребии, по мнению Каэтана, нужно в каждом конкретном случае отдельно исходя из того, есть ли в гадании примесь «благочестивости» (*religiositate*) или «неблагочестивости» (*irreligiositate*) [Caetan 1595: 530-532].

лагать, редкостны. Вещь, находясь вдали, не всегда расположена к восприятию страсти, как человек – к предчувствию дождя, а вот ворона это умест¹⁸⁹. Да и несчастье, с *одним* из друзей произошедшее, мысленно увидит только *другой*, о нём глубоко задумавшийся, как уже сказано. Потому маги время ловко «забирают» у звёзд, о чём мы скажем¹⁹⁰. А вот что говорят, может-де заклинатель звёзды и воздух изменить и урожай иссушить, я такого уразуметь не в силах.

Ведь нет в голосе и воображении столько силы, чтоб небо и землю переменить. Кое на что способны они, когда лицо *предрасположено* к их влиянию, потому что крепнет в нём сильное чувство – прямо как когда *наводят чары*. А в воздухе и в небесах сила эта понемногу стихнет, как шелест ветвей или глухое звучание воды в раковине. Так что то, о чём историки рассказывают, повествуя о магах африканских и в наше время азиатских, вполне вероятно. Происходит это благодаря искусству злых духов, на оконечностях Земли обитающих больше, чем где бы то ни было, что признаёт и Птолемей¹⁹¹. А вот как такие дела злой дух производит – то ему самому и ведомо [и никому больше]. Он, пожалуй, способен переменить и чувство, [растворённое] в воздухе, как и наше, человеческое, ведь это сфера приложения его сил, подобно тому, как тело – сфера приложения для нашей души. Так что злой дух над воздухом и стихией морской так же властен, как мы над телом. Но вот над звёздами – нет, может он только видимость явить, настав между [звёздами и нашим взором] тумана всевозможного, искусно подогнанного. *Воображение* человеческое властно над тем, кто *воображает*, но вне этих пределов – в очень малой мере, только если другой человек *завершит* его работу. Всё это понимает

¹⁸⁹ Ворона считалась предвестником дождя (Овидий. Любовные элегии. II, 6: 34-35).

¹⁹⁰ В последней, двадцатой главе той же книги.

¹⁹¹ Отсылка к «Географии» греческого астронома и географа Клавдия Птолемея (II в. н.э.).

тот, кто опытен в хитроумных каверзах дьявольских, и я весь мир могу заставить поверить в его злую силу, как писал в другом месте¹⁹². Ведь так же как люди бывают, одни вероломные, а другие святые, так и духи есть на свете нечестивые и благочестивые. Ищут они общества себе подобных и, к ним примыкая, делают их многочисленней! Но думать не стану, что Трисмегист был глуп настолько, что не понимал этого, сказав, что человек может изготавливать говорящих богов¹⁹³. Ведь Гермес видел, как духи добрые и злые входили в изваяния, поражённый тем, что так много может человек, потому и зовёт его вселенским чудом. Оттого Гермес признаёт, что человек входит в общество богов (*deorum societatem*) после смерти. И то правда, что Диоген¹⁹⁴ с Диагором¹⁹⁵, да и другие вместе с Аристофаном¹⁹⁶, осмеивают аполлоновы оракулы¹⁹⁷, по

¹⁹² Возможно, отсылка к сонету VIII.

¹⁹³ См. выше, прим. 108 к 1-й главе IV-й книги

¹⁹⁴ Основатель кинической философии Диоген Синопский (IV в. до н.э.), известный своим ироническим отношением к выпренному, по сообщению Диогена Лаэртского (VI, 21) воспринял буквально слова пифии о «переоценке ценностей» и начал заниматься фальшивомонетничеством. Упоминание Диогена Кампанеллой в соседстве с Диагором в рассуждении об оракуле Аполлона может быть обязано эпизоду из Диогена Лаэртского (VI, 59): когда Диогену сказали, что пророчества хорошая вещь, потому что много людей приносят жертвы в святилище, оракулы которого спасли их от кораблекрушения, он заметил, что людей было бы гораздо больше, если пришли и те, кто в кораблекрушении *погиб*, потому что оракулов послушались (Лаэртий добавляет, что эти слова приписывают также Диагору Мелосскому).

¹⁹⁵ Поэт Диагор Мелосский (V в. до н.э.) – наряду с Феодором Безбожником один из первых открытых «атеистов» в античной истории.

¹⁹⁶ Комедиограф-сатирик Аристофан (V-IV в. до н.э.) иронически переосмысливал дельфийский оракул в комедии «Птицы» [Боннар 1959: 247-251]: «Если коршуна видите, значит, весна наступила и время настало / Стричь овец густорунных. А ласточка вам сообщает о тёплой погоде, / Говорит, что овчину пора продавать, что пора одеваться полегче. / Чем же мы не Аммон, чем не Феб-Аполлон, чем не Дельфы и чем не Додона?» (Аристофан. Птицы, ст. 713-716, пер. С. К. Апта).

¹⁹⁷ При храме Аполлона в фокидском городе Дельфы находился знаменитый оракул. Прорицания, известные туманностью формулировок, оглашала находившаяся под воздействием дурмана жрица-пифия.

большей части ошибочные, и полагали, что рождаются они из страсти самой пифии. Но ошибались *острословы*, поскольку речи в пифии произносил злой дух. Ведь не способен человек обуздать природу, которая не захвачена в плен грубой телесностью (*corpore non irretitam crasso*) – такова есть природа дьявольская. Только если божьей силой или приманками¹⁹⁸ или же поклонением [силе дьявольской], которое является наибольшим преступлением против Бога! И всё же может злой дух преклонение [у Бога] похитить и единолично им править, как можем и мы Бога хулить. Да и людей немало хотят занять положение богов, притом, что сами нечестивцы. Но Бог, такие вещи дозволяя, их берёт в свой оборот для [раскрытия] дивных тайн, о которых уместно не здесь говорить. Чтобы дуновение пещеры колофонской из людей богов делало – *не получится* это без Бога!¹⁹⁹ Но вот какую-нибудь стяжать способность, пригодную, чтобы умерить дух и очистить его, сделал пригодным для естественного прорицания (*prophetiam naturalem*) – такое возможно, как уже сказано.

У некоторых получается [внушением] добиться, что мужчина не может совершить половой акт, потому что верит в это. Думает, что не может, вот и не может. Мысленный настрой побеждается, если обретёт мужчина веру в свои силы, которая берёт верх над внушённым чувством²⁰⁰. А вот женщине заклинаньем помешать не получится. Да просто страстной силы такой не сыщется, которая бы её матку заперла на засов так же, как половой член сделала бессильно висящим. Дух [мужчины, под воздействи-

¹⁹⁸ Об отношении Кампанеллы к учению Марсилио Фичино о «приманках» для «низведения» сил, принадлежащих астрологическим небесным образам, (см. вводную статью).

¹⁹⁹ В малоазийском городе Колофон, заброшенном около I в н.э., находился не менее знаменитый, чем дельфийский, оракул Аполлона (*Павсаний*. Описание Эллады. VII, 3; *Тацит*. *Анналы*. II, 54).

²⁰⁰ В издании 1637 г. добавление: «[Делла] Порта снимает [заклятие] с помощью половых органов собаки или волка, согласно магии <...> (*tiantem?*)».

ем заклинания] лишённый равновесия, в страхе отступает назад. С женщиной так не получится, всё равно останется щель, годная не для того, чтобы *действовать*, а чтобы претерпевать чужое воздействие. Наведением сильного чувства препятствуют *действиям*, а не *страстям*. Мне даже кажется, что виной тому, что некоторые мужчины, во время полового акта объятые исключительной страстью, теряют силы, и член у них становится вялым, неуклюже выскальзывая [из влагалища] – никакая не порча, загодя наведённая. Дело в том, что дух их чует – столь ненасытно вожделение, что он может улетучиться без остатка и погибнуть. Отступает назад, укрываясь в глубинах души, [чтобы себя сохранить и набраться сил]. Или задыхается, весь отдаваясь взаимному порыву, а бывает и так, что просто стесняется – партнёршу [во время акта] боится и перед ней благоговест. Ведь страх – естественное бегство от того, что причинят зло или тебе, или причинишь ты сам. О том, как порчу насылают, чтобы урожая не было, уже сказали мы выше²⁰¹. Добавим ещё, что считаем глупцами тех, кто думает – Орфей силой своей игры мог увлекать и сдвигать с места камни и растения²⁰². Умеренной силе звука со значительным весом камней и деревьев делать нечего. Да и чувства в них нету столько, чтобы мотив музыкальный подхватить они могли. Так что злые и добрые духи то, чем маги пользуются, ловко подделать горазды. О чём подробнее в «Метафизике».

²⁰¹ Кампанелла вспоминает о наведении порчи на урожай, которой коснулся в 3-й главе IV-й книги, в конце этой главы, так как она была посвящена силе заклинаний.

²⁰² Согласно античному мифу, певец и музыкант Орфей был способен силой своей музыки двигать камни и деревья (ср.: *Овидий*. *Метаморфозы*. XI, 45).

Глава 19
Магия для рождения
потомства²⁰³

Магии, чудеса совершающей, можно следовать для рождения благородного потомства, ведь уже замечено, столь много роли играет сильное чувство в родителях, что выражают они его в своём порождении. Таким ведовством воспользовался некогда патриарх Иаков. Когда хотел, чтобы овцы рожали белых ягнят, то клал им в корыта для водопоя белые прутья²⁰⁴. Овцы, как раз отдохнув от жары, обращались к делам любовным, а когда завершалось их совокупление, зачинали и рождали белых овец. Когда же нужно было ему, чтобы рождались чёрные, то и клал прутья чёрные – только диву даёшься мудрости этого мужа. Овцы ведь воду пили очень жадно – страшно жарко в Междуречье и Сирии, а воды немного, да и та колодезная.

²⁰³ Ряд пересечений с пассажами из «Города Солнца» не умаляют значения этой главы, важной для понимания взглядов Кампанеллы на продолжение рода и «улучшение» человеческой породы.

²⁰⁴ В книге Бытия описываются манёвры Иакова для того, чтобы его скот рождался более здоровым, чем у Лавана, отца двух его жён: «И взял Иаков свежих прутьев тополевых, миндальных и яворовых, и вырезал на них белые полосы, сняв кору до белизны, которая на прутьях, и положил прутья с нарезкою перед скотом в водопойных корытах, куда скот приходил пить, и где, приходя пить, зачинал пред прутьями. И зачинал скот пред прутьями, и рождался скот пёстрый, и с крапинами, и с пятнами. И отделял Иаков ягнят и ставил скот лицом к пёstromу и всему чёрному скоту Лаванову; и держал свои стада особо и не ставил их вместе со скотом Лавана» (Бытие 30: 37-40).

Преисполненные любви к водам, которые они поглощали и которые текли рядом с прутиками, овцы жадно глядели на прутики и глазами поглощали, прямо впитывали в себя образы их. Мы вот тоже, когда от человека какого-нибудь чего-то очень хотим, образ его в душе сильнее храним, чем когда его видим в другой раз. Вот так вот овцы, оба родителя, и мужского и женского пола, образовавшись и удовлетворившись водой, и зачинали зародыша, находящегося под воздействием этого образа. Женский дух, также пребывающий под влиянием этого чувства, телесно действовал также, выражая его. Всякое бытие действует в полноте собственной природы²⁰⁵ – горячее обжигает, холодное леденит, тот, кто охвачен гневом, гневится, а боязливый испытывает страх. Каждый объят любовью своей и в ней себя изливает таким, какой есть, ведь делать – значит изливать собственную природу и подобие. Обжигать – значит делать другое горячим, горячее и есть обжигающее. Писать – значит означивать в реальности то, что содержится в разуме пишущего, а изготавливать скамью – это в дереве воплощать отсылающую к скамье мысль, которая есть в уме её мастеращего. Тут и не надивисься на несуразности аристотелевы, который создание зародыша и одушевление его отдаёт на откуп движению, лишённому чувства, едва живому²⁰⁶, тогда как требуется здесь сила деятельная и отменно мыслящая *образами*, способная в зародыше их, отцу и матери вожделяющим *принадлежащие*, воплотить.

По словам Авиценны, одна царица, занимаясь любовью, глядела на изображение эфиопа и родила темнокожего, как эфиоп, ребёнка²⁰⁷. Парацельс полагает, что столь велика сила материнского воображения, что может порождать и неразумных тварей,

²⁰⁵ Во втором издании *affectum*, «отягощённое своим чувством».

²⁰⁶ Аристотель сравнивает фрикции мужчины при зачатии им ребёнка с движениями ремесленника при производстве искусственных предметов, вроде работы плотника по дереву (*De generatione animalium*. 22-23, 730b-731a).

²⁰⁷ Вероятно, Кампанелла случайно смешивает два эпизода, один из трактата «О териак к Пизону» приписываемого Галену, и второй

собак и уродов, потому что формирование потомства зависит от помыслов матери, вот почему многие женщины рождали чудовищ²⁰⁸. Но мало этого, если нет ещё поддержанной такими помыслами предрасположенности [к уродствам] в семени, в процессе оплодотворения и питания зародыша, пока он в материнском чреве. Альберт добавляет положение небесных светил [в предсказания о потомстве], указывая, что помыслы [матери] образуют и формируют то, что им подвластно, действуя на основе устойчивой разумной сущности, [звёздной]²⁰⁹. Вот почему на [развалинах] картезианской церкви в Риме, где были термы, заводятся всевозможные растения, змеи и ежи, сами по себе, никто их не рождает²¹⁰.

У владетельных господ есть такой обычай, перед зани-

из «Естественной истории» Плиния (VII, 12), которые излагаются рядом в переводе Авиценны, выполненном Андреа Грациоли (1540?-1580) и дополненном им ссылками на Плиния и Галена: «Историю, о которой Гален там пишет, перескажу. “Старая легенда утверждает, что один мужчина, некрасивый, но состоятельный, желая породить красивого сына, изобразил на широком деревянном полотне мальчика изящной наружности и наказал партнёрше во время сношения смотреть на этот образ на полотне. Она, неотрывно на него глядя, и так скажу, душу всю в него вкладывая, ребёнка родила внешне похожего не на отца, а на того, кто был нарисован. Мне кажется, природа нематериальным путём передала этот образ”. Плиний в двенадцатой главе седьмой книги “Естественной истории”, [рассуждающей] о примерах внешнего сходства [родственников] говорит: “Беспорен пример появления на свет знаменитого мастера [кулачного боя] из Византия, Никея, мать которого, родившись от внебрачной связи с эфиопом, цвет кожи имела самый обыкновенный, тогда как сам он выродился в дедушку эфиопа”» [Avicenna 1580: 173].

²⁰⁸ Кампанелла вспоминает главу латинского «Парамирума» Парацельса [Paracelsus 1658: 122-125].

²⁰⁹ В трактате Альберта Великого «О женских тайнах, а также свойствах трав, камней и животных», рассматривающем в том числе вопросы правильного зачатия [Albertus 1643: 13].

²¹⁰ В XVII в. в Риме ещё можно было видеть остатки Церкви святого Кириака на диоклетиановых термах (*Chiesa di San Ciriaco alle Terme di Diocleziano*), пришедшей в упадок во второй половине XV в. и в следующем столетии окончательно заброшенной [Pautrier 2013: 86]. Церковь носила имя святого Кириака, богатого римского гражданина,

мающимися любовью конями и псами ставить картины их со-родичей благородных кровей, чтобы породили они таких же. А я изумляюсь – как же мало от зверей отличаются сами те, кто так о воспроизводстве потомства у скота печётся, а человеческим пренебрегает!²¹¹ Ведь в государстве заботиться нужно, чтобы свадьбы устраивались не на то смотря, что за душой, а на то, что в душе, на что пифагореец Окелл указывает²¹². Нужно мужчинам

который принял христианство и стал помогать рабам и своим единоверцам, приговорённым во время гонений на христианство императора Диоклетиана к возведению бань с богатым убранством (терм Диоклетиана). По легенде, заключённый под стражу Кириак излечил от одержимости дочь Диоклетиана Артемию, за что был помилован и обласкан императором, а позднее, во время путешествия на Восток якобы излечил также дочь персидского царя. Вернувшись в Рим, Кириак продолжал проповедовать христианство, регулярно проводя крещения прямо в особняке, подаренном ему за исцеление, но во время новых гонений при бывшем соправителе Диоклетиана, императоре Максимиане, узурпировавшем власть в империи после отречения Диоклетиана в 305 г., был схвачен и 16 марта 306 г. казнён с пятью единоверцами. Возведённая на руинах терм Диоклетиана церковь, названная в честь святого Кириака, упомянутая ещё в христианских источниках VI в., была подарена папой Урбаном II (ок. 1042-1099) основателю монашеского ордена картезианцев (картузианцев, чертозианцев) Бруно Кельнскому (ок. 1030-1101). Орден получил имя в честь их главной монастырской обители в Шартрёзских горах. В 1569-1679 гг. на месте терм Диоклетиана, первоначально в качестве картезианской монашеской обители («чертозы»), была возведена существующая и поныне церковь Санта-Мария-дельи-Анджели. Ныне на месте, где когда-то была Церковь святого Кириака, находится итальянское министерство экономики и финансов. Видимо, по мысли Кампанеллы, появление на развалинах церкви святого Кириака разнообразной живности – плод ментального «жара» терм Диоклетиана, сохранившегося незримо в этом месте, как и плод женской утробы – результат материнского воображения. Последние четыре предложения абзаца, идущие в оригинальном тексте за пассажем об Авиценне, появились только в парижском издании трактата 1637 г.

²¹¹ Ср. в «Городе Солнца»: «Ведению Любви подлежит, в-первых, деторождение и наблюдение за тем, чтобы сочетание мужчин и женщин давало наилучшее потомство. И они издеваются над тем, что мы, забывая усердно об улучшении пород собак и лошадей, пренебрегаем в то же время породой человеческой» [Кампанелла 1954: 44].

²¹² *Ocellus Lucanus. De natura universi.* 135, 9-19. Окелл (Псевдо-

здоровым с женщинами здоровыми сходиться, смотря на изваяния и картины, изображающие мужей самых прославленных в литературе и ратных делах, безупречной нравственности, загораясь желанием быть на них похожими. И подмечать то время, когда в гороскопе благие звёзды на самом пике, а планеты, счастливо расположенные друг к другу и к важнейшим неподвижным звёздам, пользуются благоприятным положением. Много ведь благородства небесные тела могут передать в целости потомству. Кроме того, пусть все половым сношением наслаждаются, только когда месячные прошли, и матка очистившись, семя не заразила бы порочными отходами, и после полуночи, по окончании пищеварительных процессов. В это время семя становится больше, оно полно соков, и его излитие у родителя не отвлечёт силы от пищеварения, так что сил в организме станет меньше, и они будут оторваны от самого процесса. Правильно говорят в пользу того, чтоб священники не рождали потомства. Те, кто ревностно служат такому делу как созерцание предметов божественных и учёных материй, физических сил у них становится меньше, да и душевных маловато, ослабленных, так что во время совокупления они изливают сперму в матку не из головы, а из яичек. Ведь все силы, которых и так немного, голова забирает, раз думают такие люди постоянно. Рождают они людей и ума и телосложения неловкого, каких, например, Сократ породил, Цицерон, Самуил, Илия, Давид и Телезио²¹³. Мужики же, не настолько Афиной истощённые²¹⁴, лишнее в мыслях не держат, всю душевную силу в лоно изливают со спермой, которая, потому

Окелл) Луканский – легендарный неопифагорейский философ, под чьим именем дошёл трактат «О природе вселенной». Трактат посвящён защите натурфилософской идеи вечной самодостаточности мироздания, но уделяет место и рекомендациям по правильной семейной жизни и порождению потомства.

²¹³ У всех этих философов и библейских персонажей были дети, на которых природа «отдохнула».

²¹⁴ Афина Паллада (латинская Минерва) считалась покровителем искусств и наук.

как течёт из головы, и мощнее и мудрее той, что у мудрецов исходит из яичек²¹⁵. Таким мужчинам нужно себя беречь для нечастых сношений с женщинами бодрыми и жизнелюбивыми, дородными – кровь с молоком. Они и сперму и силу мужскую высочайшего качества, даже если её немного, в себя принимают, оживляя и заставляя расти. Мужчины легкомысленные имеют сыновей ветреных, резких и возбудимых. Серьёзные же мужи-мудрецы порождают людей тяжеловесных и глупых, как уже сказано. Потому мужчинам поджарым полагается соединяться с женщинами в теле, томно-расслабленными (*frigiussulas*), ласковыми и наружно и в душе, спокойными. Дивно отцовское семя укореняется в обильно питающей завязи материнской²¹⁶, умеряющей его пыл и его воссоздающей [в ребёнке]. Вот одна из причин, почему Бог снова и снова южан на север гонит воевать, а северян на юг – чтобы [в других народах их] семена посеялись! Полнотелость и дородность, преисполненные жизни, и светло-нежный цвет кожи готов, лангобардов и гуннов²¹⁷ смягчили резковатую худощавость и сухопарую поджарость итальянцев, испанцев, венгров и хорватов²¹⁸ и уроженцев Азии, как и кровь итальянская облагородила

²¹⁵ Сперма у мужчин, занимающихся больше трудом физическим, чем интеллектуальным, согласно Кампанелле, как ни курьёзно это звучит, именно мудрее (*sapientior*) слабого семени «мудрецов».

²¹⁶ Слово «завязь» предпочтительнее для перевода по смыслу, чем стоящее в оригинале «семя». Согласно Аристотелю, хотя «семенем» могут обладать и женщины, так как оргазм, доступный не только мужчинам, возможен только при семяизвержении, женщина фактически не участвует в формировании зародыша, ткани которого создаются мужским семенем из её менструальной крови (О происхождении животных. I, 19-20, 727b-728). Кампанелле ближе другой, чуть более «прогрессивный» взгляд, связанный с именем Галена, который считал, что оба «семени», мужское ведущее, и женское ведомое, смешиваются в матке. Однако мужское начало для Кампанеллы, как и Галена, выше «порочного» женского, и не только в процессе деторождения [Bolzoni 1989: 202-208].

²¹⁷ Для Кампанеллы это «светлые» народы, пришельцы с севера, в противоположность «тёмным» и смуглым южанам.

²¹⁸ То есть уроженцев Паннонии и Далматии (*Pannoniorum*

галлов, германцев, англов²¹⁹. С помощью этого смешения она подарила этим варварским народам гражданскую государственную жизнь²²⁰, а сама получила богатое продолжение. Так потомство рождается и более красивое и лучшего качества, как при пересаживании каштанов²²¹, более благородное, чем обычное, «не пересаженное», и мощнее и сильнее и внешне привлекательнее.

Во всех людях есть вложенная в их Богом душа, но одни грубы, как звери, а другие, как Бог, мудры. Значит, зависит это от соразмерного сочетания различных компонентов их духа (*temperamentum spiritus*)²²², как сказано во второй книге. Уже доказано, что разум действует не в одиночку, взаимодействуя с темпераментом, на него оказывающим воздействие. Разум не существует отдельно от темперамента, будучи формой его и всего организма. Именно поэтому у людей буйных и гневливых разум не может указать духу, как всё на самом деле, тогда как *тот* заблуждается – в плен разум взят воображением, от одного перекидывающимся на другое. Умеренное (*temperies*) же духа рождается благодаря слиянию мужской и женской завязей – оно ослабляет те страсти, которые несёт с собою [отцовский] дух, разлитый в семени. Вот почему внебрачные дети, зачинаемые в горячке любовной торопливо и опасливо, большей частью похотливы, подозрительны, резки и всё время начеку. Дети, зачатые в нежной расслабленности – мягкотелы, в гневе – гневливы, а в час недуга – болезненные. Но может начало одного родителя, охваченное более высоким чувством, превозмочь другое, ему придав отменных качеств (*pro-*

et Dalmatarum), земель, примерно соответствующим территориям современной Венгрии и Хорватии. Для Кампанеллы важна в данном случае не этническая, расовая составляющая, а географическая («уроженцы юга»).

²¹⁹ «Северные» народы.

²²⁰ После падения западной Римской империи в результате Великого переселения народов.

²²¹ По аналогии с кустарниками, которые полезно пересаживать на новое место весной и осенью.

²²² Их «темперамента» (таково значение латинского слова, близкого русскому «соразмерность»).

bitate afficere). Если же они друг друга отталкивают, то рождаются близнецы или люди двоедушные. Звёзды здесь тоже немало значения имеют, их жар оказывает воздействие, собственную силу соединяя с силой того лица, которое её воспринимает. Вот так и рождаются с виду уроды, люди с чертами зверей или непропорциональными, когда отцовское и материнское начало друг друга отталкивают, или когда слишком много одного, или когда слишком мало, а звёзды жара этому зверю, прообраз которого в себе несут, поддали. Мальчик, даже если на маму похож, рождается от избыточного жара, а девочка – из умеренного, половые органы не разгоняющего в полную силу. Так и написали мы в «Природной философии»²²³. Видели мы также, как девочки становились мальчиками, сладострастно прикасаясь к себе, о чём в другом месте²²⁴. Новорождённый ребёнок похож на мать, если одерживают верх дух и чувство её, на отца же, если берёт верх его физическая развитость и воображение. На родственников ребёнок походит, если родители думали о них во время зачатия, или же ни одно из [двух родительских] начал не одолевает другое. Дитя похоже на чужих людей из отдалённых народов, если взаимно уравновесились [родительские начала] благодаря *третьему* народу. Случается такое, если отец и мать очень разные, и привычки в пище разные и душевные страсти, они из разных мест, родились в разное время и под разными звёздами. Кто умет разумно мыслить, тот сделает так, чтобы у растений и животных потомство рождалось,

²²³ Кампанелла ссылается на 18-ю главу трактата «О действительной итоговой философии, то есть о природных вещах», опубликованного вместе с «Городом Солнца» в 1623 г. Тобиасом Адами, где автор даёт женщине обидное определение: «ущербный вид мужчины» (*masculi defectus*) [Campanella 1623: 205].

²²⁴ В той же главе трактата Кампанелла замечает, что, девочки, рождающиеся из умеренного жара половых органов, упорно «разогревая» сами себя уже после рождения мастурбацией и возмещаая недостаток тепла, могут превратиться в мальчиков, которые появились на свет благодаря самому «жаркому» зачатию (*masculi deinde factae sunt aucto calore praesertim confricatione multa in pudendis*) [Campanella 1623: 205].

какое ему угодно, и этим искусством род людской возвеличит или унизит²²⁵. Если же изнывает от небывалой похоти какая-то сладострастная женщина, то раз плод в ней – одно целое с ней, и на нём это самое вожделение след оставляет. Пока малыш совсем маленький, он сам «упражняет» руки – говорят, на той самой части тела, которую у себя мать жадно трогала. Я полагаю, что это возможно. Дух разных частей [организма] переносит воздействие духа всего целого, и когда касаются одной части тела, думает он, что прикоснулась к нему та вещь, к которой мать стремится. Это явно заметно в повадках полового члена. Встаёт он сам по себе, будто бы обладает собственным чувством и является отличным от нас живым существом. Всё тело подчиняется, а он – нет, и когда трогаешь его, ему кажется, что это прикосновение вещи желанной, о которой грезит, и теперь он уже не в своей, а в её власти. Так вот и часть тела ещё не рождённого младенца, в силу подобия «откликаясь» части тела материнской, которую трогают, получает печать такого прикосновения и грезит, что желанная вещь близко, обнаруживая это. Явно видим это мы в страхах, вызываемых печенью и селезёнкой, и в щекотке, связанной с селезёнкой, отворяющей и «приоткрывающей» душу и вызывающей смех даже у тех, кто противится этому, о чём мы в труде по натурфилософии дали пояснения. Душа же плода в утробе пока не научилась с помощью зрения и слуха распознавать обман, и всякий [доходящий до неё] образ сразу принимает как правду. Такое и с нами происходит во сне – кажется, что мы домогаемся женщины реальной, не веря, что это не так, ведь в глазах [прикрытых] у нас нету души, которая могла бы себя исправить²²⁶. В силу этих причин тот, кто знает, как в душе беременной женщины зародить великое ненасытное желание какой-то вещи, малой или большой, тот может сделать так,

²²⁵ Фраза, которая при желании может считаться предвосхищением генной инженерии.

²²⁶ Таким образом, по мнению Кампанеллы, плод в утробе матери может, как и взрослый человек, видеть подобие эротических сновидений.

чтобы под определяющим влиянием *той* вещи, *той* формы и цвета родился её младенец. А значит, если желает женщина добродетели, благородства и мудрости, то их и передаст плоду в своём чреве. Дух же зародыша, следуя этому сильному чувству функционирует, формирует себя, растёт и крупнеет. Здесь то же происходит, что и с людьми, заражёнными бешенством, превращающимися в собак, о чём мы выше говорили – пусть разум и облик людской сохраняется, хотя и с трудом узнаётся, но действия их уже суть одно с духом, необратимо превращающимся в собачий. К тому же чувству и будет страстно стремиться, того же и будет избегать новорождённый ребёнок, какое для него добыл маг. Так что зачатие и в немалой степени рождение²²⁷ имеет для плода в утробе определяющее значение, хотя благодаря питанию или тому, что случится в его жизни, он и может измениться – маг должен с самого появления ребёнка на свет на такие события обращать внимание. С рождением ребёнка, ведь отсюда, можно сказать, и берёт жизнь начало, вещь определённой – сформирован человек! – должен разобраться астролог, но ведь *большого* всё-таки добился бы, если бы смог познать сполна его *зачатие*.

И характер и нравы малютки могут измениться благодаря грудному молоку – кормилица благородного происхождения дарит детям породу, малодушная сделает их ничтожествами, как утверждал Хрисипп, а в силу чего это так, мы сказали²²⁸. Теми же самыми принципами может руководствоваться маг, пестуя своего ученика и зарождая в нём верное видение предмета, действуя также целенаправленно и оперативно²²⁹. Нрав ученика он может сделать иным с помощью чистой воды, постов, [употребления] раститель-

²²⁷ И в первом (*plusque*) и во втором (*plusquam*) издании следующее слово *nativitas* в номинативе.

²²⁸ По свидетельству Квинтиллиана из «Наставлений оратору» (I, 1,4) греческий философ-стоик Хрисипп советовал уделять внимание нравам кормилиц, занимавшимся для кормления детей грудью и ухода за ними.

²²⁹ В первом издании вместо верного *desiderii* [*vehementia*]

ных масел, свежего воздуха, а также пищи и питья, подходящих для духа чистого, светлого и благородного. При всём том религия нравы переменяет гораздо больше, гоня прочь грязные, низкие и ничтожные страсти, в душу впечатывая страстное стремление к материям божественным, небесным и самым возвышенным, что и происходит, когда природа человека к тому располагает, а божья благодать доводит эту работу до конца. Вера неспорочная, живая, и, как здоровой и положено, непоколебимая – основание беспредельно возвышающегося здания, которое создается всё выше и выше, прямо к Богу. Да наделит нас ею Он сам! Горе нам, несчастным, неизменно веру полагающим в вещи презренные, потому сами себя унижаем ежечасно. Вот как может даже природная магия глупость нашу изобличить!²³⁰

Маг может сделать так, чтобы по его прихоти как растения, так и животные появлялись на свет, но только такие, что возникают благодаря гниению, как то: мыши, вши, мухи, змеи и черви, но слоны, кони или люди – нет. Говорят, что Архит изготовил голубя, летавшего с другими птицами, а в Германии при дворе императора Фердинанда видели рукотворного орла²³¹. Но ведь такое искусное творение основано на сжатии воздуха, как и часы в наше время²³² – вращаются [птички], поднимают и опускают крылья, пока крутятся колёсики, к которым привязаны нити. Ну не верю я, что в этих [модельках] есть плоть и дух! У Дедала фигурки тоже двигались при помощи грузиков, колёсиков и ртути. Говорят даже, что Альберт изготовил человеческую голову, которая разговаривала²³³, но рассказы это, ведь такое совершенное живое существо только в матке может образоваться, и девять месяцев требуется,

невразумительное *difidii*.

²³⁰ В первом издании *quando* («Вот когда может природная магия глупость нашу изобличить!»).

²³¹ См. выше, главу 6-ю IV-й книги.

²³² См. выше, прим. 209.

²³³ Легенда о том, что Альберт Великий изготовил говорящую голову, возникла много после его смерти, о ней упоминает аббат Мерсенн

чтобы довести дело до конца. Не может же Солнце задержать свои силы где-то на время. Тогда бы одержала над ним верх земля, и нельзя бы было там, как в матке, скапливать жар – мы же не можем резать пеньку и воду, а только металл²³⁴. Не получится искусством жар этот [земной] или семя, в котором необратимо отпечатан прообраз коня или человека, куда-нибудь заключить. Существом совершенным Бог дарует размножение половое, а несовершенным обоесполое, потому что мало времени нужно, что бы развились они. Авиценна стремится доказать, что все живые существа могут возникать без помощи семени, но таких опытов не делал ни он сам²³⁵, ни Эпикур, ни Диодор Сицилийский²³⁶ и иные, в доказательство ссылающиеся на то, что рождаются огромные животные из влажной египетской земли благодаря разливу Нила. Утверждают также, что лесные люди ниоткуда появляются на свет, а также и уроженцы Нового Света, потому что непонятно, как они туда пробрались. Мне выяснять, как тут дело на самом деле обстоит, неинтересно.

Может природа невзначай сжато сконцентрировать где-то силы, требуемые для того, чтобы образовалось живое существо, может и Бог ловко и скоро влить разум, вот как [когда плод] в матке, [только быстрее]. Правда, определённых сведений на этот счёт у нас нет, только об Адаме²³⁷. Я вообще считаю невероятным утверждение Авиценны, что аборигены Нового Света проникли туда из нашего полушария, да и Платон пишет в повествовании об

(1588-1648) во «Всеобщей гармонии» (XLVIII, 59).

²³⁴ Твёрдый, поскольку созревает в недрах земли, и не девять месяцев, а тысячелетия.

²³⁵ Единственное приемлемое, на наш взгляд, понимание оригинального *ipse non fecit*.

²³⁶ О египетской идее самозарождения жизни благодаря плодородию Нила повествует в десятой главе первой книги «Исторической библиотеки» Диодор Сицилийский (I в. н.э.).

²³⁷ Разум которого был, согласно библейскому повествованию, прямо создан Богом, как и тело.

Атлантиде²³⁸ что давным-давно был в океан остров Атлантида, оба полушария объединявший, который погрузился под воду. Значит, переплыли они в Новый Свет ещё во времена Ноя²³⁹, а память об этом исчезла. Также и среди нас – кто откуда некогда про-изошёл, нередко неизвестно. Ведь из Исландии, которая, быть может, и есть оконечная Туле²⁴⁰, скор путь по морю до Эстотиланте²⁴¹, от Японии до Китая – тоже, а от Японии до Квивир²⁴² – и того быстрее, так что вполне могли переплыть. Да ведь и в Юкатане находят многих из тамошних обитателей, обрезанных по обычаю иудейскому, и обычаев у них немало, близких нашим²⁴³. Раз похожи друг на друга, то могли изобрести вещи взаимно близкие.

²³⁸ Части платоновского «Тимея» и «Крития».

²³⁹ То есть во времена библейского Великого Потопа.

²⁴⁰ Туле (*Thyle*) – легендарный остров, помещавшийся на северной оконечности Европы, название которого получило печальную известность благодаря тому, что немцы националисты, вдохновлённые этим образом сакральной «прародины», нарекли в честь его оккультное общество, существовавшее позднее в нацистской Германии (1918-1945). В средневековье остров Туле, сведения о котором можно найти ещё у античных авторов, часто отождествлялся с Исландией. Нередко, как и в данном случае у Кампанеллы, *Thyle* (в качестве топонима в греческом, где впервые зафиксировано, и позднее в латыни, имевшее женский род) употреблялось с эпитетом *ultima*, «оконечная, крайняя [Туле]». О Туле как мифе см.: [Mund-Dorchie 2009].

²⁴¹ Эстотиланте (*Estotilante*) – название полуострова на востоке Канады, использовавшееся наряду с привычным Лабрадор (от порт. *Terra do Lavrador*, «Земля Землепашца»), данным его первооткрывателем Гашпаром Кorte Реалем (1450-1502?). Встречается в крупнейшем географическом справочнике времён Кампанеллы, «Известиях со всего света» (1591-1596) Джованни Ботеро (ок. 1540-1617).

²⁴² Мифическая земля на юго-западе США, один из Семи Золотых Городов, легенда о сказочных богатствах которых была аналогом легенды об Эльдорадо в Южной Америке.

²⁴³ Речь идёт о знаменитой теории потерянных колен израилевых, потомков которых пытались искать среди американских индейцев. Кампанелла был сторонником такого взгляда ещё до публикации программного труда Менаше бен-Израэля (1604-1657) «Надежда Израиля» в 1650 г.

А искусства производить совершенных животных²⁴⁴ до сих пор не видать, потому что, раз появившись, оно быстро бы укоренилось. Разговаривают же злые духи в изваяниях, тут сомнений быть не может, ведь не может металл духом человеческим одушевляться. Внутри перегонного куба [уловить и] извлечь дух мёртвых животных – невозможно, излишняя тонкость его ускользает²⁴⁵, да и расплавить его, как магнит, не получится, дух последнего ведь субстанция текучая²⁴⁶.

Что самозарождаются причудливо украшенные огромные животные – в такое поверить непросто. Сатиры – это лесные люди, которые *от нас* отошли, потому как когда их отлавливают, то привычкам нашим культурным и грамоте выучиваются, и потомство человеческое имеют²⁴⁷. В Шотландии и Англии они встречаются, в Скрифинии²⁴⁸ и Скандинавии. Да и Плиний рассказывает о многих родах лесных людей²⁴⁹.

А кто прилежно будет стараться, чтобы и созерцать [природу] и что-то мастерить, тот славно приобретёт и совершит больше, чем сказать я в силах, из тех вещей, что Творцу принадлежат, надлежащим образом осмысливая знаменья в небесах, на земле и в море. Искусство летать мне кажется вероятным, потому что те,

²⁴⁴ Вероятно, отсылка к тезису, о котором см. в прим. 225 в той же книге выше.

²⁴⁵ Напоминаем, что лат. *spiritus* обозначает, в первую очередь, дух как дыхание, являющийся, пусть и «тончайшей», но телесной субстанцией, поэтому фантазия Кампанеллы с точки зрения науки того времени не является безумной.

²⁴⁶ Так как металл подвержен плавке.

²⁴⁷ О «диких людях» см. прим. 33 к главе 23-й II-й книги. Заключение Кампанеллы об их родстве с людьми очень примечательно.

²⁴⁸ Скрифиния – территория, во времена Кампанеллы помещавшаяся между Биармией (вероятно, Беломорьем) и финскими землями [Vecellio 1598: 296-298].

²⁴⁹ В VII-й книге «Естественной истории» Плиний рассказывает о «лесном» племени мохнатых и быстроногих «сатиров» из Восточной Индии и живущих на севере Индии на границе со Скифией «лесных людях» с повёрнутыми назад ступнями (Nat. Hist. VII, 11, 24).

кто по канату ходят, они, считай, плавают по воздуху. Если какой-то человек, питаюсь как требуется и ограничивая себя, снискает для себя ту же лёгкость, которая есть у канатоходцев, и приделает себе крылья наподобие как у журавля, разобравшись, как тому удачно подражать, так чтобы на руках были крылья, а на голенях и бёдра – перья, может, и летать будет в силах... Но не так же легко как плавают, такое посложнее... Перемещаться будет из города в город, а то и от одного острова к другому, если второй неподалёку, за один полёт. Кто может, тот пусть об этом поразмыслит. Без сомнения, совершил свой полёт Дедал²⁵⁰, да и в Калабрии один человек – на пятьсот шагов²⁵¹, но когда снижался, то задел орешник, и перелом ноги перенёсся, искусство это бросил. Нет на свете такого искусства... А я ведь и не искусства здесь раскрываю, а только чувство в вещах, на котором и зиждется магия²⁵².

²⁵⁰ См. выше, прим. 49 к главе 25-й II-й книги.

²⁵¹ Учитывая, что шаг считался равным примерно полутора метрам, если сведения Кампанеллы правдивы, отважный «экспериментатор» должен был «пролететь» более семисот метров, чудом оставшись в живых.

²⁵² Добавление к главе, появившееся в парижском издании, в данной выборке отрывков опущено.

ЭПИЛОГ

О чувстве,
[заключённом во] вселенной²⁵³

Итак, весь мир – чувство и жизнь, душа и тело, изваяние Бога всевышнего, во славу *Ego* установленное, по [законам] власти, мудрости и любви²⁵⁴. Ни о чём не горюет мир, внутри которого вершатся и жизни и смерти во множестве, служа *ego* величественной жизни. В нас умирает [съеденный] хлеб, рождаются соки [тела], умирающие, чтобы стать кровью. Кровь гибнет, чтобы появилась плоть, нервы, кости, дыхание и семя, и проходит сквозь разные жизни и смерти, радости и горести, служа жизни *нашей*. Так что всё на свете всему на свете – и радость и прибыток, ведь вещи, без исключения все – милость (*gratia*) целого мира, как и сам он – милость божья во славу Его. Все живые существа пребывают внутри чрева мироздания, как внутри брюха некоего животного, и не думают, что *чувствует* мир, подобно паразитам внутри нашего, понятия не имеем, что душой мы обладаем гораздо выше, чем их собственная, что *чувствуем* мы. И всё же живые существа одушевляются не блаженной мировой душой, а душами собственными, как и наши паразиты,

²⁵³ Слово *universum* (вселенная) есть только в заглавии эпилога, в тексте в качестве его синонима используется *mundus* (мир, мироздание), *totus mundus* (целый мир, весь мир) и *totum* (всё). Хотя мы решили быть терминологически верными оригиналу, в переводе необходимости в сохранении «вселенной» лишь для заглавия не было, так как понятия взаимозаменяемы в данном контексте.

²⁵⁴ О трёх первенствах см. выше. Для Кампанеллы всякое бытие образуют тремя первенствами, любовью, мудростью и властью (*Met.* VI, 11, 1).

в отличие от нас, неразумные. И пусть человек всего лишь червь в чреве мировом, всё-таки рождён он способным облечься в крылья мудрости и любви, став птицей ангельской (*angelicus ales*), подобно бабочке, появляющейся из шелковичного червя, или пираусте²⁵⁵, летящей на свет божий – этот свет *чувствует* он в себе и в мироздании²⁵⁶. Человек является завершением целого мира, воспитателем (*cultor*)²⁵⁷ его и восхищенцем (*admirator*), до тех пор, пока Бога признаёт, милостью которого свет был сотворён. Мироздание – изваяние, образ, живое святилище божества и книга, куда вписал Бог, изукрасив, бесконечно прекрасные вещи, в уме своём осуществлённые, и выразил свои собственные мысли. Мироздание украсил Он живыми безыскусными изваяниями в небесах²⁵⁸, а на земле изваяниями смертными и смешанной природы²⁵⁹. Но от всех них мы возносимся к Богу²⁶⁰.

Блажен читающий в этой книге и *узнающий* суть вещей из неё,

²⁵⁵ Пирауста, (лат. *pyrausta*, от греч., букв. «горящая в огне») – мифическое существо, первое упоминание о котором есть во фрагменте несохранившейся трагедии Эсхила, дошедшем благодаря трактату о природе животных Клавдия Элиана (*Aelian. Hist. animal. VII, 8*): *δέδοικα μοιρὸν κάρτα πύραυστου μύρον* («страшусь я немало глупой судьбы пираусты», видимо, в смысле: «боюсь, что смогу жить только в огне страсти, а потом быстро погибну»). По словам Плиния (*Hist. Nat. XI, 44*), «летает размером больше мухи в кипрских медеплавильных печах в самом горниле огня крылатое четвероногое животное. Зовётся пираллида (*pyrallis*), а кое-кем пиротокон (*pyrotocoon*, греч. «дитя огня» – М. Ф.). Пока в огне, она живёт, а едва вылетит прочь, покинув его пределы, умирает». В честь мифической пираусты немецкий естествоиспытатель Франц фон Паула Шранк (1747–1835) назвал в 1802 г. род (*Pyraustinae*) из множества видов «пирауст» в семействе травяных огнёвок (*Crambidae*).

²⁵⁶ Это предложение с красивой метафорой добавлено в парижское издание 1637 г. Мы позволили себе сыграть на двух значениях слова «свет» в русском языке (игры слов не было в оригинале).

²⁵⁷ *Nomen agentis* от лат. *coluere* («возделывать», откуда и лат. *cultura*, «то, что будет возделывать [души]»), *cultor*, может обозначать как «возделывателя», «воспитателя», так и «поклонника».

²⁵⁸ Звёздами и планетами.

²⁵⁹ Животными и человеком.

²⁶⁰ В первом издании это предложение заканчивается вопросительным знаком (очевидно, опечатка вместо восклицательного,

а не *измышляющий* – по своему ли усмотрению или чужому. Здесь узнаёт он, как искусно правит Бог миром, Ему уподобляясь и дыша с Ним в унисон²⁶¹. Вместе с Богом он видит, что все вещи – *благ*, а зло относительно, будучи сценической маской (*larva*) для ролей, разыгрывающих перед Богом забавное представление²⁶². В душе человек торжествует и восхищается, постигает и воспевает не ведающего границ и смерти Бога, извечную Силу, Мудрость и Любовь, из которых произошло всё. Производна от них всякая сущность, сила, мудрость и любовь: существует она, оставаясь прежней или меняясь до пределов, ведомых всеобщей душе (*communi animae*)²⁶³, которая учится у творца²⁶⁴, постигая искусство, вложенное Им в сущее, с божьей помощью ведя и подвигая все вещи к высшему рубежу (*finem summum*) – до тех пор, пока не станет *всё всем*²⁶⁵, а *всему и вся* зримо явлены будут божественные красоты вечного замысла. Кто на эти вещи взирает восхищённо, тот *обладает знанием*. Знающий – *действует*. Действующий же – соратник Богу, Ему подобный, причастный мудрости всеобщей, которой слава во веки веков. *Ей* молитва даст право, чтобы нас сочла достойными возвысить, и познали мы её до конца. Да будет так.

но во втором издании в конце предложения стоит точка).

²⁶¹ Учитывая значение *spiritus* (см. выше, прим. 68 к гл. 32-й II-й книги), мы предпочли такой перевод обыденно-словарному «становясь с ним духом единым» (*spiritus unus*).

²⁶² Представление о зле как небытии развито Кампанеллой в «Метафизике» (Met. VI, 15, 3). Образ мира как божественного представления художественно воплощён Кампанеллой в сонетах XIV-XV.

²⁶³ Мировой душе (гл. 32-я II-й книги трактата).

²⁶⁴ В издании 1620 г. *quet*, а не *quae*, что меняет смысл фразы, делая подлежащим «человека, узнающего от творца о пределах, ведомых мировой душе».

²⁶⁵ Представление о грядущем свёртывании мира во всеобъемлющую божественную точку у Кампанеллы было частью не только метафизики, но и историософской эсхатологии: «Вселенская власть придёт к концу, когда каждое государство превратится во всякое другое, каждое духовное течение – во всякое иное, каждое мнение – в любое другое, и придёт мир к концу, когда всякая вещь станет всякой вещью (среди тех, что меняются со временем), а сроки *земные*, видоизменившись, объединятся с *вечными*» (курсив наш – М. Ф.) [Campanella 1854: 27].

**ИЗБРАННЫЕ
СОНЕТЫ
КАМПАНЕЛЛЫ**

Восемьдесят девять стихотворений Кампанеллы в 1622 г. были опубликованы под псевдонимом *Settimontano Squilla* («Семигор Бубенец» или, как предлагает в переводе Йейтс Г. Дашевский [Йейтс 2000: 347], «Семихолмный Бубенчик»), намекающим на семь кругов на холме, где находился Город Солнца, и фамилию *Campanella* (ит. «колокольчик») [Campanella 1622]. Место издания до сих пор точно не определено, но Тобиас Адами, выпустивший в свет этот сборник стихов, завершает посвящение книги своим «друзьям», родоначальникам розенкрейцерства Вильгельму Вензе, Христофу Безольду и Иоганну-Валентину Андреэ, указанием: «Париж, 1621 г.» [Campanella 1622: 2]. Любопытно, что ещё до публикации книги, в 1619 г. Андреэ издаёт перевод шести сонетов Кампанеллы на немецкий язык [Ernst 2010: 107]. Книга 1622 г. носила название: «Антология некоторых философских стихотворений Семигора Бубенца, добытых из его книг, названных “Песенник”». В 1954 г. стихотворения Кампанеллы с сохранением порядка их следования были переизданы под редакцией Луиджи Фирпо. Билингва, включающая сорок три стихотворения Кампанеллы с итальянским оригиналом и параллельным английским переводом была издана Шерри Руш [Campanella 2011]. Из приведённых нами сонетов у Руш отсутствует пятнадцатый. Семь сонетов Кампанеллы в переводе С. В. Шервинского приведены в приложении к изданию «Города Солнца» [Кампанелла 1954: 162-168].

I
Вступление¹

1. Отец – Рассудок, мать – Софией называют,
Поклонник истины, добра и красоты, их сын,
Я вижу, мир в бреду, он вздорностью томим,
От матери своей всем молоко я предлагаю!

5. Отцу хранила верность. Грудью вскормлен,
Напоен молоком её, я строен, лёгок на подъём!
Свеж неизменно, проникаю в каждый дом,
Чтобы мир был мудро мной оформлен!

9. Весь мир – наш отчий дом... Так и назначим!
Из перепевок-школ бегите вы скорей, друзья!
Напёрсток, палец, зёрнышко – нам хватит!

12. И если вещи в мире значат больше, чем слова,
Давайте ж – горести, гордыню, неведенье
Огнём спалите, ведь его похитил с Солнца я!

¹ Перевод С. В. Шервинского см.: [Кампанелла 1954: 162].

I

Proemio

*Io, che nacqui dal Senno e di Sofia,
sagace amante del ben, vero e bello,
il mondo vaneggiante a sé rubello
richiamo al latte della madre mia.*

*Essa mi nutre, al suo marito pia;
e mi trasfonde seco, agile e snello,
dentro ogni tutto, ed antico e novello,
perché conoscitor e fabbro io sia.*

*Se tutto il mondo è come casa nostra,
fuggite, amici, le seconde scuole,
ch'un dito, un grano ed un detal ve 'l mostra.*

*Se avanzano le cose le parole,
doglia, superbia e l'ignoranza vostra
stemprate al fuoco ch'io rubbai dal sole.*

IV

О мироздании и его частях

1. *Весь мир – живое существо, оно огромно!
Мир – изваянье Бога. Бог себя сличает с ним.
Отродье мы, червям подобно на Земле кишим,
Живём внутри его, его приют – покров нам.*

5. *Не ведаем, что одарён любовью, разуменьем,
Как черви, что живут во мне – им невдомёк,
Кто я... Им отравлять меня назначен срок,
Так, будем по земле ступать мы с уваженьем!*

9. *Что мы Земле? С той тварью мы имеем сходство,
Которая живёт в другой, огромной. Мы лишь вши,
Те, что на нас водясь, нам причиняют неудобства.*

12. *С меня бери пример, гордец! Взор к небу подними!
Взгляни, как много в каждой вещи благородства,
Поймёшь тогда, что в нём тебе принадлежит.*

IV
Del mondo e sue parti

*Il mondo è un animal grande e perfetto,
statua di Dio, che Dio lauda e simiglia:
noi siam vermi imperfetti e vil famiglia,
ch'intra il suo ventre abbiam vita e ricetta.*

*Se ignoriamo il suo amor e 'l suo intelletto,
né il verme del mio ventre s'assottiglia
a saper me, ma a farmi mal s'appiglia:
dunque bisogna andar con gran rispetto.*

*Siam poi alla terra, ch'è un grande animale
dentro al massimo, noi come pidocchi
al corpo nostro, e però ci fan male.
Superba gente, meco alzate gli occhi
e misurate quanto ogn'ente vale:
quinci imparate che parte a voi tocchi.*

V

Бессмертная душа²

1. Мозг сжался весь в кулак, а в нём зажатый – я!
 Книг есть на свете – тьма, но сколько б их ни было,
 Не утолить вовек им алчущей души!
 И сколько ж их пожрал! А всё мне не хватило!

5. Вот Аристарх – он мой, и Метродор – велик³,
 Обоих проглотил, но лишь проголодался!
 Хочу ещё – порыв! Я к гладу уж привык!
 Всё больше узнаю, а меньше мир поддался.

9. Так значит, образ я – но вечного Отца,
 Он – океан, один, объемлющий всех «рыбок»,
 Цель чувства только Он – с любовью бьёт стрела.

12. Ход разума... готов! Стрела уже в мишени.
 Властители земли – они ведь от себя.
 Покой и счастье – в Нём, оденься Его сенью.

² Перевод С. В. Шервинского см.: [Кампанелла 1954: 163]. В антологии 1622 г. сонет «Бессмертная душа» идёт не шестым по счёту, как указано в приложении к книге 1954 г., а пятым. Ради сохранения в переводе «маршевого» ритма мы пожертвовали «французской» рифмой первых катренов сонета (abba) в пользу «итальянской» (abab).

³ Аристарх Самосский – философ-перипатетик IV-III в. до н.э.. Метродоров известно несколько, вероятно, имеется в виду эпикуреец Метродор Лампсакский (IV-III в. до н.э.) [Campanella 2011].

V

Anima immortale

*Di cervel dentro un pugno io sto, e divoro
tanto, che quanti libri tiene il mondo
non saziâr l'appetito mio profondo:
quanto ho mangiato, e del digiun pur moro.*

*D'un gran mondo Aristarco, e Metrodoro
di più cibommi, e più di fame abbondo;
disiando e sentendo, giro in tondo;
e quanto intendo più, tanto più ignoro.*

*Dunque immagin sono io del Padre immenso,
che gli enti, come il mar li pesci, cinge,
e sol è oggetto dell'amante senso;
cui il sillogismo è stral, che al segno attinge;
l'autorità è man d'altri; donde penso
sol certo e lieto chi s'illuia e incinge.*

VIII

Об источниках великих на свете зол⁴

1. На свет я родился, чтобы победить три зла,
Притворство, лживые слова и тиранию.
Ну что ж, я вижу, внятно научить смогла
Фемида трём – Мощь, Мудрость и Любовь – стихиям.

5. Начала эти истинны, и ничего над ними нет,
Великая наука грандиозного открытия,
Вот снадобье против троякого обличья,
Под гнётом чьим ты плачешь, божий свет.

9. Глад, войны, зависть и чума, кругом обман,
Несправедливость, похоть, гнев, унынье:
Всё это производно от трёх зол, трёх ран.

12. Цветут и крепнут и ослеплены гордыней
Все эти одного невежества достойные плоды...
Ну что ж, их тьму рассеять призван я, отныне!

⁴ Перевод С. В. Шервинского см.: [Кампанелла 1954: 164].

VIII

Delle radici de' gran mali del mondo

*Io nacqui a debellar tre mali estremi:
tirannide, sofismi, ipocrisia;
ond'or m'accorgo con quanta armonia
Possanza, Senno, Amor m'insegnò Temi.*

*Questi principi son veri e sopremi
della scoperta gran filosofia,
rimedio contra la trina bugia,
sotto cui tu, piangendo, o mondo, fremi.*

*Carestie, guerre, pesti, invidia, inganno,
ingiustizia, lussuria, accidia, sdegno,
tutti a que' tre gran mali sottostanno,
che nel cieco amor proprio, figlio degno
d'ignoranza, radice e fomento hanno.
Dunque a diveller l'ignoranza io vegno.*

IX

Постыдное «открытие» – против самолюбования

1. Гордыня человека заставляет убеждаться,
Не могут быть одарены планеты и стихици,
– Хотя они сильнее нас и нас красивей! –
Любовью, Разумом... и ради нас одних кружатся.
5. Ну что ж, а варвары, неужто смотрит Бог на них?
Их жизнь темна и не такая, как у нас, бесцельна.
Мы Бога сделаем таким, чтобы вместили кельи.
Всё потому, что мы любить хотим себя одних.
9. Познатье прочь гоня, жизнь облегчают люди,
А если и увидят – мир не такой, как говорят,
Для них и Бога самого и промысла Его не будет.
12. Кто хитрость разумом считает, ум – лукавством,
Тот ради власти новых истуканов создаёт,
Ну а потом мнит мир своим самоуправством.

IX

Contra il proprio amore scoprimento stupendo

*Credulo il proprio amor fe' l'uom pensare
non aver gli elementi, né le stelle
(benché fusser di noi più forti e belle)
senso ed amor, ma sol per noi girare.*

*Poi tutte genti barbare ed ignare,
fuor che la nostra, e Dio non mirar quelle.*

*Poi il restringemmo a que' di nostre celle.
Sé solo alfin ognun venne ad amare.*

*E, per non travagliarsi, il saper schiva;
poi, visto il mondo a' suo' voti diverso,
nega la provvidenza o che Dio viva.*

*Qui stima senno l'astuzie; e perverso,
per dominar, fa nuovi dèi. Poi arriva
a predicarsi autor dell'universo.*

XIV

Люди – игрушка для Богов и ангелов⁵

1. Вселенский театр! Под личиной – души,
 Под маской скрыты – тел и чувств своих.
 Природа – грим и сцена, труппа – их.
 На суд твой, высший суд! Смотри и слушай!
5. Играют роли, для которых родились – не лучшие,
 Меняют сцены, коллективы ради трупп иных.
 Есть роли для веселья, есть для мук одних.
 Сценарий горький и смешной. Но – не нарушишь.
9. Иного не хотим, не вольны, не умеем сами,
 Да и не сможем – только то, что пишет Он.
 Он умный режиссёр, довольный всеми нами.
12. Своё мы отсмеемся и отплачем – вот закон,
 Земле, воде и небу грим – природе – возвращаем.
 Сыграл складнее кто? Лишь от Него и узнаём.

⁵ В переводе этого сонета сохранён оригинальный сонетный порядок рифм: abba abba cdc dcd.

XIV

Gli uomini son giuoco di Dio e degli angeli

*Nel teatro del mondo ammascherate
l'alme da' corpi e dagli affetti loro,
spettacolo al supremo consistoro
da Natura, divina arte, apprestate,
fan gli atti e detti tutte a chi son nate;
di scena in scena van, di coro in coro;
si veston di letizia e di martoro,
dal comico fatal libro ordinate.*

*Né san, né ponno, né vogliono fare,
né patir altro che 'l gran Senno scrisse,
di tutte lieto, per tutte allegrare,
quando, rendendo, al fin di giuochi e risse,
le maschere alla terra, al cielo, al mare,
in Dio vedrem chi meglio fece e disse.*

XV

*О том, что в политическом правлении люди
более следуют [удобному] случаю, чем [голосу]
разума, мало подражая природе*

- 1. Природа, ведома своим творцом,
Спектакль ставит на огромной сцене:
Звезда любая, всякий зверь и гений,
Тварь всякая глас свой имеет в нём.*

- 5. Когда же занавес опустится, мы знаем,
Бог суд устроит праведный для всех,
Обречено искусство наше на успех,
Коль мы его вослед Ему направим.*

- 9. Рабов и храбрецов у нас есть вдоволь,
Народной облечённых славой королей,
Ценою в грош, как мы увидим снова,*

- 12. «Святых», но ведь ничтожнейших людей,
Но «убиенные», как и убийцы новых,
Пред правдой – стадо голых королей.*

XV

*Che gli uomini seguono più il caso che
la ragione nel governo politico,
e poco imitan la natura*

*Natura, da Signor guidata, fece
nel spazio la comedia universale,
dove ogni stella, ogni uomo, ogni animale,
ogni composto ottien la propria vece.*

*Finita questa, come stimar lece,
Dio giudice sarà giusto ed eguale;
l'arte umana, seguendo norma tale,
all'Autor del medesimo satisfece.*

*Fa' regi, sacerdoti, schiavi, eroi,
di volgar opinione ammascherati,
con poco senno, come veggiam poi
che gli empi spesso fúr canonizzati,
gli santi uccisi, e gli peggior tra noi
prìncipi finti contra i veri armati.*

ПОЯСНЕНИЯ КАМПАНЕЛЛЫ
К СВОИМ СОНЕТАМ ИЗ МАРГИНАЛИЙ
АНТОЛОГИИ 1622 Г.

I

Вступление

Стр. 1: «Рассудок» – это извечное уразумение (*l'intelletto eterno*). «София» – сотворённая премудрость (*la sapienza creata*), разлитая (*diffusa*) во всяком бытии, которая, будучи оплодотворена божественным уразумением, рождает настоящих мудрецов, тогда как сама, [без участия мужа], рождает лживых крючкотворцев, вздорных, поскольку Богом и они сотворены.

Стр. 8: При помощи божественного *рассудка* мудрец проникает – вместе с ним – как бы в полёте, во все вещи совершённые и должны совершиться.

Стр. 9: Эта строчка заключает в себе всю логику и умозаключения, которые ведут нас к уразумению, [ходом мысли переходя] от части к целому.

Стр. 10: Школы-перепевки (*secondo scuole*) – те, которые не у Бога учатся разбираться в природе, а из книг, [написанных] людьми, высказывающих соображения по собственной прихоти, а не как прямые очевидцы того, чему в школе у Бога научились.

Стр. 11: Из двух пальцев получается [длина] ладони, затем локоть, канна⁶ и все большие меры *длины*. От произведения зёрнышек – меры веса, от напёрстка – меры объёма. Это самый ходовой в математике способ перехода [от меньшей меры к большей].

Стр. 12: Слова не доходят до раскрытия велух сути вещей, да и не все вещи известные имеют собственное словесное обозначение, а те, которые неизвестны – не имеют никакого. Недостаток слов,

⁶ От ит. и лат. *sappa* (слово греч. происхождения) – «тростник, камыш, ствол, труба». Мера длины в Италии и Испании, около 2 м. Палец, ладонь, локоть – также меры длины.

одинаковость из звучания и синонимичность, печалят мудрецов, потому как видят они свою неспособность постичь [вещи с помощью слов], жонглёрам словесами внушают самодовольство, потому как в слово те вкладывают свою власть, а всем людям – невежество.

Стр. 14: Прометей похитил [с неба] огонь, и за это был взят под стражу на Кавказе, за то, что сделал он...

IV

О мироздании и его частях

В этом сонете [автор] утверждает, что в чреве мироздания человек – подобие червя в чреве нашем⁷, а на Земле он – словно вши у нас на голове. Потому мы и не знаем, что мир обладает душой и любовью, так же как не ведают черви и вши – малы они слишком – нашей любви и чувств, поэтому они приносят нам неосознанный вред. Оттого [автор] увещевает людей, чтоб жили они на свете с уважением и признавали всеобщий разум и собственную малость, так надменно бы не держались, зная, какие же они мелкие зверьки.

VIII

Об источниках великих на свете зол

Поскольку автор написал в «Метафизике» о трёх первичностях или предначалах⁸ (ибо он их называет Мощью, Мудростью и Любовью), а все беды на свете производны от тирании, ненастоящей *мощи*, софистики – ненастоящей *мудрости*, и лицемерия – ненастоящей *любви*, то говорит он, что Фемида разумным путём

⁷ Излюбленная метафора Кампанеллы, на раз встречающаяся в трактате «О чувстве в вещах».

⁸ О трёх «прималитетах» см. [Горфункель 1969: 108-110].

научила его этой философии. Фемида – богиня правосудия, дававшая пророчества в Греции, как пишет Овидий, принимающий её за божественную мудрость⁹. «Троякая ложь – здесь три этих зла, которые противостоят метафизической и богословской Троице, и они вредоноснее, чем *безвластие*, *невежество* и *ненависть*, три противостоящих [ей] *явных* зла. К тому же, *omnis peccans est ignorans in eo quod peccat*¹⁰, согласно философам и богословам. Из невежества этого, когда знаешь, что твёрдо стоишь на ногах (*par sapienza di stato*), рождается самолюбие, слепое, корень и основа всех зол, так же, как из истинной мудрости – зрячая любовь (*l'amor oculato*), *quia ignoti nulla cupido*¹¹. Поэтому автор, искореняя невежество, изобличает истинные пороки и добродетели – для этой цели и рождён всякий мудрец. Вот отчего [говорит] Соломон: «Множество мудрых – спасение миру»¹².

IX

Постыдное «открытие» – против самолюбования

Настоящий сонет показывает, что из-за самолюбия случилось так, что люди заставили других себе поклоняться и себя считать равными богам – Юпитеру и Геркулесу¹³. Прежде всего, самолюбие нам внушает мысль, что небо и звёзды лишены чувства, и они являются нашими рабами – положение, автором отвергаемое в книге «О чувстве в вещах» и «Метафизике». Бог ведь сказал Моисею, что созданы они, чтобы служить нам¹⁴, как будто бы, если

⁹ Перевод С. В. Шервинского см.: [Кампанелла 1954: 162].

¹⁰ «Всякий кто грешит, невежественен в том, в чём он грешит».

¹¹ «Потому что любви нет к тому, о чём не знаешь».

¹² Книга премудрости Соломона 6:26. У Кампанеллы цитата приведена из Вульгаты на латыни.

¹³ Символы власти (верховный бог Юпитер) и силы (герой Геркулес).

¹⁴ «И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими и над птицами небесными, и над всяким животным,

рабы у нас присматривают за конями и собаками, то они из-за этого стоят ниже коней и собак! Затем самолюбие делает так, что любой народ думает, что другие народы – варвары, которые обречены попасть в Преисподнюю, а только «мы» одни «спасённые». Не видит слепая любовь [к себе], что Бог – это Бог *всех людей*. Вот почему обречены [на страдание] иудеи, которые отрицают, что спасутся язычники, которые для них погань¹⁵ и отродье (*gentaglia e volgo*). Потом внушает нам самолюбие мысль, что одни «мы монахи» спасёмся. Любой город другие города, рядом с ним расположенные, считает варварскими и всеми правдами и неправдами им стремится овладеть! Из-за этого общего недостатка любви происходит то, что всяк только себя и любит и, себя любимого непомерно холя и лелея, избавляет от труда изучить что-то в [свете] истинной премудрости. Видя, что дела – так ему кажется – идут как придётся, *quia ignorantia facit casum*¹⁶, думает про себя, что нет Бога, для всего сущего промыслителя, того, для кого случайности не существует, *quia nihil praeter eius intentionem aut voluntatem*¹⁷. А потом начинает за Бога почитать собственное хитроумие (*astuzia*), по примеру Макиавелли¹⁸ (*macchiavellescamente*). При возможности он себе заставляет как Богу поклоняться, уверенный, что нет Бога истинного, всякое дело себе на пользу ведёт и принуждает простой народ кумиров почитать.

пресмыкающимся по земле» (Бытие 1:28).

¹⁵ Этимологическая связь «язычества» с оседлой сельской общиной и родом примечательна. Русское «погань» восходит к лат. *paganus*, «языческий» [Фасмер 1986 III: 294], от *pagus* («село, деревня»), которое возводят к глаголу *rango* («засаживать [деревьями, обживать]», ср. русск. «паз» [Фасмер 1986 III: 195]). «Языческий» восходит к слову «язык» (в старославянском, вероятно, по аналогии с лат. *lingua*, имевшему также значение «народ» [Фасмер 1986 IV: 551], ср. в «Памятнике» Пушкина: «И назовёт меня всяк сущий в ней язык [народ]»), как и лат. *gentilis* (ит. *gentile*), происходящее от *gens* «род» (ср. русск. «жениться»).

¹⁶ «Невежество создаёт случай» (в смысле: только чьё-либо неведение о причинах произошедшего создаёт у него иллюзию случайности).

¹⁷ «Потому как ничего вне замысла и воли Его».

¹⁸ Букв. «макиавеллически».

XIV

Люди – игрушка для Богов и ангелов

Тела – маски душ, и дело их не первостепенное, а прикладное, согласно постановлению божественного провидения о том, что не всяк король, кто королевскую «маску» носит. Когда же возвращены будут маски стихиям, нагие будем и увидим в Боге, свете живом, кто лучше осуществил то, что был должен. Так что, пока суд да дело, терпение нужно иметь, чтобы постичь [смысл вселенской] комедии¹⁹ [только] в Судный день.

XV

О том, что в политическом правлении люди более следуют [удобному] случаю, чем [голосу] разума, мало подражая природе

Вселенская комедия²⁰ цельно заключена в сфере *метафизики*. Наша же наука управления государством – подражание ей.

¹⁹ В культурных координатах того времени, наследующих аристотелевской «Поэтике», комедия – низкий, народный жанр представления, противостоящий возвышенной «трагедии». Комедия оканчивается благополучно, тогда как трагедия разрешается «катарсисом», благородным страданием, очищающим душу. Для Кампанеллы жизнь с её трагикомическими горестями и мелкими заботами червей-людишек (см.: Сонет IV), должна завершиться неизбежным Страшным Судом и свёртыванием мира в божестве – «комедия». Именно в этом смысле нужно понимать заглавие поэмы Данте, написанной не на латыни, а на «народном» итальянском языке и не чуждой просторечию: «Грубая пьеса с хорошим концом» (*Commedia*). Банально-льстивый эпитет «божественная», добавленный к «Комедии» Боккаччо, мог бы интерпретироваться более тонко в философии Кампанеллы, как забавное представление, разыгрываемое, режиссируемое Богом. Ср. *la comedia universale* в сонете XV, приведённом ниже, и *la comedia dell'universo* в авторском пояснении к нему.

²⁰ О семантике «комедии» см. примечание к предыдущему сонету.

И нередко «скопирована» политика неправильно, отчего и случается столько бед. И Данте говорит:

*«И если б мир, основы обзрев,
Внедренные природой, шел за нею,
Он стал бы лучше, в людях преуспев.
Вы тащите к церковному елею
Такого, кто родился меч нести,
А царство отдаете казнодею;
И так ваш след сбивается с пути»²¹.*

²¹ Данте. Божественная комедия. Рай. VIII, 142-148 (пер. М. И. Лозинского) [Данте 1967: 349]. Казнодей (польск. *kaznodzieja*) – проповедник.

Содержание

- 11 Предисловие
- 43 О чувстве, заключённом в вещах, и о магии
- 153 Избранные сонеты Кампанеллы
- 168 Пояснения Кампанеллы к своим сонетам из маргиналий
антологии 1622 г.

УДК 14
ББК 87.3
К18

Томмазо Кампанелла
О чувстве, заключённом в вещах, и о магии
М.: Издание книжного магазина «Циолковский»,
2020 г. — 176 с.
ISBN 978-5-6044454-2-6

Трактат Томмазо Кампанеллы «О чувстве, заключённом в вещах, и о магии» знакомит читателя с оригинальной натурфилософией всеобщего одушевления, созданной автором знаменитой утопии «Город Солнца». Избранные главы из всех четырёх книг трактата, снабжённые примечаниями, сопровождаются вводной статьёй и антологией из сонетов Кампанеллы в новом стихотворном переводе с приложением итальянского оригинала.

Перевод, предисловие, комментарии: Матвей Фиалко
Подготовка текста: Максим Сурков
Макет, вёрстка, обложка: Алиса Цыганкова

© Матвей Фиалко, 2020
© ООО «Книгократия», 2020

ISBN 978-5-6044454-2-6

